ПРОДАЖНЫЯ ЖЕНЩИНЫ.

по соч. В. БАБИКОВА

ПРОСТИТУЦІЯ И РАЗВРАТЪ
ВЪ АНТИЧНОМЪ МІРѢ,
ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА И
ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1908.

ПРОДАЖНЫЯ ЖЕНЩИНЫ.

по соч. В. БАБИКОВА

Составлено по Паранъ-Дю-Шателе,
Лакруа,
Шерру,
Жаннелю и друг.

ПРОСТИТУЦІЯ И РАЗВРАТЪ
ВЪ АНТИЧНОМЪ МІРѢ,
ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА И
ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

. . . И на лбу роковыя слова:
«Продается съ публичнаго торга».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1908.

Типографія Ясногородскаго. Спб., Гороховая, 17.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе.

Одинъ изъ важныхъ соціальныхъ вопросовъ, поднятыхъ въ послѣднее время въ литературѣ, составляетъ вопросъ о проституціи, или промыслѣ развратомъ,—этомъ ужаснѣйшемъ злѣ, разъѣдающемъ общество. Зло это порождаетъ другое, не менѣе ужасное,—сифилитическую болѣзнь, принявшую въ послѣднее время громадное развитіе, обратившее на себя вниманіе правительствъ и ученыхъ. Торговля живымъ мясомъ, достигшая до изумительныхъ размѣровъ, особенно въ большихъ городахъ, возмущаетъ душу своимъ характеромъ, своими поводами и своими гибельными послѣдствіями, которыя ведутъ къ вырожденію расъ, ибо сифилисъ имѣетъ свойство передаваться наслѣдственно подъ многоразличными формами, и дѣти, рождающіяся отъ зараженныхъ этой болѣзнью родителей, являются на свѣтъ слабыми и хилыми, какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Понятно, какъ важно бы было уничтожить самый корень зла, т. е. проституцію, но напрасно лучшіе умы настоящей эпохи изыскивали средства для уничтоженія этого зла, они всѣ пришли къ тому заключенію, что оно неизбѣжно и необходимо. Зло

это, говорятъ люди самые компетентные въ этомъ дѣлѣ, всегда существовало и будетъ существовать. Это очень печально, это возмутительно, но съ этимъ пока мы должны согласиться.

Проституція есть результатъ извѣстныхъ соціальныхъ порядковъ, и пока будутъ существовать эти порядки, до тѣхъ поръ будетъ существовать и промыселъ развратомъ. Эта язва человѣчества излѣчится только тогда, когда весь общественный организмъ подвергнется переработкѣ. Ненормальныя условія жизни, порождаемыя несовершенствомъ соціальныхъ отношеній между отдѣльными личностями и различными классами общества, имѣютъ глубокое и сильное вліяніе на чрезмѣрное развитіе полового инстинкта въ отдѣльныхъ личностяхъ и въ извѣстныхъ слояхъ общества, на развитіе страсти разврата, постоянно возрастающей и усиливающейся.

Этимъ заражены преимущественно богатые классы, которые, будучи вѣчно сытыми и обезпеченными, будучи окружены всевозможными удобствами, даютъ полный просторъ своимъ прихотямъ, старательно отыскивая разнообразія въ удовольствіяхъ.

А рядомъ съ этими сытыми, откормленными богачами стоитъ классъ бѣдняковъ, классъ пролетаріевъ, стоитъ униженная, забитая нищета, вѣчно голодная и холодная, оборванная и общипанная тѣми же самыми богачами. Будучи лишены возможности наслаждаться радостями брачной жизни, эти оборванные бѣдняки стремятся утѣшить свое вопіющее горе въ винѣ или въ оргіяхъ грошоваго разврата. Кромѣ того почти во всѣхъ культурныхъ обществахъ существуютъ

цѣлые часто многочисленные классы, обязанные самимъ закономъ къ безбрачію: таково будійское и католическое духовенство, таковы многія арміи. Принудительное лишеніе естественныхъ сближеній съ женщиной, насилуя человѣческую природу, тѣмъ самымъ усиливаетъ половые инстинкты; природа беретъ свое, и эти классы становятся возбудителями и покупателями разврата. Сюда же относятся тѣ, которыхъ самый родъ ихъ занятій или различныя обстоятельства на долгій срокъ лишаютъ возможности удовлетворить натуральной потребности половаго сближенія, а потомъ, поставивъ ихъ на нѣкоторое время въ благопріятную для этого обстановку, снова принуждаютъ ихъ къ воздержанію. Таковы матросы, путешественники, арестанты выпущенные изъ тюремъ и т. д. Наконецъ развратъ и незаконная половая связь являются какъ реакція со стороны женщины противъ нѣкоторыхъ стѣснительныхъ условій общественной и семейной жизни. Законъ и общественное мнѣніе всегда строже къ поведенію женщинъ, чѣмъ къ поведенію мужчинъ: что считается дозволительнымъ послѣднему, за то первая подвергается поруганію, насмѣшкамъ и отчужденію изъ общества. У грубыхъ, неразвитыхъ народовъ женщина вещь, которая не можетъ имѣть ни своей воли, ни своихъ желаній: она всецѣло принадлежитъ мужчинѣ. Она раба въ полномъ значеніи этого слова, раба отъ дѣтства до самой смерти; ею распоряжаются, какъ хотятъ, не спрашивая ея согласія. Но и современное европейское общество недалеко ушло отъ такого воззрѣнія на женщину, лишая ее самостоятель-

ности и принуждая во всемъ подчиняться волѣ и власти мужчины. Въ низшихъ слояхъ общества она доселѣ не имѣетъ ни малѣйшаго голоса во всемъ. что касается ея интеллектуальной жизни. Ея не спрашиваютъ о ея желаніяхъ, не спрашиваютъ ея согласія при выдачѣ въ замужество, и всего чаще она бываетъ принуждена вступить въ бракъ съ немилымъ ей человѣкомъ. Естественно, что у женщины является реакція противъ такого произвольнаго распоряженія ея свободой, ея личностью; она естественно стремится выйдти изъ такого стѣснительнаго положенія, стремится стать лицомъ, а не вещью, любимымъ существомъ, а не просто самкой. Не любящая мужа жена мститъ ему тѣмъ, что избираетъ себѣ любовника, и такимъ образомъ дѣлаетъ первый шагъ по тому пути, который, наконецъ, доводитъ ее до совершеннаго паденія. Конечно, связь по любви не есть еще развратъ, но большинство подобныхъ женщинъ съ дѣтства поставлено въ такія условія, которыя или развиваютъ въ нихъ однѣ только грубые половые инстинкты, наклонность къ однимъ только чувственнымъ удовольствіямъ, не соединеннымъ ни съ какой нравственной симпатіей къ любовнику, или же принуждаютъ ихъ изливать неудовлетворенную надлежащимъ образомъ страсть на каждаго мужчину, приходящагося имъ по вкусу. Здѣсь то именно и кроются задатки будущей проституціи. Женщина, не получившая никакого умственнаго и нравственнаго развитія, женщина-раба, ежеминутно оскорбляемая и уничтожаемая грубымъ произволомъ, эта забитая женщина, разъ по-

чувствовавъ свободный воздухъ, несется какъ разнузданная лошадь, отмщая такимъ образомъ и семейству и обществу.

Но у народовъ, стоящихъ на самой низшей степени развитія, у народовъ патріархальныхъ нѣтъ и не можетъ быть проституціи, по крайней мѣрѣ въ такой формѣ, въ какой она встрѣчается у народовъ цивилизованныхъ. Представьте себѣ племя, разбитое на отдѣльныя семейства, переходящее безпрерывно съ мѣста на мѣсто, отдѣленное пустынями отъ другихъ людей. Кто и съ кѣмъ будетъ тамъ проститутничать? У каждаго мужчины есть подруга, которой онъ довольствуется, вслѣдствіе слабаго развитія половыхъ инстинктовъ, обусловливаемаго постояннымъ физическимъ трудомъ и нѣкоторыми особенностями первобытной жизни, которыя заключаются въ томъ, что женщина и по формамъ и по голосу, и по росту, и по одеждѣ ничѣмъ почти не отличается отъ мужчины, а половое возбужденіе обусловливается развитіемъ половыхъ отличій. Неестественныя страсти, какъ педерастія или скотоложство являются или уже какъ результатъ глубокой развращенности народа и пресыщеніе естественными наслажденіями, или же какъ слѣдствіе недостатка въ женщинахъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ такое развитіе половаго разврата находится въ непосредственной связи съ развитіемъ международныхъ сношеній. У Индѣйцевъ Сѣверной Америки развращенность и проституція явились съ особенной силою только послѣ нашествія Европейцевъ. Грубый развратъ Южно Американцевъ, въ которомъ ихъ обвиняютъ, раз-

витъ среди нихъ преимущественно Испанцами. Тоже мы замѣчаемъ въ настоящее время въ Африкѣ: чѣмъ удаленнѣе негры отъ вліяній бѣлыхъ, тѣмъ менѣе встрѣчается среди нихъ половыхъ излишествъ и всякой развращенности. Вліяніе Европейцевъ на индѣйскія племена Америки сильнѣе подѣйствовали на вымираніе этихъ племенъ, чѣмъ европейскія пушки.

Первоначальная форма проституціи есть домашняя. У патріархальныхъ племенъ въ высшей степени развито гостепріимство: хозяинъ предлагаетъ своему гостю все, что у него есть лучшаго. При этомъ, иногда онъ надѣется, что путешественникъ одаритъ его за угощеніе. Въ первичныя эпохи цивилизаціи этими путешественниками обыкновенно бывали купцы, являющіеся истинными благодѣтелями народа, которому они издалека привозятъ необходимые товары. Однимъ изъ главнѣйшихъ тогда удобствъ считалось возможность половыхъ удовольствій, которыхъ путешественники обыкновенно бываютъ лишены долгое время. Такимъ образомъ, съ одной стороны обычай гостепріимства, а съ другой стороны нужда и расчетъ заставляютъ дикаря отдавать путешественнику свою дочь, сестру, жену. Такой обычай существуетъ доселѣ у многихъ народовъ, напр. у Гренландцевъ, Эксимосовъ и т. д. У жителей Африки въ большомъ ходу угощеніе пріятелей своими женами и дочерьми, и эта проституція особенно сильно развита въ странахъ много посѣщаемыхъ европейцами. Сильнѣе всего она въ Конго и на Золотомъ берегу. Въ большинствѣ случаевъ побужденіемъ къ такому торгу бываетъ бѣдность,

но также часто желаніе родителя или мужа добыть отъ гостя какую нибудь бездѣлушку или на водку.

Сами женщины не всегда остаются безучастными въ этой торговлѣ, въ этой первоначальной формѣ промысла развратомъ. Пріученныя семейною властью къ этому промыслу, онѣ вскорѣ начинаютъ заниматься имъ самостоятельно или секретно отъ семьи, или съ ея вѣдома и для ея пользы. Возникшая такимъ образомъ проституція мало-по-малу начинаетъ расширять кругъ своихъ дѣйствій, родители и мужья начинаютъ предлагать своихъ дочерей и женъ не однимъ только иностранцамъ и не изъ за однихъ только денегъ. Желая пріобрѣсть милость какого нибудь князька, они прежде всего ведутъ къ нему своихъ женъ и дочерей. Такимъ образомъ составляются первые гаремы. У многихъ племенъ проституція связана съ бракомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что за прелюбодѣяніе мужъ имѣетъ право взыскивать денежную пеню, и наконецъ этотъ обычай обращается въ промыселъ.

Изъ всего этого мы видимъ, что вначалѣ возникаетъ семейная проституція. Ея антрепренерами вмѣстѣ съ родителями и мужьями являются рабовладѣльцы. Съ рабыней пріобрѣтенной посредствомъ купли или войны не больше церемонятся, чѣмъ съ женой или дочерью. Въ Дагомеѣ самъ король содержитъ непотребные дома, съ которыхъ получаетъ значительный доходъ, и эти дома состоятъ изъ невольницъ. Такимъ образомъ начинаетъ возникать проституція публичная, которая у многихъ народовъ

появляется очень рано, и которою занимаются вдовы, сироты, подкидыши,—вообще совершенно безпомощныя личности, вынужденныя нищетою къ продажѣ своего тѣла.

Въ древнемъ мірѣ мы встрѣчаемся еще съ одной формой проституціи, вовсе намъ неизвѣстной,—съ религіозной проституціей. Вѣра въ возможность половой любви боговъ съ обыкновенными женщинами породила богослуженіе, состоявшее въ извѣстныхъ обрядахъ, изображавшихъ любовную страсть, и въ принесеніи этимъ божествамъ въ жертву величайшихъ женскихъ сокровищъ: дѣтей и дѣвственности. Въ Индустанѣ тысячи невинныхъ дѣвушекъ, часто изъ лучшихъ фамилій страны, посвящались богамъ, растлѣвались браминами и оставались при храмахъ, какъ для богослуженія, такъ и для утѣхи жрецовъ. Въ древнемъ Вавилонѣ жрецы, захвативъ всю власть въ свои руки, обязали каждую вавилонянку однажды въ теченіе ея жизни проводить извѣстное время въ храмѣ Мелиты или Венеры, предаваясь за деньги каждому желающему иностранцу, которые толпами тѣснились на этомъ религіозномъ базарѣ разврата. Деньги, вырученныя ими черезъ продажу своего тѣла, поступали на алтарь богини, а оттуда въ карманы жрецовъ. Такой же проституціонный культъ существовалъ въ Египтѣ, Финикіи, Карѳагенѣ, Арменіи, Персіи, по временамъ въ Палестинѣ,—вездѣ, гдѣ духовенство было достаточно сильно, чтобъ захватить въ свои руки промыселъ развратомъ. Востокъ можно считать колыбелью проституціи, и на немъ же она развилась до такихъ ужасающихъ раз-

мѣровъ, до какихъ не достигала нигдѣ и никогда, развѣ только въ предсмертныя минуты Рима. Менѣе другихъ народовъ востока были развращены Евреи, такъ заботливо изолированные отъ сношеній съ чужеземцами; но и у нихъ онанизмъ, скотоложство, мужеложство, кровосмѣшеніе даже дѣтей съ родителями, не говоря уже объ обыкновенномъ развратѣ, находилось на страшной степени развитія.

Въ Европѣ публичная проституція родилась на берегахъ Средиземнаго моря,—этой колыбели древней цивилизаціи, потому что вся торговля, всѣ сношенія Европы съ другими народами шли по водамъ этого моря. Въ Греціи и особенно въ Римѣ она достигла до колоссальныхъ размѣровъ, захватила собою всѣ классы общества, сдѣлалась наукой, искусствомъ. Супруги цезарей и римскія матроны проститутничали на ряду съ самыми послѣдними развратницами. Порокъ вь вѣчномъ городѣ былъ до такой степени могущественъ, что самые дворцы цезарей стали домами непотребства. Такому громадному развитію разврата способствовали съ одной стороны неслыханныя богатства, находившіяся въ рукахъ патриціевъ, а съ другой—крайняя нищета народныхъ массъ. Безжалостно эксплуатируемый, задавленный народъ, по временамъ, рычалъ какъ голодный звѣрь: крови и хлѣба! Великій Римъ, ограбившій весь міръ, представляетъ намъ предъ своей гибелью, такую ужасающую картину нравственнаго растлѣнія, что не вѣришь возможности подобной развращенности человѣческой природы.

Средневѣковыя европейскія государства воз-

никшія на развалинахъ Римской имперіи унаслѣдовали отъ своего бывшаго повелителя всѣ его пороки и преступленія. Эпоха феодализма и кулачнаго права создала такія отношенія между высшими и низшими классами, которыя въ высшей степени способствовали глубокой развращенности нравовъ. Тогда для закованныхъ въ желѣзо бароновъ не существовало ни права собственности, ни права личности,—для нихъ не существовало ничего, кромѣ необузданнаго произвола. Ихъ ненасытная чувственность попирала всѣ божескіе и человѣческіе законы: они растлѣвали не только дочерей своихъ вассаловъ, но принуждали даже къ кровосмѣшенію собственныхъ своихъ дѣтей; мужеложство было въ большомъ ходу. Аббаты и епископы развратничали въ своихъ кельяхъ, заводили въ монастыряхъ цѣлые гаремы. Они были главными факторами разврата, развитію котораго способствовала также нищета народа. Въ Италіи, раньше чѣмъ гдѣ либо, начали возникать публичные дома, а оттуда съ изумительной быстротой распространились по всей Европѣ. Проституція, подобно стремительному потоку, подобно вышедшей изъ береговъ великой рѣкѣ, затопила средневѣковую жизнь. Проститутокъ было такое множество, что во многихъ городахъ имъ не доставало жилищъ. Въ одномъ Римѣ было больше 40,000 проститутокъ. Запретительные эдикты королей, общественныя проклятія, гоненія, преслѣдованія, варварски-безчеловѣчныя казни—ничто не помогало, и проституція шла впередъ, разливаясь все шире и шире.

Такую же безобразную картину представляютъ и ближайшія къ намъ вѣка. Въ XVII и XVIII столѣтіи половой развратъ, особенно высшихъ классовъ, былъ до того силенъ, что напоминалъ развратъ античиаго міра. Этотъ развратъ всосался и въ жизнь, и въ литературу, и въ искусство; онъ разрушалъ семейства и губилъ народы. Всѣ мѣры, принимаемыя противъ него, были безсильны и безплодны.

XIX вѣкъ,—этотъ гуманный и цивилизованный вѣкъ,—также страдаетъ тою же язвой, какой страдала и старая Европа. Онъ съ ужасомъ видитъ, какъ гибнетъ народное здоровье, разрушаемое венерической болѣзнью; для него ясно, что есть одно только средство для уничтоженія этого бича человѣчества: это уничтоженіе торговли живымъ мясомъ, уничтоженіе промысла развратомъ, или, по крайней мѣрѣ, возможное сдерживанье проституціи въ извѣстныхъ границахъ. Онъ ищетъ для этого средства и не находитъ. На самомъ дѣлѣ, картина современнаго намъ общества—картина безотрадная! Художникъ, желающій быть вѣрнымъ изобразителемъ современныхъ нравовъ долженъ брать одни только мрачные тона. Страшная нищета, громадное количество преступленій, разрушеніе семействъ, общность женщинъ,—все это заставляетъ желать измѣненія общественныхъ формъ жизни.

Начавъ переводить сочиненіе доктора Жанеля, мы увидѣли, что несмотря на всѣ свои достоинства, оно слишкомъ односторонне, касаясь главнымъ образомъ только санитарныхъ

мѣръ противъ распространенія сифилиса. Вслѣдствіе этого мы сдѣлали свои собственныя дополненія, заимствованныя нами изъ сочиненій Parent—Duchatelet, Lacroix, г. Шашкова, Архива Судебной медицины и другихъ источниковъ.

ПРОСТИТУЦІЯ
ВЪ
АНТИЧНОМЪ МІРѢ.

Древность проституціи.

Проституція (промыселъ развратомъ) существовала еще во времена патріарховъ и пророковъ, болѣе чѣмъ за двѣ тысячи лѣтъ до христіанской эры.

Она существовала всегда и вездѣ. Она и доселѣ существуетъ у дикарей, иногда подъ видомъ гостепріимства, когда хозяева предлагаютъ гостямъ своихъ женъ и дочерей, какъ у грендландцевъ, сибирскихъ дикарей и т. д.; иногда же является почти въ томъ же самомъ видѣ, какъ и у цивилизованныхъ народовъ, эксплуатаціей своимъ тѣломъ, торговлей живымъ мясомъ.

На существованіе проституціи есть указаніе въ мѣстахъ еврейскаго законодательства; самое запрещеніе оной можетъ служить доказательствомъ ея существованія, ибо нечего запрещать того, что не существуетъ: законъ всегда бываетъ слѣдствіемъ извѣстнаго обстоятельства, извѣстной потребности, бываетъ вызванъ существующимъ зломъ.

Многочисленныя статьи этого закона угрожаютъ самыми жестокими наказаніями какъ любодѣямъ, такъ и прелюбодѣямъ.

Но уже и у нихъ проституція получила очень широкое развитіе. Палестина, по словамъ пророковъ, была великой блудницей и прелюбодѣйствовала на каждомъ холмѣ, подъ каждымъ деревомъ въ полѣ. «Евреи заводили у себя культы Ваала и Молоха, жрецы которыхъ были все прекрасные

безбородые юноши, продававшіе себя на содомію всѣмъ желающимъ. При тѣхъ же храмахъ состояло и промышляло развратомъ множество женщинъ. Однакоже Палестина была все таки менѣе развращена, чѣмъ прочія восточныя государства. Менѣе чѣмъ Вавилонъ, этотъ громадный публичный домъ разврата; менѣе, чѣмъ Египетъ, гдѣ часто сладострастіе удовлетворялось трупами дѣвушекъ вскорѣ или черезъ нѣсколько дней послѣ ихъ смерти, и гдѣ народъ любодѣйствовалъ въ повалку у многочисленныхъ алтарей,—менѣе, чѣмъ Финикія, гдѣ полновластно царила сладострастная Астарта, и откуда мореплаватели развозили во всѣ страны тогдашняго міра религію порока.

Проституція является въ традиціяхъ древняго Рима, въ разсказахъ о дѣтствѣ двухъ близнецовъ, Ромула и Рема, основателей Рима.

Нѣкоторые предполагаютъ, говоритъ Титъ Ливій, «что Лауренція была проститутка, которой пастухи дали названіе Волчицы».

Въ первыя времена римской республики ссора, причиненная публичными женщинами, обусловила созданіе диктатуры.

«Во время празднованія игръ молодые Сабиняне въ минуту увлеченія похитили нѣсколько публичныхъ женщинъ и тѣмъ возбудили столкновеніе, почти сраженіе».

Въ нѣкоторыхъ культахъ малоазіатскихъ народовъ, напримѣръ у Фригійцевъ и въ Лидіи, въ культѣ богинѣ Кибелы, нельзя также не замѣтить начала проституціи. Въ честь этой богини, олицетворявшей собою воспріимчивую и рождающую силу природы, при ея храмѣ дѣвицы приносили въ жертву свою дѣвственность, предаваясь чужестранцамъ, посѣщавшимъ святилище. Богослуженіе въ честь ея сопровождалось оргіетическими плясками, а жрецы, служившіе ей, подвергали себя мучительной операціи оскопленія. Тоже мы замѣчаемъ и въ финикійскомъ культѣ богинѣ Ашерѣ, во многомъ сходной съ малоазіатской Кибелой: и здѣсь въ поклоненіи ей существовала также чувственность, освященная религіей, и здѣсь также дѣвицы приносили въ жертву свою дѣвственность.

Греческія гетеры, несмотря на тотъ блескъ, которымъ сіяютъ ихъ имена, несмотря на всю роскошь поэзіи, которою облило ихъ художественное эллинское чувство,

также несомнѣнно принадлежали проституціи, ибо составляли какъ бы публичную принадлежность. Всѣ эти Лаисы, Аспазіи, Фрины, въ сущности, но подъ иной формой, были тѣмъ же, чѣмъ современныя намъ лоретки. Форма была иная, ибо иныя были общественныя условія, но ясно, что форма прикрывала ту же нравственную испорченность; подъ болѣе прекрасной формой скрывался тотъ же порокъ.

Въ Греціи проституція приняла, если можно такъ выразиться, уже болѣе усовершенствованныя формы, явилась не только ремесломъ, но даже искусствомъ. Греки посылали назначенныхъ для проституціи дѣвушекъ учиться разврату въ Коринѳъ и въ Египетскій городъ Новкатрисъ. Въ Коринѳѣ проститутки, стоя на возвышенностяхъ, поджидали прибытія иностранныхъ кораблей, и какъ только пассажиры судна показывались на берегу, ихъ окружала толпа самыхъ очаровательныхъ прелестницъ.

Греція, — эта выразительница высшаго чувственнаго культа въ самыхъ изящныхъ и художественныхъ формахъ,— создала Венеру, которая была не только богинею любви и красоты, но и богинею проституціи. Венера была куртизанка въ самомъ полномъ значеніи этого слова, хотя и другіе боги Олимпа не отличались особенно строгой нравственностью. Она въ двадцати мѣстностяхъ Греціи называлась именами, которыя въ переводѣ означаютъ гетеру или камелію. Главными ея поклонниками были публичныя женщины и ихъ любовники. Культъ Венеры, такъ долго державшійся въ Греціи, состоялъ изъ самыхъ бѣшеныхъ оргій сладострастія и растлѣнія невинностей. Она была родная сестра восточныхъ Милитъ, Астартъ, Изидъ и пр. Нѣкоторые изъ ея храмовъ были буквально публичными домами разврата. Эта храмовая проституція вначалѣ существовала исключительно для иностранцевъ, а доходы съ оной поступали въ пользу жрецовъ. Такой же характеръ имѣли у Грековъ культы Адониса и Вакха, которые существовали даже въ то время, когда въ народѣ почти исчезла вѣра въ своихъ боговъ.

Мы уже не говоримъ о Римѣ, о томъ глубоко развратномъ, разлагавшемся Римѣ временъ цезарей, въ которомъ знатнѣйшія римскія женщины совершенно открыто отдавались гладіаторамъ и съ неслыханнымъ безстыдствомъ спорили за обладаніе ими, а знатнѣйшіе патриціи не сты-

дились раззоряться на публичныхъ женщинъ. Въ вѣчномъ городѣ проституція развилась до самыхъ громадныхъ размѣровъ, приняла самыя отвратительныя формы, была признана и терпима закономъ, явилась во всей наготѣ—ужасающая и отталкивающая.

Въ немъ родоначальницей публичнаго разврата была, по преданію, Акка Лауренція. Въ честь ея до X вѣка по Р. Х. совершались ежегодно празднества, душою которыхъ былъ религіозный развратъ, сопровождавшійся самыми циническими зрѣлищами въ циркѣ. При звукахъ трубъ на эти празднества стекались цѣлыя толпы проститутокъ раздѣвались до нага и съ безпримѣрнымъ безстыдствомъ показывались народу. Въ этомъ же видѣ представлялись культы Адониса, Пріапа, Бахуса. Но безобразнѣе всѣхъ былъ культъ Озириса и Изиды; безчисленные храмы въ честь этой богини были просто домами распутства, и жрецы ихъ—первыми сводниками и обольстителями невинныхъ дѣвушекъ.

И въ Греціи, и въ Римѣ, также какъ и на древнемъ востокѣ, публичный развратъ развился преимущественно подъ вліяніемъ богатыхъ классовъ. Тамъ проституція обязана и своимъ развитіемъ и своимъ появленіемъ иниціативѣ сатраповъ властителей, иниціативѣ аристократіи. Конечно, впослѣдствіи ея большей распространенности много содѣйствовали пролетаріатъ, нищета и рабство, но начало ей положено сильными міра: она составляла для нихъ и доходную статью, какъ мы это видимъ изъ того, что даже блистательные Фараоны не гнушались ремесломъ сводниковъ, продавая своихъ собственныхъ дочерей, какъ это дѣлалъ напр. Рамзесъ, и какъ по его примѣру поступилъ Хеопсъ, который, совершенно промотавшись на постройку пирамиды, нашелся вынужденнымъ для исправленія финансовъ попользоваться красотой своей дочери. Она должна была заниматься проституціей и тѣмъ содержать своего родителя.

Дворы греческихъ тирановъ, македонскихъ царей, преемниковъ Александра, дѣйствовали также развратительно на подвластные народы, какъ дворы Даріевъ и Сарданапаловъ. Дворъ же римскихъ императоровъ былъ подъ конецъ ничто иное, какъ громадный публичный домъ непотребства, въ оргіяхъ котораго погибаетъ имперія

вѣчнаго города. Даже лучшіе изъ цезарей, какъ напр. Юлій Цезарь,—этотъ лысый развратникъ, этотъ, по выраженію Светонія, мужъ всѣхъ женъ поражаетъ васъ своей глубокой безнравственностью; онъ не спускаетъ ни одной смазливенькой женщинѣ, растлѣваетъ невинныхъ дѣвушекъ, проматываетъ на развратъ громадныя суммы и за одну ночь платитъ Сервиліи 1.500.000 франковъ. Когда онъ входилъ тріумфаторомъ въ Римъ, послѣ покоренія Галліи, то его солдаты пѣли: „граждане. берегите женъ,—мы ведемъ къ вамъ плѣшиваго развратника! Цезарь, въ Галліи ты промоталъ на любовь все зо лото, взятое тобою въ Римѣ"! Не лучше его и юноша Октавій. Августу его друзья доставляютъ со всѣхъ концевъ свѣта женщинъ и невинныхъ дѣвушекъ; ихъ раздѣваютъ до нага и сама жена ведетъ ихъ на смотръ повелителя вселенной. Его развратныя оргіи стоили такъ до рого, что когда въ Римѣ начался голодъ, то жители съ горькой иронiей говорили, что Боги съѣли весь хлѣбъ, намекая этимъ на разыгрыванье во время оргій соблазнительныхъ сценъ изъ греческой миѳологіи. Пьяница Тиверій, строго наказывавшій другихъ за каждый проступокъ противъ половой нравственности, казнилъ смертью мужчинъ и женщинъ, несоглашавшихся сдѣлаться жертвами его скотскаго сладострастія. Калигула пошелъ еще дальше. Онъ содержалъ цѣлую стаю содомитовъ, растлѣвая знатнѣйшихъ римскихъ матронъ, и наконецъ сдѣлалъ изъ своего дворца домъ непотребства, въ которомъ посѣтители должны были платить дороже, чѣмъ въ обыкновенныхъ лупанаріяхъ. Геліогабалъ явился его достойнымъ подражателемъ; а Неронъ дошелъ до такого скотскаго безобразія, когда изящество и красота уже не могутъ удовлетворить чувственности, а только безобразіе и грязь могутъ раздражать ее. Въ своемъ дворцѣ онъ держалъ цѣлую толпу содомитовъ, рачительно доставлявшихъ ему живое мясо. Царственныя женщины Рима не лучше его повелителей; матери растлѣваютъ своихъ дѣтей; дѣти насилуютъ матерей. А въ то время, когда Римъ погибаетъ въ этихъ предсмертныхъ корчахъ сладострастія, изъ Палестины раздается кроткій и любящій голосъ божественнаго учителя: „пріидите всѣ труждающіеся и обремѣненные и я упокою васъ"! Проститутки были самыми

горячими прозелитками евангелія и самыми усердными ученицами цѣломудреннаго Іисуса, проповѣдывавшаго такую терпимость къ нимъ и такъ человѣчно прощавшаго всѣ ихъ грѣхи.

Необходимость проституціи.

Необходимость и древность проституціи была признаваема Цицерономъ. Въ одной изъ своихъ рѣчей онъ говоритъ:

„Если кто полагаетъ, что необходимо воспретитъ юности всякое сношеніе съ публичными женщинами,—я не могу отрицать, что тотъ очень строгъ; но, казня распущенность нашего вѣка, онъ также наказываетъ и обычай нашихъ предковъ и ихъ уступки". На самомъ дѣлѣ, когда она не существовала? Когда порицали ее? Когда она не была дозволена?

При томъ проституція, по мнѣнію римскихъ авторовъ, покровительствуетъ браку. Вотъ что говоритъ по этому поводу Горацій:

«Извѣстный гражданинъ вышелъ однажды изъ мѣста разврата.—Смѣлѣй! сказалъ ему Катонъ, исполненный божественной мудрости,—ибо какъ только острое сладострастіе вздуетъ твои вены, то сюда должны идти молодые люди, вмѣсто того, чтобъ преслѣдовать чужихъ женъ".

Проституція, какъ сказано, поглощаетъ животныя желанія безъ обезчещенія, безъ безпокойства, безъ ревности, тогда какъ прелюбодѣяніе—опасно: „ибо ревность и ярость мужа не простятъ въ день мести".

Античныя государства были основаны на началахъ рабства; семья носила тотъ же характеръ: жены и дѣти было рабами отца; онъ былъ ихъ верховнымъ повелителемъ; ему принадлежало права суда надъ ними,—право жизни и смерти. А потому, когда античныя правительства брались за проституцію, то прежде всего старались, по возможности предохранить общественные нравы отъ губительнаго вліянія разврата и съ этою цѣлію издавали строгіе законы противъ прелюбодѣянія. Прелюбодѣяніе преслѣдовалось не только государствомъ, но и самовольною властью мужа, который ревниво слѣдилъ за своей рабыней, запертою въ гинекеѣ.

У многихъ римскихъ поэтовъ, въ особенности у сатириковъ, и въ томъ числѣ у Горація, Марціала и Ювенала, мы встрѣчаемъ мѣста, въ которыхъ говорится, что любовники, застигнутые мужьями или платятъ выкупъ, или умираютъ подъ розгами, или подвергаются самымъ безчеловѣчнымъ увѣчьямъ: у нихъ отрѣзываютъ уши и носъ.

Такимъ образомъ, государство, преслѣдуя свои финансовыя цѣли, т. е. получая отъ проституціи доходъ, въ тоже время желало оградить семейные интересы аристократіи, оставляя мужу полный произволъ. Оно дозволяло существованіе самаго разнузданнаго разврата, но съ тѣмъ, чтобъ онъ удовлетворялся или рабынями, которыя въ сущности были только вещью, значили меньше животнаго, или иностранками, или же если и туземными женщинами, то все-таки плебейками. Такъ, по крайней мѣрѣ, было до тѣхъ поръ, пока античныя женщины не разбили своихъ цѣпей, и сами не бросились въ самый вихрь необузданнаго сладострастія.

Изъ всего вышесказаннаго можно заключить, что античное общесто и само древнее законодательство не отличалось особенной строгостью въ отношеніи къ проституціи, ибо видѣли въ ней какъ бы противоядіе противъ прелюбодѣянія. И если даже христіанскій писатель признавалъ необходимость существованія этого зла, то нѣтъ ничего удивительнаго, что языческій міръ видѣлъ въ немъ какъ бы существенную принадлежность общественнаго строя, и что лучшіе умы древности не только не изыскивали средствъ для уничтоженія проституціи, но даже, какъ напр. Цицеронъ, публично защищали и оправдывали оную.

Наборъ въ публичныя женщины у Римлянъ.

ПРОСТИТУИРОВАНЬЕ НЕВОЛЬНИЦЪ.

У Римлянъ большинсто публичныхъ женщинъ было изъ невольницъ.

Пріобрѣтеніе невольницы содержало право извлечь изъ нея пользу посредствомъ проституированья, если только не было заключено противнаго условія во время продажи.

Господинъ, продававшій невольницу подъ условіемъ, чтобъ она не была проституирована, оставался ея патро-

номъ; а если новый ея господинъ, несмотря на условія продажи, отдавалъ ее проституціи, то терялъ свои права на нее, и она становилась свободной.

Торговля невольницами была очень дѣятельна, что можно замѣтить изъ слѣдующаго мѣста у Теренція:

«У меня тамъ цѣлый грузъ женщинъ и другихъ вещей, которыя я везу въ Каиръ; если не поспѣю на ярмарку— громадный для меня будетъ убытокъ».

Иначе не могло и быть. Тамъ, гдѣ рабство было основой государственнаго устройства, гдѣ рабъ не считался человѣкомъ, тамъ, естественно, господинъ прежде всего стремился извлечь какъ можно болѣе дохода изъ своего раба; а какъ видно проституція была очень доходной статьею; ибо Солонъ, этотъ суровый законодатель, не побрезговалъ основать казенный домъ непотребства, доходы съ котораго поступали въ пользу республики, а женщины, населявшія оный, всѣ безъ исключенія были рабынями, покупаемыми и содержимыми на государственный счетъ.

Въ Римѣ для торговли публичными женщинами существовалъ спеціальный рынокъ, въ храмѣ Венеры.

Изъ нѣкоторыхъ авторовъ видно, что Юнона была призываема публичными и легкаго поведенія женщинами; она была для нихъ почти тѣмъ же, чѣмъ Венера.

Вотъ полная исторія молодой работницы, которая мало-по-малу, наскучивъ занятіями. впала въ развратъ и проституцію:

«Въ началѣ бережливая и воздержанная, она вела примѣрную жизнь и существовала пряжей и тканьемъ шерсти: Но представился одинъ, потомъ другой любовникъ, обѣщавшіе деньги. И такъ какъ человѣческая природа вообще расположена предпочитать удовольствіе работѣ, то дѣвушка приняла ихъ предложенія и вскорѣ пустила въ торговлю свои прелести».

Такимъ образомъ, почти по общему мнѣнію римскихъ авторовъ, причинъ разврата слѣдуетъ отыскивать въ раннемъ половомъ развитіи, въ стремленіи къ городской жизни, въ страсти къ золоту, къ роскоши, въ лѣности и въ публичныхъ зрѣлищахъ. Однимъ словомъ, всѣ они иниціативу проституціи приписываютъ самимъ проституткамъ. Но на самомъ дѣлѣ было со всѣмъ не то. Мы уже говорили,

что публичный разврат былъ обязанъ своимъ непомѣрнымъ развитіемъ аристократическому государственному устройству Греціи и Рима, рабству, составлявшему главную основу этого устройства, и нищетѣ.

До нѣкоторой степени справедливо, что отвращеніе къ труду, вслѣдствіе самой безсовѣстной эксплуатаціи этого труда, было одною изъ важныхъ причинъ проституціи. Но брать эту причину за одинъ изъ главныхъ стимуловъ проституціи и на ней основывать всѣ дальнѣйшіе выводы, какъ это дѣлаетъ нашъ авторъ,—по меньшей мѣрѣ недобросовѣстно. Если лѣность, если наклонность къ праздной жизни, къ увеселеніямъ, представляемымъ большими городами и доводитъ иногда женщину до разврата, до торговли своимъ тѣломъ, то во всякомъ случаѣ это бываетъ только тогда, когда отвращеніе къ труду развилось уже вслѣдствіе того, что трудъ этотъ крайне неблагодаренъ. Трудъ, дающій только негодный кусокъ хлѣба, не можетъ привлекать къ себѣ; а вмѣстѣ съ отвращеніемъ къ труду усиливается развратъ, проституція, преступленія.

Но въ Римѣ, кромѣ того, сама государственная власть бросала многихъ женщинъ въ безвыходный омутъ публичнаго разврата. Жены, уличенныя въ прелюбодѣяніи, сначала были отдаваемы на поруганіе въ лупанаріяхъ всѣмъ желающимъ, а потомъ осуждались на пожизненную проституцію. Во время гоненій на христіанъ множество женщинъ и дѣвушекъ, приговоренныхъ къ смертной казни, до совершенія оной, отводились въ публичные дома и тамъ отдавались на поруганіе всѣмъ развратникамъ, желавшимъ попользоваться даровымъ удовольствіемъ.

Что же касается до причинъ, заставлявшихъ проститутничать женщинъ высшихъ и среднихъ классовъ, то, дѣйствительно, ихъ слѣдуетъ искать въ искусственной наклонности къ роскоши и блеску, которые не могли быть удовлетворены иначе, какъ путемъ публичнаго разврата. Подобными соблазнами увлекалось не мало и бѣдныхъ дѣвушекъ. Сами матери развращали своихъ дочерей. Сводни, эти, «губители юности», на каждомъ шагу сторожили дѣвушку и увлекали ее въ развратъ посредствомъ самыхъ разнообразныхъ уловокъ. Особенно легко доставались имъ дѣти, которыхъ они спеціально воспитывали для прости

туціи, и которые, послѣ подобнаго воспитанія, естественно не могли и думать о возвращеніи къ честной жизни. Кромѣ того исключительное положеніе греческой и римской женщины, какъ жены, бывшей въ полномъ смыслѣ рабою мужа, не рѣдко увлекало въ развратъ и знатныхъ матронъ, такъ какъ проститутка пользовалась совершенной общественной свободой. Вокругъ знаменитыхъ гетеръ собирались кружки философовъ, поэтовъ, художниковъ, государственныхъ людей, а знатная женщина оставалась запертою въ своемъ гинекеи. И вотъ, онѣ путемъ разврата ищутъ себѣ той же свободы, какою пользуется проститутка и густыми толпами являются къ эдиламъ записываться въ проституціонныя книги.

Что театръ также имѣлъ громадное вліяніе на растлѣніе нравовъ, неподвержено никакому сомнѣнію. Если греческая поэзія не отличается особенной цѣломудренностью, если Анакреонъ, Сафо, Ѳеокритъ воспѣваютъ половую любовь подъ очень прозрачными формами, то Римскіе поэты идутъ еще дальше. Горацій, Овидій, Катуллъ, Проперцій, Ювеналъ, Петроній,—однимъ словомъ всѣ геніи и таланты римской поэзіи были очень немногимъ лучше той сгнившей аристократіи, которую они хлестали бичами своихъ сатиръ; всѣ они безъ зазрѣнія совѣсти разсказываютъ въ великолѣпныхъ стихахъ о такихъ похожденіяхъ, которыя не могутъ не показаться скоромными и самому развращенному чувству. Они не стѣснялись ни въ выборѣ сюжета, ни въ выраженіяхъ. Аттическая соль показалась бы слишкомъ откровенной въ наше время. Тоже направленіе имѣлъ и театръ. Въ комедіяхъ Плавта и Теренція нѣтъ другихъ дѣйствующихъ лицъ, кромѣ сводней и проститутокъ. Соблазнительность содержанія увеличивалась еще болѣе непристойностью жестовъ актеровъ и актрисъ, а въ самыхъ театрахъ и около нихъ были мѣста, въ которыхъ зритель всегда могъ удовлетворить свое скотское сладострастіе, возбужденное сценическимъ представленіемъ. Понятно, почему даже Овидій не совѣтуетъ дѣвушкамъ посѣщать театры.

Проституція была презираема у всѣхъ народовъ.

То, что есть ошибочнаго въ презрѣніи, направленномъ на проституцію у всѣхъ народовъ, такъ это то, что про-

ституціей называютъ личную жертву, которую, въ самой отдаленной древности, должны были приносить женщины въ храмѣ Астарты при отправленіи извѣстныхъ непристойныхъ празднествъ. Отдача тѣла въ подобныхъ обстоятельствахъ происходила изъ развращенія религіознаго чувства, то не была собственно проституція. Между тѣмъ, въ городѣ Сикка, около Карѳагена, былъ храмъ, посвященный Венерѣ, изъ котораго женщины выходили отыскивать приданое, посредствомъ проституированья.

Фактъ этотъ можетъ быть разсматриваемъ какъ противорѣчіе, но въ то же время слѣдуетъ замѣтить, что онъ былъ мѣстнымъ и исключительнымъ, и что пріобрѣтеніе приданаго не составляетъ собою профессіи.

Симонидъ, соперникъ Пиндара, насчитываетъ девять разрядовъ женщинъ, которыхъ онъ полагаетъ сотворенными съ элементами свиньи, лисицы, собаки, обезьяны, кобыли, кошки и ослицы; въ этихъ-то разрядахъ слѣдовало отыскивать гетеръ

Знаменитыя гетеры: Неэра, Никарета, Лаиса Коринеская и пр. были проститутки высшаго разряда или сводни, находившіеся подъ надзоромъ чиновниковъ того же названія, какъ и проститутки низшаго класса. Если онѣ п ользовались великой славой и нѣкоторымъ сортомъ уваженія, то этимъ онѣ были обязаны великолѣпной красотѣ, дарованной имъ богами, и непреодолимому обольщенію ума. По этимъ блистательнымъ исключеніямъ не слѣдуетъ судить о соціальномъ положеніи греческихъ проститутокъ. Греческія проститутки были невольницы, а свободныя женщины, жившія проституціей, подвергались лишенію правъ, которое ставило ихъ въ разрядъ невольницъ.

Достаточно одного страннаго факта, чтобъ понять, что даже Римляне, посреди ужасающаго растлѣнія нравовъ, во времена Тиверія, не переставали смотрѣть на проституцію какъ на нѣчто постыдное и недостойное. Когда Тиверій освятилъ доносъ по обвиненію въ оскорбленіи величества, тогда сенатъ включилъ въ число уголовныхъ преступленій—приносъ монеты или кольца съ портретомъ императора Августа въ нужное мѣсто или въ домъ разврата.

Сводни и проститутки были объявлены презрѣнными. То былъ родъ гражданской смерти.

ПРОСТИТУТЫ.

Мужская проституціи не была извѣстною Евреямъ; доказательство этому мы находимъ во многихъ мѣстахъ ихъ писателей. Лучшимъ подтвержденіемъ служитъ библейскій разсказъ о казни Содома и Гоморры. Оба эти города исчезли съ лица земли по волѣ прогнѣваннаго Бога за то, что жители ихъ предавались мужеложству, почему самый грѣхъ получилъ названіе Содомскаго.

У Римлянъ эта форма проституціи, то есть проституція мужчинъ и особенно кастратовъ *) производилась почти публично, особенно въ эпоху императоровъ, когда развратъ въ вѣчномъ городѣ достигъ самыхъ ужасающихъ резмѣровъ, и когда Неронъ Тиверій, Геліогабалъ и др., пресыщенные всѣмъ, что могло изобрѣсть развращенное воображеніе, на своихъ чудовищныхъ оргіяхъ предавались самому неистовому распуству. Древнія камеи сохранили для насъ нѣкоторыя сцены изъ этого неиствовавшаго времени, которымъ отказывается вѣрить человѣческое воображеніе: то было самое утонченно-отвратительное сладострастіе, самыя бѣшенныя сатурналіи: человѣческую природу вывернули наизнанку и неистовый хохотъ гремѣлъ при этомъ омерзительномъ видѣ.

Свидѣтельство этому мы находимъ у многихъ Римскихъ писателей и даже у апостола Павла въ первомъ посланіи къ Римлянамъ встрѣчаемъ одно мѣсто, въ которомъ онъ со всѣмъ яркимъ гнѣвомъ справедливаго негодованія гремитъ противъ людей, попирающихъ божескіе законы человѣческой природы.

Проституція мужчинъ существовала долгое время въ Римской Имперіи и была, кажется, занесена изъ Греціи. Подъ цвѣтущимъ небомъ Эллады мы тоже встрѣчаемся

*) Мужская проституція существуетъ публично еще доселѣ въ Константинополѣ и въ однихъ домахъ съ женской. Она очень обыкновенна у всѣхъ восточныхъ народовъ.

Къ стыду нашему мы должны сознаться, что и Европа втайнѣ гноится отъ этого вида разврата, особенно въ большихъ городахъ, о чемъ мы скажемъ послѣ.

съ нею, но тамъ она таилась подъ изящными формами, тогда какъ въ Римѣ явилась во всей ужасающей наготѣ. Сами Цезари какъ бы хвастались своими любовниками, а развращенный Римъ рукоплескалъ имъ.

Марціалъ, Горацій, Ювеналъ не разъ упоминаютъ о ней въ своихъ сатирахъ, и до чего достигло это безстыдное распутство, можно видѣть изъ эдикта Домиціана, который ограничился только тѣмъ, что воспретилъ проституировать мальчиковъ ранѣе ихъ седьмаго года.

Нѣкоторыя мѣста изъ Римскимъ авторовъ доказываютъ, что эта проституція имѣла двѣ формы: активную и пасивную, то есть дѣятельную и страдательную. Въ послѣдней главную роль играли, конечно, рабы; для этого утонченный развратъ нашелъ нужнымъ одѣвать молодыхъ невольниковъ въ женскія платья и отпускать имъ длинные волосы. Этотъ противоестественный порокъ былъ разсматриваемъ какъ результатъ мести Венеры.

Наконецъ, какъ бы ни были распущены нравы, общественное мнѣніе громко порицало педерастію.

«Ничто не обезславило такъ его (Цезаря) нравовъ, какъ сожительство съ Никомедомъ; позоръ, отражавшійся на немъ, былъ тяжелъ и продолжителенъ; онъ пребывалъ цѣлью для сарказмовъ каждаго... потомъ въ ихъ разговорѣ Долабелла и Куріонъ отецъ называли его соперникомъ Императрицы, внутренней доской царской подстилки, или даже конюшней Никомеда и лупанаріемъ Битиніи.

Своднп, сводничество.

Дома проституціи были содержимы въ Римѣ сводням обоихъ половъ, которые носили названіе leno и lena, происходящее отъ lenire приманить, привлечь. Женщина, занимавшаяся этимъ ремесломъ, бывала обозначена сама какъ проститутка, подъ именемъ meretrix.

Вообще въ Греціи и Римѣ содержаніе публичныхъ женщинъ было ремесломъ очень распространеннымъ; содержатель, Leno, встрѣчался во всѣхъ классахъ общества, подъ всѣми масками. Содержательницами, обыкновенно становились бывшія проститутки, успѣвшія нажиться. Иногда публичный домъ приносилъ такіе громадные доходы, что даже почтенные граждане въ Аѳинахъ не гну-

шались давать деньги на открытіе подобнаго заведенія, конечно подъ чужимъ именемъ, и обогащались получаемыми съ него доходами. Припомнимъ, что Солонъ учредилъ даже государственную проституцію; что онъ основалъ казенный публичный домъ, доходы съ котораго поступали въ казну республики, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что когда развратъ достигъ, по выраженію Ювенала, своего зенита, то даже высокопоставленныя лица стали промышлять имъ.

Проститутки музыкантши.

Въ Греціи, во времена самаго высшаго развитія ея культуры, въ эпоху самаго роскошнаго процвѣтанія наукъ и искусствъ, въ Великой Греціи временъ Перикла и ранѣе, всѣ эти прекрасныя женщины, вдохновлявшія ея художниковъ, женщины по ремеслу плясавшія и пѣвшія подъ звуки лиръ и флейтъ подъ голубымъ небомъ Эллады — были проститутками. И Эллинское чувство не оскорблялось этимъ, ибо эллинизмъ далеко не отличался ригоризмомъ, который хотѣли навязать ему нѣкоторые страстные его почитатели, желавшіе представить Элладу какъ образецъ нравственности, и въ самомъ даже противоестественномъ сожительствѣ двухъ мужчинъ, видѣвшіе одно только влеченіе художественнаго чувства къ прекраснымъ формамъ. Какъ бы ни старались эти господа прикрасить или видоизмѣнить самый фактъ, какими бы красками не рисовали они картину подобной связи, мы все таки связь эту назовемъ преступленіемъ и преступленіемъ омерзительнымъ.

Что художественное чувство Грековъ, особенно Аѳинянъ, было развито въ самой высокой степени — это неоспоримо, но также неоспоримо и то, что животная чувственность Греческаго народа, какъ и всѣхъ народовъ Востока, доходила до самыхъ возмутительныхъ крайностей. Мы не можемъ представить себѣ, чтобъ какой нибудь современный писатель сталъ открыто оправдывать наложничество, а великіе поэты и писатели Греціи не только его оправдывали, но даже воспѣвали. Сами греческія женщины не очень то строго смотрѣли на шалости своихъ мужей. Это происходило потому, что общественное положеніе греческой женщины было крайне мизерно; онѣ не

были даже свободными существами, а скорѣе рабынями, и если мы встрѣчаемся съ именами Аспазій и Фринъ, если мы поражаемся вліяніемъ этихъ обольстительныхъ женщинъ на такія великія личности, какъ Периклъ, то не слѣдуетъ забывать, что женщины эти были Гетеры, то есть почти тоже самое, что современныя намъ dames aux camelias. Эти женщины своею свободою были обязаны особенному своему положенію. Остальныя, запертыя въ своихъ гинекеяхъ, прототипахъ гаремовъ, не принимали никакого участія въ общественной жизни. Даже въ первыя героическія времена Греціи, у Гомера, мы уже не видимъ особеннаго уваженія къ женщинѣ. Стоитъ только вспомнить, какъ Телемакъ отвѣтилъ Пенелопѣ, когда она вздумала было вмѣшаться въ дѣла сына. Грубость его отвѣта поразительна. «Не бабье дѣло, говоритъ онъ, разсуждать, говорить могутъ только мужчины всѣ, и первый я, какъ хозяинъ дома. Твое дѣло—прясть". И Пенелопа не оскорбилась грубостью сына, а напротивъ даже нашла слова его разсудительными.

При такомъ положеніи античной женщины, нѣтъ ничего удивительнаго, что она, какъ сказано нами, всѣми силами стремилась выдти изъ своего унизительнаго положенія жены-рабыни, а подобный выходъ представлялъ ей, главнымъ образомъ, промыселъ публичнымъ развратомъ, ибо проститутки, особенно проститутки высшаго разряда, пользовались совершенной свободой и даже вліяніемъ на государственные дѣла, какъ позднѣйшія Ментенонъ, Помпадуръ, Дюбарри и пр. И въ средѣ этихъ проститутокъ мы встрѣчаемъ множество актрисъ, танцорокъ, музыкантшъ, безъ которыхъ не обходится ни одинъ пиръ, и толпы которыхъ привлекали взоры и услаждали слухъ на общественныхъ гуляньяхъ, при религіозныхъ церемоніяхъ, на свадьбахъ и національныхъ торжествахъ. Какое вліяніе имѣли эти послѣднія артистки, доказываетъ слѣдующій случай.

Царь Антигонъ давалъ блестящій праздникъ аркадскимъ посланникамъ, серьознымъ, почтеннымъ и скромнымъ старикамъ. Пришли въ пиршественный залъ полунагія танцовщицы и начали танецъ, который такъ расшевелилъ скромныхъ аркадскихъ стариковъ, что они, не стѣсняясь присутствіемъ царя, бросились на танцовщицъ...

Въ Римѣ сводни учили музыки молодыхъ дѣвушекъ, покупаемыхъ ими для проституированья или перепродажи. Невольница, имѣвшая пріятные таланты, была весьма любима.

Проститутки-музыкантши были панимаемы для игры на лирѣ при жертвоприношеніяхъ. То былъ честный источникъ дохода для своднеи.

„Старикъ сегодня утромъ приказалъ мнѣ нанять игрунью на лирѣ и привесть въ домъ, чтобъ играть для него во время жертвоприношенія".

Понятно, что не гордыя же римскія матроны были для этого нанимаемы; слѣдовательно, существовалъ особый классъ женщинъ, которыя занимались этимъ ремесломъ; а ими могли быть только проститутки; ибо вспомнимъ, что и въ Греціи женщины, занимавшіяся плясками и игрою на лирѣ и флейтѣ, принадлежали къ проституціи, а греческая цивилизація цѣликомъ вошла въ Римскую жизнь. Всѣ позднѣйшія формы этой жизни, за исключеніемъ только политическихъ и государственныхъ, были воспроизведеніемъ формъ жизни Эллады, были порождены ея духомъ, перенесены съ ея почвы, хотя, вслѣдствіе глубокаго матеріализма Римскаго народа, получили болѣе грубый и, смѣемъ такъ выразиться, кровожадно-сладострастный характеръ.

Лира должна была сопровождать жертвоприношенія, изъ боязни того, чтобъ не послышалось дурнаго предзнаменованія. Въ этомъ то и заключалась цѣль священной музыки, которая прямо предшествовала нашей.

Были проститутки-музыкантши и въ тавернахъ, посѣщавшихся низшимъ классомъ.

Проститутки, которыхъ развратники приводили къ себѣ, приносили съ собой лиру, что мы видимъ изъ второй оды Горація.

Проститутки въ театрахъ, актрисы-проститутки.

Въ Римѣ проституція овладѣла театрами и амфитеатрами.

Одно мѣсто у Плавта (пусть ни одна старая проститутка не появляется на просцеціумѣ) доказываетъ, что если старыя распутницы были прогоняемы съ передней сцены, то молодыя могли находиться на ней. По словамъ Юста

Липса, никто не думалъ находить неприличнымъ, что проститутки садились на лучшихъ мѣстахъ.

И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, прибавимъ мы отъ себя, если вспомнимъ, что развратъ во властителѣ міра и нравственное растлѣніе дошли до того, что сами Цезари публично женились на своихъ рабахъ.

Главныя дѣйствующія лица въ піесахъ Плавта и Теренція почти всегда сводни и проститутки. Къ классу проститутокъ принадлежали и актрисы.

„Наконецъ она сдѣлалась чистой и свободнаго состоянія дочерью афинскаго гражданина; разумѣется, она не совершитъ распутства въ этой комедіи; но, клянусь Геркулесомъ! если послѣ представленія дастъ ей кто нибудь денегъ, я полагаю, что она охотно выйдетъ за мужъ, не дожидаясь брачной церемоніи".

Слѣдуетъ однако замѣтить, что актрисъ было мало, и что женскія роли очень часто (почти всегда) исполнялись молодыми людьми.

По словамъ Тита Ливія, театры были мѣстами разврата.

Театры и дома проституціи были синонимами, ибо послѣ представленія проститутки предавали себя зрителямъ.

Такимъ образомъ великій Помпей, построивъ театръ, и страшась, чтобъ подобный притонъ срамоты не отдалъ его память на осужденіе цензоровъ, надстроилъ надъ нимъ храмъ Венеры. Созвавъ народъ на освященіе монумента, онъ издалъ эдиктъ, въ которомъ называлъ его не театромъ, а храмомъ Венеры. Это храмъ Венеры, говорилъ онъ, подъ которымъ мы устроили скамьи для спектаклей.

Подъ аркадами цирковъ и амфитеатровъ существовали кельи, въ которыхъ жили проститутки.

Туалетное искусство.

Изысканность туалета, употребленіе драгоцѣнныхъ вещей, уборовъ, духовъ, восходитъ къ самой отдаленной древности. Особенно сильно оно развилось на востокѣ, этой колыбели человѣчества.

Искусство красить или измѣнять волосы уже достигло высокой степени совершенства у Римлянъ; имъ были извѣстны также вставные зубы.

Для окрашиванія волосъ служила зеленая орѣховая ше-

луха, какъ мы видимъ это изъ словъ Тибулла, который говоритъ, что на склонѣ лѣтъ красятъ волосы зеленой орѣховой шелухой.

Употребленіе поддѣлокъ было очень распространено:

Изобрѣтеніе румянъ и производство красокъ для волосъ приписывается Бретонцамъ.

Свободныя женщины проституировавшія въ лупанаріяхъ, рядились въ бѣлокурые парики.

Что свободныя женщины занимались ремесломъ проститутокъ, это не удивительно, ибо развратъ въ Римѣ достигъ крайнихъ предѣловъ. Извѣстно, что сама обольстительно-прекрасная, кровожадно-сладострастная Мессалина, жена Цезаря Клавдія, слюняваго идіота, не довольствуясь обыкновенными любовниками, не только взяла въ любовники публичнаго актера, но въ своей ненасытной жаждѣ сладострастія посѣщала дома распутства и торговала собою. Эта женщина, сладострастная и жестокая до безчуствія, кровожадная какъ тигръ и въ изступленіи страсти доходящая до чудовищности,—эта Meretrix Augusta,—олицетворила собою идеалъ разврата въ такой степени, что ни античный, ни современный міръ не представляетъ ему равнаго. Даже знаменитыя обитательницы Нельской башни, умерщвлявшія, подобно Клеопатрѣ, своихъ любовниковъ, послѣ одной ночи, проведенной въ упоеніи страсти, не достигли своей предшественницы, потому что подражаніе всегда слабѣе оригинала.

Бѣлые парики принадлежали исключительно куртизанкамъ.

Для париковъ служила волосатая козлиная шкура.

Пудра была въ употребленіи у древнихъ; Императоръ Коммодъ пудрился золотомъ.

Той же безумной роскоши слѣдовалъ Императоръ Галльенъ.

Иноземныя проститутки надѣвали митру, украшенную живописью.

Головнымъ уборомъ проституткѣ была митра, менѣе срѣзанная, чѣмъ у нашихъ прелатовъ, одинаково украшенная двумя подвязками, которыя шли по щекамъ.

На Востокѣ и особенно во многихъ провинціяхъ Малой Азіи митра была головнымъ уборомъ женщинъ и изнѣженныхъ мужчинъ.

Она также была головнымъ уборомъ старухъ.

Первоначальная восточная митра вѣнчала голову Бахуса.

Духи и помады.

Духи употреблялись въ самой глубокой древности. Доказательство этому мы встрѣчаемъ у Евреевъ, одинъ изъ писателей которыхъ говоритъ:

„Его возложили на одръ напоенный ароматами и сладострастными благоуханіями, составленными искуснымъ продавцомъ духовъ“.

Римляне злоупотребляли помадами и духами.

Изящный вкусъ отвергалъ духи и всѣ смѣялись надъ раздушенными, напомаженными, разрумяненными старыми кокетками.

Румяна, выщипыванье волосъ, мушки.

Современная цивилизація также не изобрѣтала румянъ, ни духовъ, ни мушекъ, ни накладныхъ волосъ, ни вставныхъ зубовъ, ни вырыванья волосъ.

Бельгійцы, также какъ и Бретонцы, считались предшественниками Римлянъ въ изобрѣтеніи румянъ.

Утонченности кокетства шли далѣе даже, чѣмъ у насъ. Выщипыванье волосъ, столь ограниченное въ наше время, было въ общемъ употребленіи въ Римѣ у проститутокъ и всѣхъ сортовъ развратниковъ.

Такимъ образомъ для выдергиванія волосъ употреблялся смолистый составъ и даже пемза.

Были выдергиватели волосъ въ общественныхъ баняхъ.

Причины похотливости Римлянъ.

ТОГА—ОДЕЖДА НЕДОСТАТОЧНАЯ; ЛОЖЕ ДЛЯ ОТДОХНОВЕНІЯ; СЛАДОСТРАСТНЫЕ ТАНЦЫ ОБОИХЪ ПОЛОВЪ НЕВОЛЬНИКОВЪ.

У Римлянъ проститутка была товаромъ, стоимость котораго положительный покупатель хотѣлъ оцѣнить ранѣе заключенія торга, отдававшаго женщину животнымъ желаніямъ покупщика.

„Съ другой—никакихъ затрудненій; газъ позволяетъ

вамъ ее видѣть почти голою. Плохъ ли контуръ ея лядвій или дурна нога у ней: съ одного взгляда измѣрили ее. Или не желаете ли вы лучше быть обманутыми и заплатить за товаръ, не видавъ его?“

Римскіе авторы, которые, какъ извѣстно, съ особенной любовью занимались изображеніемъ картинъ публичнаго разврата, говорятъ, что очень часто проститутки должны были отправлять свое постыдное ремесло въ своихъ вонючихъ каморкахъ совершенно голыми. Ювеналъ выражается объ этомъ обычаѣ съ своимъ обычнымъ цинизмомъ; Петроній также упоминаетъ о немъ. Но однако, то бывало не всегда. Иногда проститутки ожидали посѣтителей въ мужской одеждѣ; тогда какъ рабы, присутствуя на отвратительно—бѣшеныхъ оргіяхъ римскихъ патриціевъ одѣвались въ женское платье. Распутство изобрѣтало самыя разнообразныя формы для своего удовлетворенія. Длинноволосые, безбородые юноши были въ одно и тоже время и безсловесными рабами и повелителями своихъ господъ...

Должно замѣтить, что Римляне не такъ оскорблялись наготой, какъ мы. От быстрыхъ движеній корпуса или членовъ приподымались складки этого развѣвающагося плаща и представляли глазамъ половые органы. Согласятся, что подобнаго рода одежда не представляла никакого препятствія для удовлетворенія нескромныхъ желаній.

Быть можетъ недостаточно замѣчали соотношеніе, которое существуетъ между чистотою нравовъ и одеждой народа. У насъ одежда мужчины служитъ препятствіемъ для насилій; одежда женщины—ея оплотъ; это начало матеріальнаго разъединенія. Общественная жизнь, которой мы пользуемся, не была бы согласна съ модой открытыхъ платьевъ.

Наши миссіонеры приносятъ дикимъ народамъ вмѣстѣ съ Евангельскимъ словомъ связки матерій; ибо стыдливость есть начало цивилизаціи и первый признакъ человѣческаго достоинства.

Невольники-негры ходятъ голыми.

Если одежда не представляетъ половому сближенію достаточнаго препятствія, націи живутъ въ неисправимомъ смѣшеніи. Какъ только нравы начинаютъ очищаться, за-

точеніе женщинъ становится необходимостью, если только лучше прилегающія и точнѣе примѣняемыя одежды не представляютъ стыдливости постояной помощи. Застежки и пуговицы, корсеты и панталоны замѣняютъ приставниковъ гарема.

Цыцеронъ совѣтуетъ своему сыну посить кальсоны, которые благоприличіе предписывало ораторамъ и комедіантамъ:

«Не слѣдуетъ давать надъ собой преимущества комедіантамъ и ораторамъ. Древнія преданія театра требуютъ столько скромности, что актеръ не осмѣлился бы показаться безъ панталонъ на сценѣ, потому что онъ побоялся бы, чтобъ не пострадала благопристойность, еслибъ нѣкоторыя части его тѣла случайно открылись».

Распутники того времени носили прозрачную одежду:

„Въ Аѳинахъ, одинъ юноша, погубившій себя въ развратѣ, по имени Полемонъ, пристрастный къ скандаламъ еще болѣе, чѣмъ къ удовольствіямъ, возвращаясь домой, послѣ ужина, не по захожденіи, а при восходѣ солнца, замѣтилъ открытую настежъ дверь философа Ксенократа. Пьяный, надушенный, увѣнчанный цвѣтами, въ прозрачной одеждѣ, онъ проникъ въ школу, гдѣ жалась толпа прилежныхъ и ученыхъ людей“ *).

Ювеналъ негодуетъ на судей и адвокатовъ, которые имѣли безстыдство засѣдать въ прозрачныхъ тогахъ:

„Но чего не сдѣлаютъ другіе, когда ты, Кретій, одѣваешься въ прозрачныя ткани? И въ подобной одеждѣ ты являешься говорить рѣчь передъ изумленнымъ народомъ!.. Засѣдай совсѣмъ голый; тебя сочтутъ за дурака, это менѣе постыдно“.

Нѣкоторые развратники подымали свою тогу публично, такъ что показывали дѣтородные органы; въ этомъ случаѣ прихоть пользовалась полной свободой.

„Матиній оставляетъ влачиться краямъ своей одежды; другой же безстыдникъ подымаетъ ихъ до пояса, съ самой послѣдней непристойностью».

Обычай возлежать за столомъ въ время ѣды долженъ

*) Валерій Максимъ какъ будто разсказываетъ фактъ изъ Аѳинской жизни, но ясно авторъ описываетъ Римскіе нравы.

былъ благопріятствовать похотливости пирующихъ, которымъ прислуживали полураздѣтые обоего пола невольники, и которые злоупотребляли возбуждающими кушаньями и пряными винами.

Пиры оканчивались сладострастными танцами молодыхъ испанскихъ невольницъ или мальчиковъ.

„Несчастный не можетъ выдти изъ дѣтства, его принуждаютъ силою возвратиться въ него; у него уже ростъ солдата, а его кожа сдѣлана гладкой вслѣдствіе вырыванья волосъ. Онъ бодрствуетъ всю ночь и дѣлитъ ее между пьянствомъ и похотливостью своего господина; за столомъ онъ ребенокъ, въ постели—мужъ".

Молодые невольники, назначавшіеся для распутства господина, носили длинные развивавшіеся волосы. Петроній называетъ ихъ косматыми.

Такъ, молодые Римляне, въ день своего брака, приказывали стричь волосы своимъ молодымъ невольникамъ; этимъ они доказывали, что будутъ вѣрны своей женѣ.

Кромѣ того абсолютная власть господина надъ рабомъ также было причиной развращенія, какъ одного, такъ и другаго.

Культъ Фаллуса.

ФАЛУСЫ—АМУЛЕТЫ; ФАЛЛУСЫ—ВЫВѢСКИ; ПРІАПЪ—КУМІРЪ; ПРІАПЪ—ХРАНИТЕЛЬ САДОВЪ; ЧАШИ ДЛЯ ПИТЬЯ; МАЛЕНЬКІЕ ХЛѢБЫ; ПИРОЖНОЕ ВЪ ФОРМѢ ПРІАПА.—НЕПРИСТОЙНЫЕ ЖЕСТЫ, СОПРОВОЖДАВШІЕ РЕЛИГІОЗНЫЯ ПОЧЕСТИ, ОТДАВАЕМЫЯ ВЕНЕРѢ—НЕПРИСТОЙНЫЙ ПАЛЕЦЪ.

I. Фаллусъ былъ предметомъ общественнаго культа:

„... Во время празднествъ въ честь Бахуса этотъ непристойный членъ бывалъ съ великой церемоніей воздвигаемъ на небольшія колесницы и провозимъ сначала по селеніямъ, а потомъ по городу. Въ Лавиніумѣ посвящали одному Бахусу цѣлый мѣсяцъ, во время котораго всѣ наперерывъ употребляли самыя непристойныя выраженія, пока этотъ членъ не былъ привозимъ на публичную площадь и спокойно поставленъ на свое мѣсто, и было необ-

ходимо, чтобъ мать самаго уважаемаго семейства публично возлагала вѣнецъ на это нечистое изображеніе".

Между тѣмъ слѣдуетъ не забывать, что въ началѣ изображеніе мужества во всей полнотѣ его силы было эмблемой творящаго божества, эмблемой наивной, какъ нагота, но вовсе не непристойной, какъ развратъ.

„Изида, олицетвореніе земли или женскаго начала, укрыла въ тайномъ мѣстѣ ящикъ, содержавшій тѣло ея супруга Озириса;—олицетвореніе солнца или Нила, или мужескаго начала въ оплодотвореніи".

„Тифонъ—олицетвореніе зла и убійца Озириса—нашедши этотъ ящикъ, разрубилъ тѣло Озириса на четырнадцать частей, которыя разбросалъ тамъ и сямъ. Изида, отправившись искать эти частицы, погребла ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она ихъ находила. Но мужескій членъ, который Тифонъ бросилъ въ Нилъ, былъ проглоченъ тремя рыбами: Лепидотомъ, Паргой и Окспринхой, и не могъ быть отысканъ Изидой. Чтобъ возвратить эту утрату, она велѣла сдѣлать его изображеніе и освятила Фаллусъ, въ честь котораго Египтяне и до сего времени отправляютъ празднество" (Плутархъ, Изида и Озирисъ).

Фаллусъ лишалъ дѣвства молодыхъ супругъ. «Во время празднованія брака, молодая супруга должна была садиться на Фаллуса».

«Новая супруга сначала ложится на непристойной груди Мютинія (прозваніе Пріапа) какъ будто для того, чтобъ этотъ богъ вкусилъ первинку ея дѣвственности».

Св. Августинъ сдѣлалъ замѣчаніе, что іудеи при бракосочетаніи не обоготворяли Пріапа.

Женщины, по его же словамъ, носили Фаллусъ на шеи, чтобъ избавиться отъ неплодства.

Античные Фаллусы, найденные въ Помпеи и Геркулануме, очень многочисленны въ Неаполитанскомъ музеѣ; большинство ихъ изъ бронзы или золота; много есть съ крыльями; нѣкоторые украшены бубенчиками; вообще они очень разнообразны по размѣру.

Мазуа приводитъ много изображеній Фаллуса, которые были открыты въ домахъ Помпеи и именно одинъ барельефъ, представляющій Фаллуса, постановленнаго надъ

печью съ надписью: Hic habitat felcitas; этотъ Фаллусъ весьма грубаго выполненія.

«Проституція выставляла на показъ всѣмъ проходящимъ свое постыдное знамя. Громадный барельефъ Фаллуса означалъ публичный домъ... и вечеромъ зажженная передъ его изображеніемъ лампа приглашала покупщиковъ входить. Мы замѣтили во время посѣщенія Помпеи двухъ Фаллусовъ; одинъ на дорогѣ Starto, другой—на Консульской дорогѣ. При этомъ, не рѣдкость встрѣтить Фаллуса на столбахъ гостиницы; они существовали въ видѣ полукруглыхъ выпуклостей и въ такомъ количествѣ, что оказалось возможнымъ соединить на одномъ городскомъ дворѣ, какъ въ залѣ настоящаго музея... Достаточно сказать, что есть Фаллусы пяти футовъ вышины... Самая непристойная живопись встрѣчается въ лучшихъ домахъ Помпеи»...

Въ Помпеи также часто встрѣчаютъ большое количество мужскихъ органовъ изъ обоженной глины въ состояніи покоя и весьма грубо выполненныхъ; они почти въ натуральную величину.

Этотъ непереводимый текстъ даетъ понятіе, что сельскіе воры всѣхъ возрастовъ и половъ находились во власти владѣльцевъ и о томъ, какія наказанія имъ угрожали.

Пріапъ—хранитель садовъ былъ краснаго цвѣта.

Одинъ достойный вѣры свидѣтель увѣрялъ меня, что въ нѣкоторыхъ городахъ Италіи и именно въ Римѣ, вино подаютъ въ кувшинахъ изъ бѣлаго стакана съ небольшой выпуклостью, сравнительно съ длиною горлышка, въ которыхъ какъ бы сохранилось преданіе о Phalloveretroboli.

Давали непристойную форму Пріапа маленькимъ хлѣбамъ, которые булочники продавали на публичныхъ улицахъ въ нѣкоторые дни праздника; а также пирожнымъ, которыя подавались за десертомъ послѣ стола. Мы въ этомъ удостовѣряемся изъ словъ Марціала и Петронія.

«Если ты желаешь насытиться, то можешь пожирать моего Пріапа; если ты даже съѣшь его... то отъ этого не станешь менѣе чистымъ».

«На столѣ стоялъ уже подносъ съ нѣсколькими пирогами, въ серединѣ которыхъ возвышался Пріапъ изъ пи-

рожнаго; его довольно просторная внутренность заключала въ себѣ всякаго рода плоды и виноградъ по заведенному обычаю».

Преданіе подобной формы пироговъ сохранилось въ нѣкоторыхъ деревняхъ Пуату, и по странной испорченности эти пирожныя появляются въ нѣкоторые христіанскіе праздники.

Слѣды этого обычая замѣчаются въ Saint-Jean de-Luz около 1609 года. «И относительно приношеній я нахожу весьма неприличнымъ, что... женщины приносятъ свѣчу, прикрѣпленную къ маленькому пирожку, сдѣланному въ самой непристойной для честной женщинѣ формѣ».

Нескромный жестъ сопровождалъ религіозныя почести воздававшіяся Венерѣ:

«И поднося свою правую руку ко рту, нажимаютъ указательнымъ пальцемъ поднятый большой пожительно въ формѣ таинственнаго обожанія культа самой Венеры».

Давали цѣловать руку, придавая ей нескромное изображеніе, о чемъ прямо говоритъ Светоній и Фарнарій въ примѣчаніи къ первой сатирѣ Марціала.

Распутство публичныхъ нравовъ.

МОРАЛЬ ЦИЦЕРОНА И СЕНЕКИ, ПРОТЕСТАЦІИ ЮВЕНАЛА.

Общественные нравы были не менѣе частныхъ привычекъ непристойны. Празднества, дававшіяся Римлянами въ честь боговъ, торжественно раскрывали развращеніе и похотливость великаго народа.

Эротическая ярость женщинъ, когда онѣ праздновали таинство благосклонной богини, была бы считаема у насъ за припадки нимфоманіи.

Еще Вакханаліи и таинства Изиды были торжествуемы ночью извѣстнымъ числомъ посвященныхъ; но празднества Флоры, но голыя проститутки, танцующія въ наполненномъ зрителями театрѣ, оскорбляющія стыдливость самыми возмутительными непристойностями, предающіяся безстыдству народа, въ присутствіи матронъ, эдиловъ, сенаторовъ—черта нравовъ, дошедшихъ до крайняго предѣла растлѣнія.

Какъ понять, что великая нація, та самая, которая провела въ человѣчествѣ самую глубокую черту, предавалась подобнымъ заблужденіямъ и столь невѣроятнымъ безчинствамъ? Между тѣмъ стыдливость всегда уважалась; цѣломудренныя Весталки продолжали поддерживать священный огонь, весь народъ въ присутствіи Катона откладывалъ торжествованіе этихъ игръ. Сенека прямо говоритъ, что въ присутствіи Катона народъ не хотѣлъ требовать дурачества голыхъ проститутокъ *).

Цицеронъ, объясняя послѣдствіе распущенности нравовъ и заявляя о необходимости противиться обольщеніямъ сладострастія, какъ бы предупреждаетъ христіанскую мораль.

Я могъ бы прибавить большое число поговорокъ, извлеченныхъ изъ сочиненій Сенеки, которыя, какъ будто, заимствованы изъ христіанскаго ученія.

Это потому, что сознаніе правды, истины и добра, также какъ и красоты—нетлѣнно. И когда императорскія оргіи превысили позоръ республиканскаго Рима чудовищностью роскоши и растлѣніемъ нравовъ, оскорбленное сознаніе поражало слухъ высокими протестаціями.

Перемѣна именъ проститутками. *).

Въ Римѣ женщины перемѣняли имена въ ту минуту, когда отдавались проституціи.

---

*). Въ фактѣ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо эллонизмъ, глубоко проникнувшій въ Римскую жизнь, главной основой своей имѣлъ чувственность, и, утративъ художественныя формы, обусловливавшіяся изяществомъ греческаго чувства, необходимо долженъ былъ превратиться въ матеріалистическомъ грубомъ Римѣ въ самую постыдную оргію распутства. Что касается до Весталокъ, то намъ извѣстно, что эти цѣломудренныя дѣвы—хранительницы священнаго огня, только изъ страха казни сохраняли цѣломудріе, въ сущности же нерѣдко имѣли дѣтей.

*) Этотъ, такъ сказать, античный обычай нашелъ себѣ примѣненіе и въ наше время. И теперь, повсюду, а равно и у насъ въ Россіи, не только публичныя женщины, находящіяся подъ полицейскимъ надзоромъ, но и большинство тайныхъ (clandestines) проститутокъ занимаются своей проффесіей не подъ настоящимъ именемъ. Въ этомъ обстоятельствѣ мы съ нашей стороны видимъ остатокъ стыда.

Свободныя женщины проституировали подъ заимствованными именами, на что намъ указываютъ слова Ювенала въ его VI сатирѣ, гдѣ онъ говоритъ, что на ярлыкѣ было ложное имя Лизиски (VI, 122). Знаменитая Мессалина— эта царственная meretrice продавала себя въ публичныхъ домахъ также подъ ложнымъ именемъ.

Развратъ женщинъ.

„Корова не влюбляется въ корову, ни кобыла въ другую кобылу; баранъ, олень влекутся къ самкамъ своимъ, и точно также сообщаются птицы; среди одушевленныхъ существъ ни одна самка не чувствуетъ любви къ самкѣ же"

Здѣсь, въ латинскомъ текстѣ—игра словъ, ибо femina и femineo имѣютъ двойной смыслъ: самки и женщины.

У Ювенала и Марціала мы встрѣчаемъ указаніе на существованіе въ Римскомъ обществѣ неестественной и постыдной страсти между женщинами:

„Inque vices equitant, ac luna teste moventure" (Juv. VI, 512).
„Sed plane medias vorat puellas" (Mart., VII, 67).
„Jpsarum tribadum tribas, Phileni,
„Recte quam futuis, vocas amicam" (Mart. VII, 70).
„At tu (proh facinus!), Bassa fututor eras
„Inter se geminos, audes committere cunnos
„Mentiturque virum prodiogtosa Venus" (Mart. I, 19).

Въ Римѣ порокъ этотъ былъ достаточно распространенъ, и такъ какъ женщины, исполнявшія роль мужчины, обыкновенно были привозимы изъ Лезбоса, то отсюда произошло названіе лезбосской страсти.

КАСТРАЦІЯ ВОЗМУЖАЛЫХЪ.

Если вѣрить поэтамъ, римскія женщины упражнялись въ такомъ родѣ разврата, котораго мы не знаемъ даже и имени.

„И есть такія, говоритъ Ювеналъ, которыя услаждаются въ вялыхъ объятіяхъ евнуховъ; нѣтъ устрашающей бороды; не нужно никакихъ лекарственныхъ снадобій. Замысловатое отыскиванье сладострастія предастъ юношу въ

руки медика только тогда, когда онъ созрѣлъ и покрылся чернымъ пухомъ. До той поры все ждутъ, даютъ время для созрѣванія, и когда вѣсъ достигаетъ до двухъ фунтовъ, Геліодаръ производитъ кастрацію; теряетъ только брадобрѣй"... (Juv., VI, 367) *).

„Cur tantum habeat, eunochos tua Gellia, quaeris,
Pannice? Vult futui Gellia, non parere" (Mart. VI 67).

„Но до тебя (о, нравы!) даже евнухъ былъ блудодѣемъ", то есть до эдиктовы Домиціана который запретилъ кастрированье мужчинъ

„Христіанскій Римъ сохранилъ отъ древности только одинъ обычай кастрированія, не для услуженія, спѣшимъ сказать, благороднымъ матрономъ, но для Сикстинской капеллы. Я предполагаю, что soprani castrati служатъ только для послѣдняго употрія".

„Между тѣмъ, кажется, эта традиція продолжилась въ Римѣ до нашихъ дней. Одинъ композиторъ, который въ то же время занимаетъ высокое мѣсто въ ряду музыкальныхъ критиковъ, разсказываетъ, что въ дѣтствѣ его прекрасный голосъ угрожалъ большою опасностью для его половыхъ органовъ. Онъ обязанъ своимъ спасеніемъ только энергичному вмѣшательству Россини, къ которому питаетъ за это вѣчную признательность" (D-r Jaque, Compte rendu de la séance de la Soc. de chirurg.; 13 Янв. 1864 г.— Union. med. de Paris; 1864 г., № 6).

ПРОСТИТУИРУЮЩІЕ МУЖЧИНЫ.

Женщины платили мужчинамъ какъ публичнымъ развратницамъ.

Тотъ же авторъ описываетъ намъ этотъ несуществующій у насъ типъ *):

Комедіанты и гладіаторы пользовались обыкновенно особеннымъ успѣхомъ.

---

*) Слишкомъ безцеремонная откровенность римскаго сатирика не позволяетъ намъ въ точности передать его безпощадно-отвратительной картины.

*) Только изъ французской вѣжливости авторъ не хочетъ сознаться, что и въ этомъ случаѣ мы не отстали отъ римскаго общества. А между тѣмъ всякому извѣстно, что подобныхъ артистовъ и у насъ найдется не малое количество.

Обозначеніе Лупанаріевъ.

БАРЕЛЬЕФЪ ФАЛЛУСА.

Всегда ли у Римлянъ дома проституціи обозначались фонаремъ? Ничто не доказываетъ положительно этого факта, повторяемаго всѣми современными писателями вслѣдствіе ложнаго толкованія одного мѣста у Тертуліана, которое сейчасъ будетъ приведено. Но освѣщали дверь и украшали ее лавровыми вѣтвями, чтобъ отпраздновать, такъ сказать, освященіе новаго заведенія.

„Et procedet de janua laureata et lucernata, ut de novo consistorio libidinum publicarum“ (Tertul., ad Uxor,, II, 6).

„Она выходитъ изъ дверей, украшенныхъ лавровыми вѣтвями и освѣщенныхъ, какъ изъ новаго дома проституціи“.

Дома освѣщались и украшались, когда праздновали браки:

„Домъ, обвитый лаврами, сіялъ огнями и гремѣлъ пѣснями Гименея, говоритъ Апулей“ (Apul., Metam., 4).

Юстъ-Липсъ (Elect., 3) доказавъ, что въ древности фонари вѣшались на дверяхъ, окнахъ и деревьяхъ въ знакъ радости и чествованія боговъ, удивляется, что профанировали этотъ знакъ общественнаго веселья, приписавъ этотъ обычай освѣщенію новыхъ домовъ проституціи. Онъ приписываетъ это повѣрье тому, что въ отдаленныя времена проститутки, имѣя возможность исполнять свое ремесло только вечеромъ, послѣ девятаго часа (см. —8—), держались подъ фонарями общественныхъ зданій. Горацій говоря о проституткахъ, даетъ имъ эпитетъ голыхъ и прибавляетъ, что они стояли подъ фонарями (Sat. II, 7, 50).

Не болѣе ли просто будетъ признать, что иллюминаціи были простымъ обычаемъ при всякихъ празднествахъ? И сводня, иллюминуя свой домъ, чтобъ освѣтить оный, чтобъ познакомить съ нимъ публику — въ одно и тоже время и праздновала и заявляла. Къ тому же лупанаріи не были столь ненавистны у Римлянъ, какими они стали у христіанскихъ народовъ

Не должно, такимъ образомъ, смѣшивать дымящую лампу, освѣщавшую, какъ не разъ уже говорилось, ко-

морку проститутки, и о которой упоминаетъ Ювеналъ, говоря: „багровыя щеки (проститутки) были замараны копотью лампы" (VI 130), съ фонаремъ, о которомъ здѣсь говорится, и который указывалъ входъ. Весьма вѣроятно, что этого рода указанія не существовало, но барельефъ Фаллуса на верху входа обозначалъ сущность мѣста (см. Musée de Naples edit. Ledoux, p. 28). Я видѣлъ въ Римскомъ музеѣ античный барельефъ, попавшій туда со свода двери одной изъ келій, открытыхъ на нижней галлереи арены этого города. Онъ представляетъ трехъ Фаллусовъ различныхъ размѣровъ, надъ которыми прямо стоитъ женщина, какъ будто на колесницѣ. Одна держитъ возжи, которыя какъ будто назначены для того, чтобъ удерживать одного и поддерживать другого, тогда какъ третій свободенъ и оставленъ собственнымъ своимъ силамъ. Это какъ будто постыдное изображеніе трехъ возрастовъ жизни.

Въ томъ же музеѣ показываютъ еще другой античный барельефъ, доставленный съ другого свода и представляющій многочисленное собраніе половыхъ женскихъ органовъ въ горизонтальномъ порядкѣ одинъ надъ другимъ. Изъ этого указанія позволительно предполагать, что обозначенія непотребныхъ мѣстъ были разнообразны (см. - 31.—).

Сводни били проститутокъ и обѣщали имъ волю, дабы возбудить въ нихъ похотливость.

Рабыни или кабальныя должницы содержателей публичныхъ домовъ, проститутки подвергались со стороны этихъ послѣднихъ самой безсовѣстной эксплуатаціи. Ихъ заставляли, то ложными обѣщаціями свободы, то побоями, развратничать безъ отдыху, а когда онѣ дѣлались никуда негодными клячами, ихъ безжалостно прогоняли на улицу, гдѣ они впадали въ ужасную нищету, продавая свое изможденное тѣло за кусокъ хлѣба. Вообще, даже на основаніи отрывочныхъ указаній, находимыхъ у римскихъ авторовъ, можно положительно утверждать, что бытъ древнихъ проститутокъ, что ремесло ихъ было невыносимымъ сплошнымъ страданіемъ.

Римскія сводни нещадно били проститутокъ, которыя

не привлекали посѣтителей съ достаточной ловкостью или охотностью и которыя недостаточно зарабатывали:

„Если сегодня доходы отъ твоей любви не доставятъ мнѣ всякаго рода припасовъ, завтра, Финикія, ты увидишь на своей кожѣ финикійскую краску“ (Plaut., Pseud., 122). (Пурпурную краску, то есть, ты будешь бита до крови. Сводня, какъ видятъ, употребляетъ жестокую игру словъ на имя проститутки. Финикія и финикійская краска, которая была пунцовая).

Чтобъ заставить проститутокъ лучше обольщать посѣтителей, сводни обѣщали имъ отпущенничество или угрожали продажей:

„Сегодня я увижу, кого я должна отпустить на волю и кого должна буду продать“ (Plaut., Pseud., 172).

Невольница-проститутка должна была, такимъ образомъ, переносить худшее положеніе, перемѣняя хозяина.

Наемъ проститутокъ.

ПРІОБРѢТЕНІЕ ЛЮБОВНИКАМИ.

Наемъ проститутокъ былъ частъ у Римлянъ; такъ, дѣйствующее лицо въ одной изъ комедій Плавда говоритъ:

„Не успѣлъ ты мнѣ отдать ее, какъ требуешь снова“

„Никогда куртизанка не перешла за порогъ моей двери. никогда чужой молодой невольникъ не былъ мною требуемъ.“ (Orat. Gracchi ap. Gell., XV, 12).

У Римскихъ сводней проститутки бывали въ распоряженіи публики не только на время и на мѣстѣ, или по найму на домъ, но и по окончательному пріобрѣтенію.

„Душа моя, сводникъ продалъ меня за двадцать серебряныхъ минъ (около 1916 фр.) македонскому солдату, чтобъ отправиться въ чужую страну*) (Plaut. Pseud. 49).

**) Проститутка продавалась съ одеждой или безъ оной:

„Я ее уже продала.—Какъ?—Безъ нарядовъ, только съ тѣмъ, что въ ней находится

---

*) По мнѣнію Saigey'я (Traité de metrologie) мина серебра равнялась 95 фр. 83 сант.

**) Формула продажи дома, насмѣшливо приложенная къ продажѣ куртизанки.

„Потому что я ему купилъ дѣвицу за тридцать минъ (около 2,874 фр.), съ прибавкой еще десяти (около 958 фр.), за одежду и украшенія“ (Plaut., Curcul., 352).

Плата проституткамъ.

СУММА ПЛАТЫ, НАПИСАННАЯ НА ЯРЛЫКѢ; ОБЪЯВЛЕНІЕ О ДѢВСТВЕННИЦѢ.

Плата товарами.

Повидимому плата у Римлянъ требовалась напередъ, ибо какъ говоритъ Ювеналъ въ шестой сатирѣ:

„Она принимаетъ приходящихъ съ ласкательной улыбкой и требуетъ плату“.

Исключая термина oes, плата проститутокъ была выражаема различными наименованіями:

Captura—у Светонія.

„Uectigalia nova atque inaudita exercait ex capturis prostiturtarum, qūautum quaequee uno concubitu noreret“.

„Онъ установилъ тяжелый и странный налогъ на плату проституткамъ, возвышавшійся по стоимости, какую каждая изъ нихъ получала“...

Quastus meretricius.

Merces или pretium sturpi.

„Ergo muneribus quivis mercatur amorem;
„Jupiter indignum! merce puelea perit“.

„Итакъ: любовь продается. О, Юпитеръ! какая гнусность! Молодая дѣвушка продается за подлую плату“.

Въ музеѣ Борбоніо*) встрѣчается множество медалей изъ жженой глины и кости, найденныхъ въ лупанаріяхъ Помпеи. Одна фреска навела на открытіе ихъ употребленія: то былъ билетъ для входа въ публичные дома. Думаютъ, что для входа въ лупанаріи абонировались, какъ теперь для входа въ купальни.

Цѣна платы за каждую проститутку была написана на ярлыкѣ сверхъ двери ея комнаты вмѣстѣ съ ея ложнымъ именемъ.

*) Въ Неаполѣ. До послѣдней революціи—музей Бурбоновъ, нынѣ—національный.

„Ты была введена въ лупанарій, говоритъ Сенека,— тебѣ дали мѣсто; плата была установлена; ярлыкъ написанъ. Ты была названа проституткой; ты осталась въ публичномъ домѣ; ярлыкъ былъ утвержденъ надъ твоей коморкой; ты принимала приходящихъ“.

Когда сводчикъ проституировалъ невинную дѣвушку или считаемую таковою, онъ надписывалъ на ярлыкѣ цѣну, которой будетъ стоить ея растлѣніе.

„Молодая дѣвушка, бросившись къ его ногамъ, сказала: Господинъ, сжальтесь надъ моею невинностью, не проституируйте моего тѣла подъ такимъ презрѣннымъ ярлыкомъ! Сводчикъ призвалъ гувернера и сказалъ ему: Чтобъ эта невольница немедленно была убрана и сдѣлай для нея слѣдующій ярлыкъ: тотъ, кто растлитъ Тарсію, заплатитъ полфунта (серебра); затѣмъ она будетъ въ распоряженіи народа за 25 динаріевъ“.

Въ первыя времена посѣтители платили товарами, какъ мы видимъ это изъ еврейскихъ книгъ; въ одной говорится:

„Я пришлю тебѣ козленка изъ стадъ моихъ“;

въ другой:

„Цѣна распутницы не превышаетъ одного хлѣба“.

Еще теперь солдаты часто кидаютъ свой паекъ проституткамъ, какъ плату. Публичныя женщины низшаго разряда, которыхъ посѣщали солдаты въ Константинополѣ во время восточной войны, довольствовались этой платой:

У Римлянъ мучные торговцы платили хлѣбомъ, мясники—говядиной и пр.

„Сдѣлай такъ, говоритъ своднея проституткѣ, чтобъ сегодня принесли мнѣ хлѣба для прокормленія меня и всего моего семейства на цѣлый годъ“.

„Если только не будетъ у меня сегодня трехъ большихъ крюковъ съ говядиной – смотри“!

„Какъ, негодяйка! Когда у тебя есть любовники, такъ хорошо снабженные масломъ, ты не достаешь своимъ товаркамъ того, чтобы сдѣлало волосы ихъ блестящими, а мнѣ того, чтобы сдѣлало мои соусы болѣе жирными“?

„Надо полагать, Флаккъ, что ты изъ желѣза, если не раззорила тебя любовница, требующая съ тебя шесть полчарокъ garum'a, двухъ кусковъ тунца или одного анчоуса,

и которая даже не считаетъ себя счастливой отъ цѣлаго ведра рыбьихъ яицъ"!

„Прекрасная Филлія дарила мнѣ въ продолженіе всей ночи самыя нѣжныя ласки. Хотя, полагаю, утромъ, при подаркѣ, который я ей сдѣлаю... она потребуетъ съ меня амфору вина" (19½ литровъ).

...„Фунта муки въ день было бы совершенно достаточво для столь дрянной личности, какъ она".

Содержаніе и пища проститутокъ.

Проксенеты доставляли проституткамъ одежду, наряды и пищу; иначе не могло и быть, потому что послѣднія были рабами.

„Ты осталась въ средѣ проститутокъ, ты осталась разодѣтой, дабы нравиться народу, одеждами, данными тебѣ проксенетомъ".

„Сегодня я упрочила за собой экономію двухъ хлѣбовъ; ибо та, которая была моей рабой, стала ея невольницей. Деньги—побѣдители. Сегодня она будетъ ужинать на счетъ другаго, и не станетъ объѣдать меня".

Описаніе римскаго лупанарія.

Намъ возможно получить точное описаніе дома Римской проституціи, изъ собранія и сравненія уже цитированныхъ и слѣдующихъ текстовъ.

„Немного позже, когда, куря, мы являемся въ довольно отдаленное мѣсто, обязательная старуха открываетъ занавѣску*) (двери). Такъ какъ я утверждаю, что не зналъ дома, я замѣтилъ въ каморкахъ съ надписями, среди голыхъ проститутокъ нѣкоторыя личности, таинственно приходившія и уходившія. Тогда весьма поздно, слишкомъ поздно, я понялъ, что меня завели въ домъ разврата. И проклиная козни старухи, я закрылъ лицо и принялъ намѣреніе бѣжать чрезъ другой входъ, пройдя сквозь лупанарій".

*) Употребленіе дверныхъ занавѣсокъ было тогда очень распространено. Катонъ совѣтуетъ отобрать старыя одежды у рабовъ, чтобъ подѣлать занавѣсокъ.

„Въ своемъ дворцѣ онъ устроилъ лупанарій, съ многочисленными отдѣльными каморками, отдѣланными согласно съ великолѣпіемъ мѣстности, гдѣ проституировались матроны и дѣти гражданъ".

„Онѣ проституируютъ съ ярлыками".

„Ты каждый разъ переступаешь порогъ каморки съ ярлыкомъ, когда тебѣ улыбается молодой мальчикъ или молодая дѣвушка".

„На ярлыкѣ было ложное имя: Лизиски".

Ярлыкъ означалъ, что проститутка занята; occupata.

„Пусть же пишетъ она на двери, что занята".

Каморки освѣщались вонючими лампами.

Форма лампы могла быть непристойной; такихъ много въ неаполитанскомъ музеѣ.

Проститутка, покупаемая въ наложницы.

У Римлянъ любовникъ покупалъ свою любовницу, чтобъ освободить ее и сдѣлать наложницей.

„Если любишь, купи меня", говоритъ одно дѣйствующее лицо въ комедіи Плавта.

„Воинъ, умирающій отъ любви къ младшей, хочетъ купить ее въ наложницы".

„Какое счастье, какая для нея радость! Она нашла любовника, желающаго освободить ее".

Законъ воспрещалъ бракъ съ проститутками. √

Бракъ съ проститутками былъ воспрещенъ еврейскимъ священникамъ; одна изъ еврейскихъ книгъ говоритъ:

„Да не вступаютъ они въ супружество съ женщиной, униженной развратомъ, ни съ той, которая развелась съ мужемъ, ибо они посвятили себя Богу".

Древніе законы республики не позволяли вступать въ бракъ съ женщиной, которая проституировала публично.

... По предложенію сенатскаго рѣшенія было постановлено для вознагражденія Эбуціуса и Гиспаліи Фецинін, которыя донесли на Вакханаліи... „Что ей (Гиспаліи Фецинін) дозволяется вступить въ бракъ съ свободнымъ человѣкомъ съ тѣмъ, что ея мужъ не будетъ виновенъ или

обезчещенъ. Такова была чрезвычайная воля и убѣжденіе сената“. Это сенатское рѣшеніе было представлено народу и утверждено имъ“.

Такъ какъ было нужно сенатское рѣшеніе, утвержденное народомъ, чтобъ бракъ съ проституткой былъ дозволенъ по исключенію и не былъ безчестящимъ,—стало быть подобный бракъ былъ формально воспрещенъ закономъ и отвергаемъ обществомъ.

Одиночки выкупали самихъ себя сами.

У Римлянъ существовали проститутки подобнаго рода; онѣ пріобрѣтали имущества въ то время, когда были невольницами проститутками у проксенетовъ и выкупали себя сами.

„Была знаменитая свободная куртизанка, Гиспалія Фионнія; то была женщина выше того ремесла, которому отдалась въ первой молодости, когда была рабой, и продолжала по необходимости, послѣ своего освобожденія“.

„А ты, которая всегда говоришь о цѣнѣ, уплаченной тобою за твою свободу, ты умѣешь только обѣщать, и не умѣешь сдерживать обѣщанія“.

Одиночки мужчины.

У Римлянъ существовали мужчины, одиночно занимавшіеся проституціей.

„Онъ освобожденъ проституціей и гражданинъ чрезъ нее“, говоритъ Петроній

„Или отдай мои десять сестерцій (около 2 фр. 10 с.), мой дорогой Силонъ, и потомъ можешь быть жестокимъ и неумолимымъ, или, оставь мои деньги, прошу тебя, перестань быть жестокимъ и неумолимымъ въ тоже время, когда ты сводникъ“.

Но получала ли мужская проституція характеръ печальной терпимости вслѣдствіе записыванья у Эдиловъ, какъ проституція женская? Вѣроятно, нѣтъ, по двумъ причинамъ; во первыхъ законъ Scatinia, который никогда не былъ уничтоженъ, наказывалъ противуестественный развратъ. Потомъ общественное сознаніе громко отвергало оный, хотя онъ былъ весьма распространенъ.

Описаніе одиночекъ.

„Когда онѣ внѣ своего жилища, нѣтъ ничего, повидимому, опрятнѣе, изящнѣе, привлекательнѣе, когда онѣ ужинаютъ съ любовникомъ, онѣ деликатны. Но нужно видѣть обжорство, грязность, ничтожность этихъ созданій, когда онѣ однѣ у себя дома, нужно видѣть, какъ онѣ безстыдны, алчны, какъ пожираютъ онѣ черный хлѣбъ, намоченный во вчерашнемъ бульонѣ. Пусть знаютъ это юноши: въ этомъ будетъ ихъ охрана.“

„Юныя красавицы, заботьтесь чаще направлять шаги изъ вашихъ жилищъ... прекрасная женщина должна показываться въ публикѣ... случай повсюду: всегда позади себя вѣшайте крючекъ, рыба прячущаяся въ глубинѣ водъ, поподетъ на приманку“.

„Какая скромная одежда! Какая честная походка! И не скажутъ, что проститутка“.

Скандальныя завѣщанія.

„Ибо жестокое завѣщаніе его раззоряетъ его дѣтей, и предаетъ все достояніе его Фіалеѣ; столь могущественны обольщенія устъ, въ теченіе многихъ лѣтъ наученныя коварству проституціи“.

«.... Одна изъ наиболѣе уважаемыхъ матронъ, по имени Филумена, исторгнула много наслѣдствъ, спекулируя прелестями своей юности; теперь старая и увядшая, она шлетъ своего сына и дочь къ старикамъ безъ наслѣдниковъ и такимъ образомъ наслѣдуя сама себѣ, продолжаетъ свою коммерцію».

Расточительность на проститутокъ.

„Лаиса, прекраснѣйшая изъ женщинъ! когда я спрашиваю тебя о стоимости одной ночи, проведенной въ твоихъ объятіяхъ, ты требуешь большаго таланта (около 5,750 фр.). О, Лаиса! такъ дорого я не покупаю раскаянія“,

«Матонъ заплатилъ за одну ласку 100,000 сестерцій» (около 21,000 фр.).

«Наслѣдства отцовъ твоихъ недостаточно для платы за одну изъ твоихъ ночей».

Расточительность Римлянъ на куртизанокъ начинается гораздо ранѣе конца республики.Около 553 года отъ осн. Рима Сципіонъ Африканскій, упрекая Тиб. Азеллуса за безмѣрность его порока, говорилъ ему:

«Суммы, которыя растратилъ ты на одну куртизанку, превышаютъ цѣну движимости Сабинской земли, объявленную тобою цензорамъ».

Кажется, что Бордосцы славились избыткомъ, ибо Марціалъ говоритъ:

«Что касается той, которая желаетъ золота, и у которой высокъ голосъ, пусть будетъ любовницей толстаго Бордосца».

Нѣкоторыя изъ проститутокъ, получившія всемірную извѣстность, пріобрѣтаютъ громадныя состоянія. Фрина была такъ богата, что предлагала Фивянамъ выстроить на свой счетъ весь ихъ городъ, разрушенный врагами. Лаиса Коринѳская равнялась своими богатствами съ царями; нѣкоторыя изъ гетеръ брали за одну ночь не менѣе 2000 р. Веспасіанъ однажды заплатилъ такой куртизанкѣ 400,000 сестерцій. Любовница македонскаго царя Димитрія Паліоркета—Ламія пользовалась безграничнымъ вліяніемъ на любовника. Однажды во время власти надъ Аѳинами Димитрій обложилъ жителей этого города налогомъ въ 205 талантовъ (около 500,000 руб. сер.) и отдалъ эти деньги своей милой Ламіи на мыло. Но понятно, что далеко не всѣ проститутки наживали такіе громадныя богатства, и даже, напротивъ, только очень немногія изъ нихъ оканчивали свою жизнь въ довольствѣ или, по крайней мѣрѣ, безбѣдно. Аспазіи, Фрины, Лаисы были блестящими исключеніями. Этимъ онѣ обязаны не одной только красотѣ, но также своему уму и замѣчательной образованности. Общее число проститутокъ было громадно и представляло самые разнородные типы. Въ Аѳинахъ гетеръ высшаго класа бывало до 150, а публичныхъ женщинъ другихъ сортовъ такое множество, что, по словамъ Атенея, „ни одинъ городъ равно населенный никогда не имѣлъ ихъ столько“ Въ Римѣ ихъ было впослѣдствіи болѣе, чѣмъ въ Аѳинахъ, и даже въ самомъ проституціонномъ городѣ Греціи—Коринѳѣ. По траяновской переписи ихъ оказалось 32,000; но

такъ какъ эта перепись производилась съ фискальною цѣлью, то многія проститутки уклонились отъ записи въ полицейскія книги. Понятно, что при такомъ громадномъ количествѣ публичныхъ женщинъ большинство изъ нихъ едва-едва доставали себѣ на пропитаніе.

Любовникъ раззоряетъ проститутку.

Во всѣ времена проститутки содержали своихъ любовниковъ.

«Всегда платятъ проституткамъ, но ты платила твоимъ любовникамъ, ты имъ дѣлала подарки, чтобъ они являлись къ тебѣ со всѣхъ сторонъ и предавались съ тобою прелюбодѣянію».

Проститутки—пьяницы.

Римскія проститутки, подобно новѣйшимъ, постоянно предавались пьянству. Вино давало имъ возможность забываться и не чувствовать того отвращенія къ разврату, которое убиваетъ трезвую публичную женщину. Римскіе авторы, а вслѣдъ за ними и докторъ Жанель, слишкомъ легкомысленно относятся къ причинамъ этого пьянства. Такъ, Плавтъ какъ то даже шаловливо говоритъ: „Посмотрите на плутовку: какъ жадно она вливаетъ въ себя полнымъ глоткомъ вино“. Между тѣмъ, какъ нельзя не признать, что причина пьянства, въ большинствѣ случаевъ коренится въ безнадежности, въ глубокомъ отвращеніи публичныхъ женщинъ къ своему постыдному ремеслу, въ какой то даже сосредоточенной злобѣ къ тѣмъ, которые ихъ покупаютъ. Мы это можемъ замѣтить и изъ того, что всѣ почти проститутки имѣли и имѣютъ любовниковъ; значеніе этого факта выяснится для насъ гораздо полнѣе, когда мы будемъ говорить о современной проституціи, имѣющей очень много общихъ чертъ съ проституціей античной.

Послѣдній разрядъ.

Резюмируя все, что было сказано о римской проституціи, выразившей собою всю ужасающую грязь половаго разврата, мы должны будемъ придти къ тому заключенію, что въ Римѣ публичная торговля своимъ тѣломъ достигла крайнихъ граней. Великолѣпіе непотребныхъ домовъ въ

дворцахъ цезарей, смрадъ и вонь кабаковъ—лупанаріевъ, царственныя проститутки и вѣчно голодныя могильщицы—вотъ два противоположныхъ полюса, представляемыхъ античной проституціей, которая и тогда, какъ и теперь, пополняется, главнымъ образомъ, пролетаріатомъ и поддерживается нищетой...

Цѣломудріе воиновъ.

У Римлянъ военная служба обязывала цѣломудріемъ; по крайней мѣрѣ это было общимъ убѣжденіемъ:

„Слово castra лагерь есть какъ бы casta (цѣломудренный), потому что сладострастіе было въ немъ castrata (кастрировано), ибо никогда ни одна женщина не проникала въ него".

На самомъ дѣлѣ, идеаломъ римскаго воина долгое время считалась цѣломудренная, воздержанная жизнь. „Я иду подъ знамена, говоритъ Тибуллъ,—прощай Венера и любовь"! И военачальники, обладавшіе древне—римскими доблестями всегда строго слѣдили за поведеніемъ солдатъ. Сципіонъ, возстанавливая древнюю дисциплину, изгналъ изъ лагеря 2000 проститутокъ. Но наконецъ развращенность взяла свое, и римская армія повсюду возила за собойпоходные дома непотребства. Нравы, развившіеся въ арміяхъ во время походовъ и завоеваній, сохранялись и въ мирное время, во время стоянокъ въ Италіи и быстро прививались къ жизни обитателей этой страны. Возвращеніе арміи изъ похода было самымъ омерзительнымъ праздникомъ разврата.

Проституція, наконецъ, проникаетъ всюду, ірди веній колоссъ, который желѣзными когтями орловъ своихъ растерзалъ и ограбилъ полміра, погибаетъ въ послѣднихъ корчахъ сладострастія. Тщетно законодатели изобрѣтаютъ различные кары за любодѣяніе, сбираютъ налоги со всѣхъ нищихъ, со всѣхъ проститутокъ, со всѣхъ рабовъ и отпущенниковъ,—развратъ, поддерживаемый страстями вельможъ и богачей, захватываетъ собою всѣ классы общества. Картина, по истинѣ, внушающая невольный ужасъ! Картина до того постыдная, что всякое слово было бы безсильно для ея воспроизведенія.

На этомъ мы покančиваемъ съ античной проституціей, чтобъ обратиться къ болѣе близкому къ намъ времени.

СРЕДНЕВѢКОВАЯ ПРОСТИТУЦІЯ.

Рабство и нищета—вотъ двѣ могущественныя причины, способствовавшія непомѣрно широкому развитію проституціи въ древнемъ мірѣ. Могущественная и до мозга костей развратившаяся аристократія римская, высасывавшая изъ народа послѣдніе соки, доводила этотъ народъ до того, что по временамъ онъ оглашалъ вѣчный городъ потрясающимъ крикомъ: «крови и хлѣба?» Эта аристократія, съ своими полководцами и цезарями во главѣ, раззоряя міръ, надсмѣваясь надъ всякими человѣческими правами, покупая для своего ненасытнаго сладострастія цѣлыя толпы женщинъ и дѣвушекъ всѣхъ странъ, принуждена была давать обнищавшему народу хлѣба и зрѣлищъ, чтобъ онъ хоть на минуту забылъ свою голодную ярость; и эти зрѣлища, состоявшія главнымъ образомъ изъ травли живыхъ людей дикими звѣрями, изъ боя гладіаторовъ, или же изъ сценическихъ представленій, въ которыхъ главную роль играли опять таки проститутки и сводни,—эти или кровавыя, или же похабныя зрѣлища дѣйствовали въ свою очередь развратительно на общественную нравственнность.

Римъ погибъ вслѣдствіе внутренняго разложенія и вслѣдствіе натиска дикой толпы варваровъ;—но, и погибая подъ ихъ повторявшимися ударами, онъ въ тоже время царилъ надъ ними своею цивилизаціей, выработанной въ теченіи многихъ вѣковъ. И вмѣстѣ съ этой цивилизаціей онъ оставилъ въ наслѣдіе аристократіи этихъ варваровъ свою непомѣрную роскошь и свой утонченный развратъ. Грубая, необузданная, страстная, новая аристократія продолжала предсмертныя оргіи своего прежняго повелителя,

сопровождая оныя всѣми возможными безпорядками и злодѣйствами, столь обыкновенными въ еще не сложившемся обществѣ. Она была силой: ей принадлежала власть, а эта власть давала возможность угнетать народъ, высасывать изъ него послѣднія силы и въ частности формировать для своей утѣхи гаремы изъ дѣвушекъ нисшихъ классовъ. Захватъ и насилованье женщинъ были столь обыкновенными явленіями, что создали юридическое право первой ночи (jus primae noctis), узаконенное императоромъ Максиминомъ, постановившимъ, что рабъ не можетъ жениться безъ согласія своего господина, который долженъ быть «предвкусителемъ на всѣхъ свадьбахъ». И феодалы Европы въ теченіе многихъ вѣковъ ревниво пользовались этимъ гнуснымъ правомъ, пока, наконецъ, оно не уничтожилось подъ вліяніемъ женщинъ *).

Но какъ ни отвратительно было это право, оно всетаки не составляло главнаго зла того произвола, которому долгое время подвергались женщины не только подвластныя, но даже и неподвластныя феодаламъ, которые захватывали для наложничества, безнаказанно растлѣвали ихъ, составляло изъ нихъ цѣлые гаремы. Въ началѣ среднихъ вѣковъ, когда публичные дома не были еще распространены въ Европѣ, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстностей, на пр. Италіи,—ихъ замѣняла домашняя проституція. Короли, аббаты, епископы, бароны въ своихъ неприступныхъ замкахъ и дворцахъ имѣли родъ сералей или непотребныхъ заведеній, содержимыхъ на счетъ вассаловъ; одинъ писатель XI вѣка говоритъ, что каждый ленный владѣтель кормилъ въ своемъ генекеи столько проститутокъ, сколько было у него на псарнѣ собакъ. Порою же этихъ наложницъ набиралось столько, что хозяинъ былъ не въ состояніи прокормить ихъ и былъ вынуждаемъ освобождать нѣкоторыхъ, чтобъ всѣ не умерли съ голоду.

Заведенія эти вначалѣ имѣли какъ бы промышленный характеръ, ибо находившіяся въ нихъ женщины занима-

*) У насъ въ Россіи право это никогда не существовало de iure; но de facto нѣкоторые изъ нашихъ благодѣтельныхъ помѣщиковъ до такой степени плѣнились закономъ Максимина, что выведенные изъ терпѣнія крестьяне иногда оканчивали съ ними свои счеты кровавой развязкой и шли на каторгу. Объ этомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

лись работой въ пользу своихъ господъ, но уже съ X вѣка ихъ названіе становится синонимомъ непотребнаго публичнаго дома, чѣмъ они въ сущности и были. У сильныхъ феодальныхъ владѣльцевъ ихъ бывало даже по нѣскольку у каждаго. У Меровинговъ и Карловинговъ подобные геникеи были разсѣяны по разнымъ мѣстамъ ихъ владѣній и занимались приготовленіемъ пряжи, масла, мыла, посуды и пр., въ тоже время поставляя наложницъ для своихъ владѣльцевъ. Бароны даже завлекали въ эти геникеи постороннихъ мужчинъ и брали съ нихъ плату за визиты. Феодальные же гаремы для утѣхи самихъ владѣльцевъ существовали до самаго начала новой исторіи. Крѣпостное право давало возможность аристократіи и получать и вымѣнивать крѣпостныхъ женщинъ для своего распутства, и они не упускали этой возможности. Подобно тому какъ въ древнемъ Римѣ рабство доставляло на рынокъ разврата наибольшее количество живаго товара,—въ средніе вѣка крѣпостное право и ничѣмъ не умѣряемый произволъ феодаловъ были самыми могущественными орудіями проституціи. Но независимо отъ наложницъ, рабынь, служанокъ—дѣлу домашней проституціи служили жены и дочери самихъ владѣльцевъ неприступныхъ замковъ; многіе родители и мужья угощали своими женами и дочерями посѣщавшихъ ихъ замки гостей или предлагали ихъ за деньги; многія жены и дочери дѣлали тоже самое и помимо воли своихъ владыкъ. Ничѣмъ нестѣсняемый произволъ, огромныя богатства, добытыя войною, грабежомъ, поборами съ безмолвнаго и безсильнаго народа, праздная жизнь, вліяніе развращенной Италіи, въ которой ранѣе, чѣмъ гдѣ либо, проституція публичная получила право гражданства и появились непотребные дома, унаслѣдованные отъ великаго Рима, вліяніе столь же развратнаго востока, особенно со времени Крестовыхъ Походовъ,— все это до корня растлѣвало феодальное общество, вскорѣ послѣ своего возникновенія заразившееся всѣми грубыми пороками античнаго міра.

Феодальный баронъ развратничалъ въ своемъ неприступномъ замкѣ, вмѣщавшемъ въ себѣ безчисленное множество наложницъ и рабынь,—что въ сущности было почти одно и тоже, ибо какъ почти каждая наложница была рабыня, такъ и мало-мальски смазливенькая слу-

жанка была наложницей; онъ разъѣзжалъ по деревнямъ, соблазнялъ или насиловалъ крестьянокъ; онъ портилъ женщинъ своего класса,—женъ и дочерей такихъ же бароновъ какъ онъ самъ; онъ, подобно Ченчи, лишалъ невинности своихъ собственныхъ дочерей, или подобно Жану де Тройе, убивалъ прижитыхъ съ своей собственной дочерью дѣтей съ ея же согласія,—этотъ весь закованный въ желѣзо средневѣковый рыцарь, дѣлая отдаленныя путешествія, спалъ въ женскихъ объятіяхъ въ спальняхъ бароновъ, въ хижинахъ крестьянъ, въ кельяхъ монахинь, въ непотребныхъ домахъ сладострастной Италіи,—онъ не останавливался ни передъ разбоемъ, ни передъ убійствомъ, ни передъ какимъ преступленіемъ для удовлетворенія своей скотской чувственности. Меровинги вели даже войны изъ за приглянувшейся женщины, чтобъ завладѣть ею;—а на ряду съ этимъ неистовымъ и грубымъ развратомъ—какое то обидное поклоненіе женщинѣ, пѣсни трубадуровъ, въ которыхъ женщина является царицей, обѣты и клятвы рыцарей, девизы, принимаемые ими въ честь своей дамы... оскорбленіе и поклоненіе, насиліе и такъ называемая рыцарская вѣжливость—вотъ въ общемъ образѣ отношенія средневѣковаго рыцарства къ женщинѣ вообще. Говорили, что вообще въ средневѣковомъ обществѣ женщина пользовалась относительной свободой и уваженіемъ, но это глубокая ложь. если мы возьмемъ свободу и уваженіе въ томъ смыслѣ, въ какомъ эти слова употребляются въ настоящее время. Женщина была рабой въ полномъ значеніи этого слова. Если дочери Карла Великаго, если Жанны Бургундскія, а вслѣдъ за ними жены и дочери бароновъ, подобно римскимъ матронамъ, упражнялись неутомимо въ распутствѣ, если онѣ воскрешали Клеопатръ и Мессалинъ, то въ этомъ развратѣ ихъ поощряли ихъ же властелины.

До какой степени достигала въ средніе вѣка развращенность аристократіи можно видѣть изъ распространенности противоестественныхъ пороковъ, которые всегда являются вслѣдствіе совершеннаго пресыщенія женщинами. Мужеложство и кровосмѣшеніе достигало до чудовищныхъ размѣровъ, такъ что, по словамъ де Витри, человѣкъ, имѣвшій только нѣсколько наложницъ, отличался сравнительной нравственностью.

„Жиль де Рецъ (Rezt) одинъ изъ первыхъ вельможъ Франціи, проводилъ все свое время въ растлѣніи дѣтей, которыхъ со всѣхъ сторонъ доставляли ему его служители. Насладившись ими разъ или два, онъ душилъ ихъ и въ подземельяхъ его замковъ (послѣ того какъ онъ былъ сожженъ на кострѣ) было найдено множество скелетовъ этихъ несчастныхъ жертвъ его скотскаго сладострастія; ему даже было пріятнѣе перерезывать имъ горло, чѣмъ удовлетворять на нихъ свою животную страсть; часто онъ оба эти свирѣпыя наслажденія соединялъ вмѣстѣ и злоупотреблялъ ими до тѣхъ поръ, пока дѣти не умирали. За каждаго доставленнаго ему ребенка онъ платилъ имъ 2 до 3 экю. Какой болѣе чудовищный примѣръ можетъ представить древность? Неронъ и Геліогобалъ не превзошли его въ свирѣпой утонченности сладострастія! И это не единственный примѣръ. Уголовныя хроники того времени доказываютъ, что насилованіе малолѣтнихъ, насилованіе мальчиковъ, не говоря уже о насилованіи взрослыхъ, совершалось даже слишкомъ часто и не было какимъ либо исключительнымъ явленіемъ. Мужеложство могло быть занесено въ средневѣковую Европу и изъ Рима и изъ Палестины крестоносцами, такъ какъ у восточныхъ народовъ оно до настоящаго времени такъ обыкновенно, что не считается даже проступкомъ.

Но и скотоложство также процвѣтало въ средневѣковомъ обществѣ, и количество этого рода преступленій было значительно, особенно во Франціи, гдѣ оно постепенно усиливалось до конца XVI вѣка, и гдѣ казнили смертью не только скотоложцевъ, но и животныхъ. Такъ въ 1546 году былъ сожженъ Гюйо-Видъ за сожительство съ коровою, которая прежде сожженія была убита; въ 1556 году Жанъ-де-ла-Сель сожженъ съ ослицею за сожительство съ нею; въ 1601 г. былъ повѣшенъ, а потомъ сожженъ Клоденъ-де-Куланъ за связь съ собакою и т. д. Если мы вспомнимъ вообще объ анархіи средневѣковаго общества, о томъ, какую силу имѣла аристократія, какія насилія она безнаказанно дозволяла себѣ въ отношеніи къ горожанамъ и сельскому населенію, если мы вспомнимъ, съ какимъ благосклоннымъ равнодушіемъ смотрѣла власть на милыя шалости аристократіи, если вспомнимъ, что сама эта власть, происходившая изъ той же аристократіи,

была заражена всѣми ея пороками, то ни сколько не удивимся, если только самыя вопіющія безобразія вызывали строгія наказанія, только такія преступленія влекли за собою позорную казнь, которыя почему либо не было возможности скрыть.

Да, средневѣковое общество не отстало въ распутствѣ отъ античнаго, отъ римскаго общества. И здѣсь матери растлѣваютъ своихъ сыновей, отцы производятъ кровосмѣшеніе съ дочерями, братья съ сестрами, самые ближайшіе родственники содомитствуютъ другъ съ другомъ; надменные рыцари угощаютъ гостей своими женами и дочерьми, или, покрайней мѣрѣ, служанками; благородныя дамы, столько разъ воспѣтыя трубадурами, поощряютъ другъ друга къ разврату; дочери графовъ сами проникаютъ въ спальни постороннихъ мужчинъ и принуждаютъ этихъ послѣднихъ къ любви съ собою; дамы одѣваютъ и раздѣваютъ гостя, провожаютъ его въ баню, являются полунагими на турнирахъ и балахъ... Трубадуры, воспѣвая этихъ дамъ, воспѣвая любовь, не затрудняются въ выборѣ самыхъ эротическихъ сюжетовъ, подражая въ этомъ случаѣ римскимъ поэтамъ золотаго вѣка. Стоитъ только вспомнить новеллы Бокаччіо, которыя все еще несравненно нравственнѣе новеллъ Маргариты Валуа,—этой много-ученой дочери Катерины Медичи. Бокаччіо въ своемъ Декамеронѣ заставляетъ знатныхъ дамъ и мужчинъ Флоренціи увеселять другъ друга во время чумы такими разсказами, въ которыхъ главную роль играетъ любовь, но любовь такого сорта, какою ее понимали въ то время,—любовь не прикрытая покровомъ стыдливости, и жадно алчущая плотскаго наслажденія. Въ одной напр. изъ новеллъ разсказывается о томъ, какъ одинъ дворянинъ, пользуясь темнотою ночи, обольщаетъ жену своего друга; въ другой является католическій священникъ, который намѣревается въ глазахъ—простяка—мужа насладиться его смазливенькой женой и т. д.—и все это разсказывается съ самою наивною откровенностью... Если лучшіе писатели того времени брали для своихъ произведеній подобные сюжеты, то чѣмъ же занималась остальная ихъ братія,—всѣ эти странствующіе трубадуры, шлявшіеся изъ замка въ замокъ, потѣшая благородныхъ дамъ своими истинно безъискусственными пѣснями? Литература всегда есть вы-

раженіе общества, а средневѣковая поэзія вся цѣликомъ является безстыднымъ воплемъ разнузданной чувственности.

Католическое духовенство едва ли не опередило самое дворянство въ развратѣ и порочности, чему много способствовало безбрачіе монаховъ и бѣлаго духовенства, и огромныя богатства, которыми они обладали. Эти богатства принесли такіе же развратительные плоды, какъ и власть и вліяніе феодаловъ. Патеры заводили у себя цѣлые гаремы; монахи, какъ голодные волки, бросались на женщинъ, часто силою увлекали ихъ въ монастыри и держали тамъ въ заключеніи. Въ свою очередь монахини только тогда сохраняютъ обѣтъ цѣломудрія, когда не представляется удобнаго случая, чтобъ его нарушить. Въ этомъ случаѣ опять таки Декамеронъ Бокаччіо, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются нравы того времени,— можетъ служить прекраснымъ источникомъ для изученія средневѣковаго монашества. Патеры и монахи, ихъ плутни, ихъ сладолюбіе, лицемѣрство играютъ у Бокаччіо самую видную роль. Бокаччіо, за исключеніемъ только очень немногихъ новеллъ, непереводимъ на русскій языкъ, потому что его наивность граничитъ съ цинизмомъ, но онъ драгоцѣненъ, какъ нравоописатель Вслѣдствіе самой его наивности мы не можемъ не вѣрить ему; онъ не караетъ, не шлетъ громы и молніи, даже не глумится надъ изображаемыми имъ личностями, и потому онѣ выступаютъ рельефнѣе, и какъ живое стоитъ передъ нами это глубокоразвратное, взявшее себѣ куміромъ чувственность, общество.

Дюлоръ въ своей Histoire de Paris разсказываетъ слѣдующую исторію, которая можетъ доказать, какъ развратительно дѣйствовало католическое духовенство на народъ.

„Шарль де Сенектеръ, сеньоръ города Орильяка и аббатъ монастыря, два его племянника, въ томъ числѣ одинъ бывшій аббатомъ въ монастырѣ св. Іоанна, его племянница Марія, настоятельница женскаго д'Орильякскаго монастыря, монахи и монахини обоихъ монастырей предавались всѣмъ крайностямъ разврата (и это было въ половинѣ XII столѣтія. Каждый монахъ жилъ въ монастырѣ съ одной или нѣсколькимя наложницами,—дѣвушками, соблазненными имъ и уведенными изъ родительскаго дома, или женщинами, похищенными отъ мужей. Въ саду

у аббата было особое зданіе, спеціально назначенное для разврата и украшенное соблазнительными картинами; патеры были обыкновенными поставщиками женщинъ въ это убѣжище; на племянникахъ аббата лежала также постыдная обязанность. Они облагали этою натуральною данью не только городъ, но и окрестныя деревни; они вырывали дѣвушекъ изъ объятій ихъ матерей, при полномъ дневномъ свѣтѣ, въ виду жителей; они презирали общественное мнѣніе, крики и плачъ своихъ жертвъ, которыхъ пинками и ударами гнали въ монастырь, гдѣ онѣ и предавались растлѣнію аббата, его племянниковъ, и другихъ монаховъ“ [1]).

Солдатство было третьимъ факторомъ, дѣйствовавшимъ развратительно на народъ. Вся средневѣковая исторія Европы состоитъ изъ непрерывныхъ войнъ, во время которыхъ происходитъ поголовное растлѣніе женщинъ, попадающихся солдатамъ. Мы видѣли, что римскіе легіоны были сопровождаемы цѣлыми толпами проститутокъ, и полководцы, по временамъ, какъ напр. Сципіонъ, принуждены были очищать отъ нихъ лагерь, такъ какъ присутствіе ихъ ослабляло дисциплину; тоже самое мы замѣчаемъ въ лагеряхъ всѣхъ европейскихъ войскъ, въ которыхъ всегда находились толпы публичныхъ женщинъ, число которыхъ иногда равнялось численности всего войска. Отъ нихъ не хотѣли и не могли избавиться ни короли, ни военачальники. Когда Генрихъ II задумалъ принять репрессивныя мѣры противъ всякой проституціи, то рѣшился ограничить число полковыхъ проститутокъ только въ такой мѣрѣ, чтобъ ихъ было не больше одной на 3 солдатъ. Во Франціи лагерныя проститутки или походные непотребные дома существовали до XVII в. Иногда ихъ содержали сами военачальники и эксплуатировали такимъ образомъ офицеровъ и солдатъ. Развращенность иррегулярныхъ войскъ была столь велика, что ей во время крестовыхъ походовъ изумлялись даже магометане. А крестоносцы составляли цвѣтъ тогдашняго рыцарства, хотя въ рядахъ ихъ и было множество всякой сволочи. Но и главные предводители, напр., благочестивый Балдуинъ или Готфридъ Бульонскій далеко не представляли собою

[1]) Дѣло 1869 г. Апрѣль.

образца добродѣтели. Большинство же знаменитыхъ рыцарей, возвращаясь изъ крестовыхъ походовъ, заводили у себя настоящія гаремы.

Такимъ образомъ, феодальное дворянство, католическое духовенство и солдатство—вотъ три фактора, способствовавшіе распространенію средневѣковой проституціи. Эти факторы сходились въ одномъ общемъ центрѣ въ королевскомъ гинекеѣ, который поэтому и шелъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій во главѣ публичнаго европейскаго разврата, какъ это было и въ Римѣ во дворцахъ цезарей, по временамъ становившихся настоящими домами непотребства и отличавшихся отъ обыкновенныхъ лупанаріевъ только болѣе возвышенной платой. Мы не станемъ здѣсь говорить о полудикихъ Меровингахъ и Карловингахъ съ ихъ великимъ родоначальникомъ, въ глазахъ котораго его дочери превратили его дворецъ въ непотребный домъ, не станемъ мы говорить и о Нельской башнѣ и ея обитательницахъ, которыя завлекали къ себѣ молодыхъ пажей и послѣ ночи наслажденія безжалостно приказывали умерщвлять своихъ недавнихъ любовниковъ, мы подвинемся ближе къ нашему времени и взглянемъ на европейскіе дворы, особенно на французскій, отличавшійся особеннымъ блескомъ, состоявшій изъ множества придворныхъ вельможъ, пользовавшихся славою первыхъ жантильомовъ своего времени.

Съ самаго начала европейской исторіи при дворахъ королей были десятки, сотни проститутокъ, содержавшихся на счетъ королевской казны, и не отстававшихъ отъ двора, даже во время путешествій. Для управленія ими былъ назначенъ во Франціи roi des ribauds, родъ министра, должность котораго при Францискѣ I, этомъ изящномъ и великолѣпномъ Францискѣ, пользовавшимся славою перваго рыцаря своего времени,—была передана дамѣ и въ такомъ видѣ существовала до конца XVI вѣка. Вмѣстѣ съ развитіемъ придворной утонченности измѣнился и характеръ дворцовой проституціи. Публичныя женщины, прежде населявшія дворъ, исчезаютъ со сцены и снова появляются на ней въ качествѣ дамъ, любезныхъ, изящныхъ, образованныхъ: нѣкоторыя даже знаютъ по латынѣ и по гречески, а Маргарита Валуа чуть ли не была знакома съ еврейскимъ языкомъ. Однѣ изъ этихъ

дамъ живутъ при дворѣ; другія только временно украшаютъ его своимъ присутствіемъ, представляя такимъ образомъ и дворъ и высшее общество, къ которому онѣ принадлежали по рожденію. Виновникомъ этой перемѣны былъ тотъ же изящнѣйшій рыцарь-Францискъ I, говорившій, „что дворъ безъ дамъ тоже, что садъ безъ цвѣтовъ и скорѣе похожъ на дворъ какого нибудь турка, чѣмъ на дворъ всехристіаннѣйшаго короля". Но эти придворныя дамы въ сущности были прежними проститутками; разница оказывалась только въ болѣе утонченной, такъ сказать дистилированной формѣ, въ большомъ изяществѣ, но тотъ же развратъ скрывался подъ этимъ изяществомъ. Дамы эти и королевскія метрессы набирались весьма различными способами, и при многихъ дворахъ находились разныя вельможныя и невельможныя сводни. При Карлѣ VI эту должность исполняли два августинскихъ монаха, жившіе во дворцѣ; при Францискѣ I кардиналъ де-Лорренъ, который не только доставлялъ для короля любовницъ, но и „собственноручно дресировалъ ихъ". При Генрихѣ IV всѣ придворные наперерывъ старались угодить королю по этой части, и не только самому королю, но также принцамъ и вельможамъ, Главнымъ поставщикомъ былъ итальянецъ Заметъ, изъ простаго кордонщика сдѣланный за свое искусство барономъ, королевскимъ совѣтникомъ, Фонтенблосскимъ губернаторомъ; ему помогали въ этомъ герцогъ де-Бельгардъ и маркизъ Варрень. Самыя знатныя дамы не пренебрегали этимъ выгоднымъ промысломъ. Феодальные непокорные бароны, превратившись въ придворныхъ вельможъ и чиновниковъ, считали за счастіе видѣть дочерей своихъ и женъ наложницами государей. „Въ Берлинѣ говоритъ Шерръ, знатные дворянки дѣлались сводними, соблазняли дѣвушекъ и преподавали имъ науку, какъ можно избавиться отъ беременности". Милости, богатства, титулы, расточаемые королями и знатными вельможами на своихъ любовницъ, дѣйствовали такъ развратительно, что отцы вели на поруганіе своихъ женъ получали себѣ почести и чины. Въ старинной Европѣ толпы дворянокъ переѣзжали отъ двора ко двору и если обращали на себя вниманіе государей, то оставались при дворѣ, дѣлались герцогинями, маркизами, получали громадныя суммы, потому что становились фаворит-

ками, и за тотъ способъ, какимъ получали богатства и достигали своего возвышенія, не теряли ни мало уваженія. Эти блудницы нерѣдко посылались къ другимъ дворамъ съ особыми порученіями. Если мы перенесемся въ позднѣйшее время, если мы взглянемъ на дворъ Людовика XV или на время Регентства Филиппа Орлеанскаго, то ужаснемся при видѣ того повальнаго разврата, которымъ заражена придворная французская аристократія, и который вмѣстѣ съ ненавистнымъ грабежомъ народа королевскими министрами и любовницами ихъ приготовилъ кровавую развязку 89 года.

И такъ было не въ одной Франціи, хотя, быть можетъ, при французскомъ дворѣ придворная проституція выразилась особенно сильно и ярко. Въ Англіи развратъ двора доходилъ тоже до поразительныхъ размѣровъ; англійскіе принцы шатаются по кабакамъ, англійская аристократія слѣдуетъ ихъ примѣру; Букингамъ тратитъ безразсудныя, несмѣтныя суммы на своихъ любовницъ и на свои наряды; его придворный штатъ громаднѣе и великолѣпнѣе королевскаго, а народъ буквально воетъ отъ голода и нищеты—и старается забыться въ развратѣ и пьянствѣ.

Многимъ кажется страннымъ, что развратъ старинныхъ дворовъ Европы мы называемъ проституціей, какъ будто смѣшивая два разнородныя понятія, но на самомъ дѣлѣ въ нашихъ словахъ нѣтъ ничего ошибочнаго, ничего преувеличеннаго: то былъ не просто развратъ, а промыселъ развратомъ, не отдача себя пороку вслѣдствіе какой либо страсти, а продажа своего тѣла, своихъ прелестей... Всѣ придворныя любовницы получали деньги, содержаніе, титулы своимъ родственникамъ и т. д. Тутъ была слѣдовательно эксплуатація, а проституція есть ничто иное, какъ эксплуатація своей красотой, своимъ тѣломъ, такъ или иначе, т. е. безъ посредства или чрезъ посредство сводней и содержателей публичныхъ домовъ. „Придворныя проститутки брали даже за отдѣльный визитъ. Главный смотритель Версаля ухаживалъ за одной принцессой, но въ началѣ получалъ отъ нее только отказы и призрѣніе, наконецъ, она согласилась продать ему одну свою ночь за прельстившую ее вышивную работу по канвѣ“. Какимъ же именемъ можно назвать этотъ поступокъ

принцессы? Развѣ она не та-же проститутка, которая беретъ плату съ своихъ посѣтителей? Развѣ она не презрительнѣе послѣдней, которой, быть можетъ, нечего ѣсть, которую подвигнулъ къ разврату голодъ, холодъ, совершенно безвыходное положеніе, или же которая была обольщена и обманута какимъ нибудь развратникомъ, а быть можетъ и изнасилована какимъ нибудь франтомъ?

Средневѣковое искусство, находившееся подъ покровительствомъ вельможъ, вслѣдствіе этого самаго слѣдовало общему настроенію. Какъ и у Римлянъ и средневѣковые великолѣпные дворцы и сады были украшены самыми соблазнительными картинами, барельефами, статуями, группами, преимущественно миѳологическаго содержанія. Искусство въ особенности оскверняла французскій дворъ, вкусу котораго угождали великіе художники эпохи Возрожденія Леонардо Винчи, Бенвенуто, Челини и др., изображавшіе и рѣзцомъ и кистью сцены самаго грязнаго разврата,—сцены педерастіи, скотоложства и т. п. Литература и театръ носили тотъ же характеръ. Даже геній величайшаго изъ англійскихъ поэтовъ—Шекспира принесъ дань времени: нѣкоторыя сцены въ его комедіяхъ теперь совершенно невозможны для представленія на театральныхъ подмосткахъ. Цѣлая толпа англійскихъ драматурговъ, слѣдующихъ за реставраціей, изображаетъ въ своихъ сценическихъ произведеніяхъ прелюбодѣнія и изображаетъ оное какъ главное достоинство и призваніе благовоспитаннаго джентльмена. Самая безнравственная литература царитъ въ Германіи съ половины XVII вѣка, а актрисы и актеры, играя безстыдныя пьесы, сопровождаютъ ихъ самыми непристойными жестами и являются на сцену нагишомъ. Францiя и въ этомъ случаѣ превосходитъ всѣхъ. Сочиненій самаго сальнаго, самаго непристойнаго содержанія, услаждавшихъ дворъ и высшіе классы Франціи съ XIV—XVIII столѣтія, появляется такое великое множество, что ихъ и не перечесть. Начиная съ Рабле и кончая Вольтеромъ, написавшимъ свою знаменитую „Орлеанскую-дѣвственницу",—цѣлый рядъ писателей посвящаетъ свой талантъ и свое остроуміе изображенію такихъ сценъ, которыя могутъ нравиться только самому развращенному воображенію. Фоблазъ, Маркизъ де-Садъ, La Guerre de Dieux—все это такіе неблаговонные цвѣты

запахъ которыхъ могутъ обонять только люди, совершенно утратившіе всякую нравственность. Даже мистеріи долгое время состояли изъ самыхъ площадныхъ выраженій и сценъ циническаго разврата; актрисы же не только развратничали, какъ и вездѣ въ тогдашней Европѣ, но были еще общими женами для всѣхъ мужчинъ своей труппы. Онѣ предвосхитили фанерогамію Фурье.

Кромѣ всего этого торговля, какъ это бываетъ вездѣ, была однимъ изъ главныхъ проводителей проституціи въ Европѣ. Столь же сильнымъ проводникомъ были университеты, въ которыхъ въ средніе вѣка и въ эпоху Возрожденія скоплялось до десяти и даже до пятнадцати тысячъ студентовъ. Нравы стариннаго студенчества, его оргіи и волокитство, его необузданность и корпоративная сила,—все это вело за собою то, что университеты были одними изъ главныхъ факторовъ женскаго разврата и центрами, около которыхъ сосредоточивалась проституція. Въ Парижѣ студенты были главными защитниками проститутокъ противъ репрессивныхъ мѣръ принимавшихся правительствомъ.

Наконецъ къ числу дѣятельныхъ распространителей разврата слѣдуетъ причислить и различныя религіозныя секты, различные рыцарскіе ордена, которыхъ особенно много возникло вскорѣ послѣ Крестовыхъ походовъ. Эти ордена, въ началѣ образовавшіеся для защиты пилигримовъ, идущихъ на поклоненіе Гробу Господню, отъ невѣрныхъ,—ордена, члены которыхъ при вступленіи давали обѣтъ нищеты и цѣломудрія, вскорѣ пріобрѣли громадныя богатства и сдѣлались центромъ самаго глубокаго разврата. Особенно сильно обвиняли въ немъ Храмовниковъ, которые будто бы предавались самому грубому мужеложству. Достойные послѣдователи достойнаго Игнатія Лойолы не стыдились проповѣдывать, что женщина не грѣшитъ, когда отдается любовнику, говоря: „я отдаюсь тебѣ во имя І. Христа". Это было, такъ сказать, санктупрованье разврата.

И все это: короли, дворянство, духовенство, солдатство, студенчество, воскрешало въ средніе вѣка бѣшеныя сатурналіи Рима,—воскрешало языческіе культы Астарты, Озириса, Изиды, Венеры; Римъ оставилъ своимъ побѣдителямъ тяжелое послѣдство!

Но сходство еще не кончается здѣсь.

Мы уже говорили, что феодалы въ средніе вѣка, также какъ и античная аристократія, формировали изъ своихъ рабынь гаремы и публичные дома, или принуждали этихъ несчастныхъ проституировать въ одиночку; тоже самое дѣлали и родители, власть которыхъ въ средневѣковомъ, какъ и въ античномъ обществѣ, была громадна. Какъ въ Римѣ, такъ и въ европейскихъ государствахъ, родители продавали своихъ дѣтей и жили на счетъ дохода отъ этого промысла. Мужья также торговали своими женами. Однимъ словомъ въ средневѣковой проституціи мы видимъ повтореніе проституціи римской. Даже государственная власть, слѣдуя римскимъ традиціямъ, нѣкоторое время отдавала женщинъ и дѣвушекъ, уличенныхъ въ незаконной любви, публичной проституціи.

Но пока мы коснулись только одного изъ видовъ проституціи, проституціи преимущественно аристократической, проституціи порожденной ничѣмъ нестѣсняемымъ произволомъ феодаловъ и рабствомъ; въ началѣ же этой главы мы сказали, что однимъ изъ главныхъ стимуловъ публичнаго разврата была также и нищета народныхъ массъ. Намъ остается доказать на сколько справедливо наше положеніе.

Нищета и голодъ часто доводятъ до преступленія, въ чемъ мы можемъ убѣдиться, изучая уголовную статистику. На самомъ дѣлѣ, голодный человѣкъ тотъ же дикій звѣрь: онъ дѣйствуетъ по инстинкту самосохраненія, онъ бережетъ свою шкуру. Мы также видимъ, что чѣмъ гдѣ сильнѣе развитъ пауперизмъ, тамъ большее количество воровъ, мошенниковъ, публичныхъ женщинъ: блистательное доказательство этому представляетъ Лондонъ: ни въ одномъ городѣ нѣтъ столько и такого богатства, на ряду съ самой отталкивающей, съ самой ужасающей бѣдноэти,—и не въ одномъ городѣ нѣтъ столько мошенниковъ и проститутокъ,—нигдѣ развратъ не разбился такъ широко.

Средніе вѣка представляютъ намъ самые ужасные примѣры грубой силы и дикаго произвола. Разбой феодаловъ, кулачное право, крестовые походы, почти непрерывные войны, опустошительныя эпидеміи и частые неурожаи, а вмѣстѣ съ ними голодъ, постоянные и произвольные по-

боры, раззорительный деспотизмъ. безправіе народныхъ массъ, религіозныя гоненія, короли, бароны, рыцари и солдаты, духовенство и чиновничество—все это раззоряло, угнетало, убивало народы и постоянно повергало во всѣ ужасы безъисходной бѣдности; а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что эта бѣдность, что отчаяніе, порожденное ею, часто заставляло или убивать дѣтей или вести ихъ на рынокъ разврата и продавать ихъ этому ненасытному минотавру. Въ проституцію поступали преимущественно или тѣ, кого принуждали къ этому силою—безсловесные рабы, или же тѣ, кто умиралъ съ голоду, кто не имѣлъ пристанища: то были жены, лишившіяся мужей на войнѣ, женщины, бѣжавшія отъ деспотизма, дѣти, продаваемыя родителями, сироты, найденыши, служанки, лишившіяся мѣста, бѣдныя работницы, задѣльная плата которыхъ не давала средствъ для существованія и т. п. Когда Людовикъ IX основалъ магдалинское убѣжище, то въ него, по словамъ Рушебефа, „поступило множество женщинъ, доведенныхъ до разврата бѣдностью“. Слѣдуетъ замѣтить, что проституція всегда *усиливалась послѣ голодныхъ годовъ*, послѣ опустошительныхъ войнъ, и эпидемій, когда цѣлыя цвѣтущія провинціи превращались въ пустыни, отъ городовъ и деревень оставались однѣ только безобразныя груды пепла, и сотни тысячъ народа шатались безъ крова и пищи. Что оставалось дѣлать этому неимѣющему пристанища народу? Одни погибали отъ голода, другіе шли на разбой, третьи предавались разврату. Уже низкая плата, за которую продавались обыкновенно женщины, можетъ служить доказательствомъ, что не всегда испорченность, развращенность, желаніе богатства заставляли ее заняться промысломъ распутства, а вынуждала необходимость, потребность въ кускѣ хлѣба, въ ночлегѣ... Странно бы было предположить, что напр. въ Австраліи, гдѣ, какъ говорятъ лѣтописцы XV вѣка, „можно имѣть четырехъ женщинъ за одно куриное яйцо; яйцо стоило грошъ (gres), а женщина только 4 деньé (deniers), даже дешевле“,—чтобы наконецъ и тамъ женщина занялась проституціей съ какою нибудь корыстною цѣлью. Въ средніе вѣка обыкновенной платой публичной женщинѣ во Франціи было 3 су, а между тѣмъ количество проститутокъ было едва ли не больше чѣмъ теперь, даже и несравни-

тельно. Когда въ XVIII столѣтіи во Франціи женскій трудъ сталъ 10 или 12 су въ день, да и тотъ начали отбивать мужчины, тогда въ Парижѣ считали отъ 40 до 60 тысячъ проститутокъ.

Самая жизнь средневѣковой проститутки, жизнь исполненная постоянныхъ гоненій, страданій, лишеній—жизнь несравненно болѣе тяжелая, чѣмъ жизнь проститутки нашихъ дней, все таки болѣе или менѣе обезпеченной, если не въ матеріальномъ отношеніи, то, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что ей нечего ежеминутно бояться позорнаго столба, плетей, лишенія какой нибудь части тѣла, а иногда и смерти, если вдругъ какому нибудь развратному барону вздумается исправлять общественную нравственность, или какому нибудь вельможѣ, какъ маршалу Строцци при Генрихѣ III, придетъ охота позабавиться «и бросить въ рѣку Луару 800 публичныхъ дѣвушекъ, слѣдовавшихъ за его лагеремъ»—эта жизнь, говоримъ мы (а такая жизнь была удѣломъ всѣхъ проститутокъ), также можетъ убѣдить насъ, что женщины не отъ радости, не изъ желанія наживы брались за промыселъ разврата, а толкала ихъ въ него иная болѣе существенная причина, и этою причиною была нищета, былъ голодъ, совершенно безвыходное положеніе.

Даже приблизительно нельзя опредѣлить количества проститутокъ встарину, но есть положительныя основанія утверждать, что въ большихъ городахъ ихъ бывало несравненно болѣе, чѣмъ въ настоящее время. Въ XV в. въ Парижѣ было записныхъ проститутокъ 13,000; тогда какъ въ настоящее время при несравненно лучше организованной полиціи ихъ извѣстно только 5,000. Въ нынѣшнемъ Страсбургѣ находится 27 проституціонныхъ домовъ и 300 записныхъ проститутокъ, а въ XV и XVI в. домовъ публичныхъ было 100, проститутокъ же такое множество, что имъ не доставало жилищъ. Въ Римѣ въ 1542 г. было 45000 публичныхъ женщинъ, платившихъ проституціонный налогъ. Изъ этого числа слѣдуетъ, конечно, исключить аристократическихъ проститутокъ, наложницъ кардиналовъ, прелатовъ, богачей, ведшихъ зажиточную и даже роскошную жизнь, которыя, однако, подобно гетерамъ древности и камеліямъ настоящаго времени, проживали все, что получали и подъ конецъ, когда изнашивалась ихъ кра-

сота, падали въ цѣнѣ и вступали въ этотъ омутъ, въ которомъ обиталъ голодный, холодный, оборванный развратъ.

Среди нищихъ, бродягъ, пролетаріевъ, воровъ и мошенниковъ, вотъ въ какомъ обществѣ жило большинство средневѣковыхъ проститутокъ, отъ которыхъ отвернулось, которыхъ оттолкнуло отъ себя все, что было сыто и богато; жили эти проститутки въ подобномъ обществѣ потому, что сытые богачи, соблазнивъ ихъ и насладившись ими, съ отвращеніемъ отвернулись отъ нихъ, ища другихъ жертвъ для своего сластолюбія. Тогда какъ въ низшихъ слояхъ народа, среди бездомныхъ бродягъ и мошенниковъ, проститутки находили хоть нѣкоторое покровительство: бродяги и воры человѣчнѣе относились къ своей такой же бездомной братіи, чѣмъ сытая аристократія; ихъ связывали, если не общіе интересы, то общее несчастіе. Воры пролетаріи и бродяги всегда были родными братьями проститутокъ, потому что ихъ породила одна общая мать— нищета, и одинъ общій отецъ—голодъ. Изъ этого то, такъ называемаго, отребья общества публичныя женщины выбирали себѣ постоянныхъ любовниковъ и покровителей, ибо другіе, болѣе обезпеченные, классы слишкомъ свысока, слишкомъ презрительно относились къ тѣмъ, которыя именно ими, именно этими обезпеченными и сытыми людьми были брошены въ омутъ разврата. Многіе изъ этихъ воровъ и бродягъ, будучи, какъ и въ настоящее время, любовниками проститутокъ, жили совершенно на ихъ счетъ. Центрами пристанищъ для этого самаго низшаго разряда проституціи служили захолустья и самые грязные кварталы средневѣковыхъ городовъ, гдѣ кишмя кишили цыгане, нищіе, мошенники, бродяги. Среди этихъ пристанищъ безъ сомнѣнія первое мѣсто принадлежитъ Двору чудесъ (Le cour des miracles) въ Парижѣ, такъ великолѣпно описанному Викторомъ Гюго въ его знаменитомъ произведеніи— Соборъ Парижской богоматери (Notre Dame de Paris).

Этотъ Дворъ чудесъ занималъ въ средневѣковомъ Парижѣ обширное мѣсто, со множествомъ закоулковъ, лачугъ, старыхъ брошенныхъ домовъ, и былъ заваленъ всевозможными нечистотами, служа для всѣхъ отверженниковъ общества самымъ вѣрнымъ убѣжищемъ, въ которое

боялись проникать не только мирные граждане, но даже полиція. Тамъ были свои правила и свои уставы; тамъ былъ свой король, приказаніямъ котораго безмолвно покорялось все разнокалиберное населеніе Двора Чудесъ,— свои законы и своя религія: то было государство въ государствѣ—(status in statu). Женщины, населявшія этотъ cour des miracles, всѣ безъ исключенія были проститутки, продававшія себя за 3 су, и иногда почти задаромъ; онѣ участвовали во всѣхъ мошенническихъ и воровскихъ продѣлкахъ мужчинъ; дѣти развращались здѣсь съ самаго ранняго возраста и предавались проституціи или самовольно, или будучи брошены на произволъ судьбы. Итакъ, и въ средневѣковой Европѣ, какъ и въ Римѣ главнымъ поставщикомъ проституціи были низшіе, обобранные классы общества. Къ арміи публичнаго разврата принадлежали тысячи женщинъ, не имѣвшихъ самой дрянной квартиры для ночлега и жившихъ на поляхъ, при дорогахъ въ кустарникахъ. Въ XV и XVI ст. въ Страсбургъ стекалось множество женщинъ, не имѣвшихъ другихъ средствъ для жизни, кромѣ разврата и другаго жилища кромѣ улицъ и колоколенъ. По всей Европѣ шатались толпы оборванныхъ, голодныхъ, больныхъ, умиравшихъ во множествѣ женщинъ, которыхъ не пускали въ города, дозволяя только останавливаться за стѣнами и то не долѣе сутокъ. Онѣ хитростью входили въ эти города, изъ которыхъ ихъ изгоняли силой, часто обрѣзывая имъ носъ и уши. Но никакія репрессивныя мѣры, никакія гоненія, никакія наказанія были не въ силахъ остановить наплыва на Европу этихъ потоковъ нищенской проституціи, порожденной бѣдностью и голодомъ.

Вмѣстѣ съ этими нищими рыскали по всей Европѣ и толпы болѣе зажиточныхъ публичныхъ женщинъ; эти послѣднія посѣщали турниры, ярмарки, коронаціи, рейхстаги, церковныя празднества и т. п. На одномъ Констанцкомъ соборѣ ихъ было болѣе 1500. Постоянными же центрами пристанища этихъ странницъ были столичные, военные, торговые, университетскіе и населенные многочисленнымъ духовенствомъ города, большинство жителей которыхъ принадлежало однако, по обыкновенію, къ бѣднымъ классамъ.

Къ этимъ странствующимъ, жившимъ подобно собакамъ, безъ крова и безъ пищи, проституткамъ принадлежали всѣ тѣ, которыя почему либо ходили уже по очень низкой цѣнѣ и не могли доставить никакого барыша содержателямъ публичныхъ домовъ. Всѣ же нѣсколько цѣнныя женщины забирались послѣдними въ кабалу и держались въ ней до тѣхъ поръ, пока были выгодны; какъ же скоро изнашивались, то выгонялись на улицу какъ собаки и наполняли собою контингентъ странствующей проституціи.

Содержатели публичныхъ домовъ, вмѣстѣ съ безчисленными сводням, вербовали женщинъ для своихъ заведеній и въ тоже время были агентами королей, кардиналовъ, принцевъ, вельможъ. Они разъѣзжали по всей Европѣ и заманивали дѣвушекъ всевозможными хитростями, употребляя иногда даже насиліе. Весьма значительное число проститутокъ добывалось изъ женскихъ монастырей, изъ гаремовъ аббатовъ и монаховъ.

Проституціонные дома давали иногда громадные доходы. Въ Парижѣ въ XVI столѣтіи славилась своимъ богатствомъ „матушка Кардинъ", имѣвшая нѣсколько большихъ домовъ терпимости (maisons de tolerance) въ разныхъ частяхъ столицы. Нѣкоторые содержатели наживались до того, что впослѣдствіи становились банкирами. Соблазнъ доходностью этого ремесла былъ такъ силенъ, что порождалъ тьму сводней, несмотря на то, что въ Европѣ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій онѣ часто подвергались самымъ варварскимъ наказаніямъ. Иногда ихъ предавали смертной казни, чаще же публично и жестоко сѣкли, конфисковали ихъ имущество, обрѣзывали имъ носъ и уши, изгоняли изъ города или навсегда заключали въ тюрьму. Но объ этомъ мы снова будемъ говорить впослѣдствіи, въ главѣ о репрессивныхъ мѣрахъ, принимавшихся противъ проституціи вообще.

Средневѣковая Европа представляетъ борьбу феодализма съ городами, борьбу личности съ грубой силой, съ произволомъ. Города поэтому иногда бывали вынуждены покупать свои муниципальныя права у королей и феодальныхъ бароновъ; еще съ большею охотою за извѣстную плату давали короли свободу публичной проституціи. Во всей, напр., Шампаньи проститутки имѣли полное право

свободно заниматься своимъ ремесломъ, уплативъ извѣстный налогъ феодальному владѣльцу. Въ Монтлюсонѣ каждая публичная женщина платила единовременно 4 денье, въ Нормандіи налогъ былъ тоже не выше этой суммы; въ Парижѣ онъ былъ различенъ, смотря по классу проститутки. Но хотя денежная выгода, получаемая отъ проституціи, была одною изъ главныхъ причинъ терпимости публичнаго разврата, однако къ этому принуждали не одни финансовые расчеты. Развращенность мужчинъ и боязнь за семейную нравственность, за сохраненіе чистоты этой нравственности, — вотъ что руководило въ этомъ случаѣ средневѣковымъ обществомъ, какъ руководило тоже самое и обществомъ античнымъ, и породило ученіе „о спасительномъ средствѣ, охраняющемъ женскую и дѣвическую честь". Спасительность проституціи доказывали даже текстами католическіе патеры и одинъ испанскій монахъ Хуанъ дель-Ольмо издалъ объ этомъ въ 1680 году особое сочиненіе.

Однако не вездѣ на проституцію смотрѣли одинаково. Въ одномъ мѣстѣ надзоръ за проститутками поручался палачу и ихъ хоронили на живодерняхъ; въ другомъ— имъ даже давалось право гражданства «за ихъ служеніе общественному благу». Ремесло ихъ было регулировано до мелочей, и какъ всѣ ремесленники, онѣ составляли цѣхъ, обладавшій нѣкоторыми привилегіями. Въ многихъ случаяхъ публичные дома были протежируемы тѣми городскими общинами, въ которыхъ они находились, ибо доставляли этимъ общинамъ доходъ. Иногда эти дома учреждались даже на городской счетъ. Такъ, напр. въ Систеронѣ, въ 1424 г. былъ устроенъ обществомъ публичный домъ, и вступившая въ него проститутка платила 4 соль въ пользу женскаго монастыря, монахини котораго были обязаны замаливать грѣхи проститукъ. Вильгельмъ IX герцогъ Аквитаніи и Пуатье построилъ въ Ніортѣ публичный домъ, по образцу женскихъ монастырей. Въ Тулузѣ съ незапамятныхъ временъ существовалъ публичный домъ, основанный на счетъ города и приносившій ему большіе доходы. Въ Монпелье промыселъ развратомъ былъ отданъ городомъ въ аренду. Лѣтописи старинной Европы наполнены проституціонными тяжбами

между эксплуататорами разврата, арендаторами публичныхъ домовъ и городовъ, между привилегированными проститутками и женщинами, отбивавшими у нихъ доходъ своимъ секретнымъ ремесломъ между лицами и сословіями, даже между духовенствомъ и проститутками.

Но во всякомъ случаѣ въ глазахъ большинства проститутки были существами презрѣнными, отверженными, погибшими. Дворянство, духовенство и буржуазія лицемѣрно презирали ихъ, а народъ ненавидѣлъ и часто осыпалъ не только бранью, но даже каменьями. Женить честнаго человѣка на эксъ-проституткѣ считалось безнравственностью со стороны жениха и преступленіемъ, достойнымъ жестокаго наказанія, со стороны невѣсты.

Въ 1436 году Альбрехтъ, сынъ герцога баварско-мюнхенскаго, влюбился въ дочь банщика, *) Агнесу Бернауеръ, и женился на ней. Герцогъ, конечно, не призналъ этого брака и во время отсутствія сына приказалъ утопить Агнесу. Палачи исполнили свое дѣло и утопили ее въ рѣкѣ.

Такимъ образомъ развратъ въ средневѣковой Европѣ порождался праздностью и богатствомъ, и поддерживался нищетою и рабствомъ. Вначалѣ женщина, соблазненная или изнасилованная какимъ нибудь феодаломъ или епископомъ, пользовалась, пожалуй нѣкоторымъ довольствомъ, даже богатствомъ и роскошью, но какъ скоро праздная и развратная роскошь насыщалась ею и истощала ее,— эта женщина снова впадала въ ту же бѣдность нищеты и преступленія, изъ которой на минуту вытащила ее рука соблазнителя или сводни. Отношенія къ этой женщинѣ общества и государства были полны варварства и лицемѣрія. Патеры, дававшіе обѣтъ безбрачія и цѣломудрія, патеры гремѣвшіе противъ порока—проституціи, эти патеры сами эксплуатировали ею, и казня, бичуя и вѣшая однѣхъ, вели самую безобразную жизнь съ другими. Нѣкоторые изъ самыхъ развратныхъ государей были самыми рьяными гонителями проституціи. Дворянство и буржуазія, предписывая правила нравственности для женщинъ своихъ классовъ, не считали непозволительнымъ развращать

*) Ремесло баньщиковъ въ средніе вѣка, какъ и въ Римѣ, было сопряжено съ эксплуатаціей публичнымъ развратомъ.

женщинъ простонародья и все шире и шире разливался потокъ публичнаго разврата; гибли народныя массы, пожираемыя страшною болѣзнью, порождаемою проституціей... И такъ, будетъ до тѣхъ поръ, пока новыя соціальныя условія не преобразуютъ общества.

КОНЕЦЪ 1-Й ЧАСТИ.

Проституція въ новѣйшее время.

ПРОСТИТУЦІЯ ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОБЩІЕ ВОПРОСЫ ГИГІЕНЫ, ПУБЛИЧНОЙ НРАВСТВЕННОСТИ.

> Отсутствіе ограниченій—которое заключается въ нѣкоторыхъ государствахъ (а именно въ Англіи), относительно свободы проституціи,—противно основнымъ законамъ всякаго цивилизованнаго общества.
>
> *Жанель.*

Санитарныя мѣры, могущія быть предписанными во Франціи, Германіи, Италіи и т. д., противъ распространенія сифилиса, необходимо останутся безсильными, если всѣ морскія государства не согласятся между собою исполнять таковыя же.

На самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ можно предположить, что предосторожности, принятыя въ портахъ и внутреннихъ городахъ только нѣкоторыхъ государствъ, могутъ произвесть совершенно удовлетворительные результаты, если множество моряковъ, которыхъ международныя сношенія каждый день приводятъ на нашу территорію, если путешественники, являющіеся изъ странъ, страдающихъ сифилисомъ, непрестанно бросаютъ среди насъ сѣмена болѣзни? Настало время постановить и разъяснить этотъ вопросъ.

Прежде, чѣмъ заняться частностями регламентаціи, слѣдуетъ точно доказать, что надзоръ и ограничиванье проституціи,—неизсякаемаго источника венерической болѣзни,—составляютъ естественное право.

Уваженіе къ закону и любовь къ свободѣ суть великолѣпнѣйшіе агенты могущества и общественнаго благосостоянія. Самое блистательное доказательство этому даетъ англійское общество. Должно однако сознаться, что уваженіе къ закону иногда доходитъ въ немъ до фанатизма, не являющаго собою прогресса, а любовь къ свободѣ—до границъ, несоотвѣтствующихъ съ достоинствомъ и нравственностью націй.

Во всемъ необходимы границы; общественная жизнь требуетъ со стороны гражданъ извѣстныхъ ограниченій ихъ желаній, ихъ прихотей, извѣстныхъ жертвъ ихъ свободы, на распространеніе которыхъ указываетъ соціальный договоръ. Какъ только употребленіе моей свободы затрогиваетъ права другого, моя обязанность, какъ гражданина, отказаться отъ нея, иначе я сталкиваюсь съ карательными мѣрами, предвидимыми закономъ.

Что осязательнѣе этихъ истинъ? Не обуздываетъ ли англійскій законъ посягательства на самоубійство, также какъ и на убійство? Онъ осуждаетъ и наказываетъ въ этомъ случаѣ соціальное преступленіе. Онъ не признаетъ стало быть за гражданиномъ безусловнаго права располагать своей личностью. По болѣе сильной причинѣ долженъ бы онъ ограничить право развращать другого примѣромъ, посредствомъ обольщенія развратомъ, и губить его ужасной болѣзнью.

Человѣчество, какъ общество, составленное изъ свободныхъ и разумныхъ существъ, допускаетъ безусловную свободу только для какого нибудь Робинзона, живущаго на пустынномъ острову.

Не всегда легко доказать само по себѣ очевидное предложеніе, которое должно бы быть принято всѣмъ свѣтомъ, какъ аксіома; таково слѣдующее: публичное поощреніе къ разврату должно быть обуздываемо, какъ оскорбленіе нравственности, и преступное поношеніе стыдливости.

Между тѣмъ распространеніе разврата, вліяніе проституціи на безопасность гражданъ и опасное поощреніе, котораго англійскій законъ становится сообщникомъ, терпя оное, достаточно свидѣтельствуютъ о необходимости опредѣлить посредствомъ доказательствъ общественное право и долгъ этого запрещенія.

Весь свѣтъ знаетъ, что проституція существуетъ съ самой глубокой древности.

Фактъ этотъ объясняется множествомъ причинъ: женщина менѣе способна къ работѣ, которая доставляла бы ей средство для существованія, въ тоже время менѣе, чѣмъ мужчина, подчинена жаждѣ чувственныхъ удовольствій. Эти наслажденія влекутъ для нея гибельныя послѣдствія и материнскія заботы; отсюда у женщины стремленіе къ требованію вознагражденія, а у мужчины — направленіе къ предложенію ей части плодовъ его работы. Вотъ, безъ сомнѣнія, почему невозможно и произвольно строгое опредѣленіе границъ проституціи, и почему законъ можетъ регламентировать только извѣстный родъ оной: *публичную проституцію*.

Невозможно перечесть всѣ степени между самоотверженіемъ женщины, которая отдается и жертвуетъ собою для доказательства своей любви, и торговли проститутки, которая отдается за извѣстную сумму денегъ; между приверженностью и эгоизмомъ разстояніе неизмѣримое, какъ между духомъ и матеріей.

Но мужчина сотворенъ для женщины. Въ этомъ безъ сомнѣнія также кроются глубокія причины проституціи.

Какъ бы то ни было, проституція, какой мы ее знаемъ въ настоящее время, описана въ священныхъ еврейскихъ книгахъ.

Она является въ самыхъ древнихъ римскихъ преданіяхъ.

Необходимость этой хронической язвы человѣчества была признаваема философами и поэтами древности и даже св. Августиномъ. Эту необходимость сознавали и гигіенисты и моралисты.

Тѣмъ не менѣе несомнѣнно и то, что проституція всегда была презираема у цивилизованныхъ народовъ, и если мы видимъ ее признаваемой и терпимой, то подобно неисправимой и проклятой язвѣ, распространеніе которой должно сдерживать и ограничить ея опустошеніе.

„Знаете ли вы, почему во всѣхъ странахъ, во всѣ времена,—почему, поистинѣ, куртизанка была предметомъ такого глубокаго презрѣнія? Потому, что это существо забывало свое личное достоинство; что она не сознавала его, оскорбляя въ себѣ великое достоинство человѣческой личности, и развѣнчивая себя отъ славы быть цѣлью, она со-

6

гласилась на стыдъ быть средствомъ, игрушкой каприза и орудіемъ сладострастія".

Проклятія, направленныя противъ проституціи священнымъ писаніемъ, поразительны по своей энергіи.

Римляне исчерпали весь лексиконъ ругательствъ и проклятій, чтобы означить все то, что она содержала. Они имѣли противъ нея весьма суровые законы; они удаляли ее въ особые кварталы, или заключали въ оградахъ потернъ.

Въ Римѣ—этой колыбели права—сводни и проститутки были заклеймены позоромъ, который влекъ за собой какъ бы гражданскую смерть, ибо было запрещено свободному человѣку вступать въ бракъ съ проституткой.

Проституція сосредоточивалась между рабами, которыхъ продавали на рынкѣ, какъ звѣрей, и свободная женщина, отдававшаяся торговлѣ своимъ тѣломъ, была унижена до разряда проститутки-невольницы; ее принуждали надѣть, какъ публичную женщину, мужскую одежду — тогу, ставшую, вслѣдствіе насмѣшекъ, эмблемой позора. Если она была патриціанка, ее преслѣдовали какъ виновную въ преступленіи и приговаривали къ изгнанію.

Наконецъ, можно сказать вмѣстѣ съ Монтескье: „Всѣ націи одинаково согласны бросать презрѣніемъ въ невоздержаніе женщинъ. Націямъ говоритъ въ этомъ случаѣ природа. Она дала индивидуумамъ большое пространство времени, чтобъ сохраняться и только минуты, чтобъ продолжать самихъ себя. Такимъ образомъ, неправда, что невоздержанность слѣдуетъ законамъ природы, напротивъ. она ихъ уничтожаетъ. Этимъ законамъ слѣдуютъ сдержанность и скромность.

Столь торжественныя и столь постоянныя протестаціи доказываютъ о чувствѣ, которое проистекаетъ, изъ человѣческаго сознанія, вѣчно живаго источника вѣчнаго права и всякой справедливости; и если съ одной стороны вынуждены признать, что зло проституціи повсемѣстно и неисправимо, то также слѣдуетъ признать и то, что зло это должно быть заключено въ самыя тѣсныя границы.

Тщетно будутъ возражать, что всякій можетъ располагать собою, и что не смогутъ сдержать, воспретить или даже регламентировать проституцію безъ того, чтобъ не посягнуть на свободу женщинъ.

„Проститутки чувствуютъ свое униженіе; онѣ знаютъ, что находятся въ оппозиціи съ божескими и человѣческими законами, и что по самому ремеслу своему не имѣютъ возможности заявлять о правахъ, цѣну которыхъ понимаютъ, но пользоваться которыми онѣ сдѣлались недостойны".

„Безмолвное одобреніе, выказываемое всѣмъ безъ исключенія народонаселеніемъ по поводу мѣръ, принимаемыхъ администраціей противъ проститутокъ, какъ бы суровы и неправильны не были эти мѣры, —однинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ фактовъ; онъ показываетъ, какъ относится общественное убѣжденіе къ этимъ женщинамъ; доказывая намъ лучше всякихъ ученыхъ диссертацій, что проституцію разсматриваютъ какъ преступленіе, что тѣ, которыя упражняются въ ней, находятся внѣ общества, что онѣ не могутъ заявить о правахъ, и что противъ нихъ должны быть употреблены репрессивныя мѣры, совершенно частныя и исключительныя".

„Право не существуетъ внѣ долга" говоритъ Франкъ. Цѣль всякаго свободнаго существа, а стало быть и цѣль самой свободы есть выполненіе велѣній сознанія, то есть повиновеніе закону долга".

„Это-то повиновеніе сему закону дѣлаетъ гражданина „предметомъ уваженія для себѣ подобныхъ, оно-то устанавляетъ право.

«Въ соотносительности долга и права и должно отыскивать великую возвышенность человѣческой души".

„Право исчезло бы для того, кто похищаетъ законы начертанные въ человѣческомъ сознаніи".

Абсолютное уваженіе свободы, доходящее до уваженія дѣйствій противныхъ общественной нравственности, есть злоупотребленіе и уклоненіе отъ свободы: это родъ соучастія во злѣ.

Ж. Барни, профессоръ права въ Женевской академіи, приходитъ къ тѣмъ же заключеніямъ:

„Что такое нравственность? спрашиваетъ онъ. Это, какъ показываетъ самое слово—правило для нравовъ, то есть законъ, или совокупность законовъ, которыми мы должны руководствоваться, чтобъ поступать хорошо, чтобъ дѣлать добро".

„Потому что я существо разумное и свободное, однимъ

словомъ—личность, я имѣю обязанности для выполненія и потому я имѣю права, уваженіе которыхъ составляетъ въ свою очередь долгъ для подобныхъ мнѣ, такъ какъ уваженіе ихъ правъ есть мой долгъ. Право и долгъ соотносительны".

Изъ этого разсужденія ясно видно, что кто не исполняетъ своего долга, тотъ утрачиваетъ свое право. Проститутки, которыя похищаютъ многіе изъ основныхъ общественныхъ законовъ, не могутъ законно ссылаться на свободу, которую общество гарантируетъ всѣмъ своимъ членамъ. Монтескье великолѣпно объясняетъ это:

„Второй классъ составляютъ преступленія противъ нравовъ. Таково оскорбленіе общественной или частной воздержанности, то есть благочинія, съ какимъ должно пользоваться наслажденіями, связанными съ употребленіемъ чувствъ и союзомъ тѣла. Наказанія за эти преступленія должны быть извлечены изъ природы самой вещи. Лишеніе преимуществъ, которыя общество связываетъ съ чистотой нравовъ, пеня, стыдъ, принужденіе скрываться, публичный позоръ, высылка изъ города и изъ общества".

Проституція должна быть побѣждаема и сдерживаема во имя общественной благопристойности; она должна быть сдерживаема и потому, что нарушаетъ божественный законъ, повелѣвающій трудиться. Слова еврейкаго законодателя относятся не къ одному только мужчинѣ, и если трудъ поддерживаетъ матеріальную жизнь, онъ сѣетъ также личное освобожденіе и рождаетъ уваженіе.

Переполненіе промышленныхъ мастерскихъ ведетъ за собой пониженіе задѣльной платы и порождаетъ гибельныя затрудненія для бѣдныхъ дѣвушекъ, ищущихъ средствъ для существованія въ городахъ, это правда; но полевыя работы покидаются только какъ слишкомъ трудныя.

Тѣ, кто желаетъ избавить проститутокъ отъ отвѣтственности за ихъ паденіе, чтобъ взвалить оную на общество, увеличиваютъ зло, давая поводы лѣности, безпорядочной любви къ роскоши, обжорству, пьянству.

Наконецъ проституція должна быть сдерживаема и наблюдаема потому, что грозитъ опасностью народному здоровью, распространяя заразительную болѣзнь.

Каждая проститутка законно подозрѣвается въ суще-

ствованіи у ней сифилиса. Было бы чрезмѣрно и непримѣнимо исключать женщину изъ общества по одному только этому подозрѣнію, но справедливо и легко доказать ея санитарную безвредность и подвергнуть наблюденіямъ, если она дѣйствительно заражена.

Возражаютъ, что люди добродѣтельные находятся внѣ возможности этого зараженія, что подвергающіеся ему развратники получаютъ справедливое наказаніе за свою ошибку, и что боязнь этой постыдной болѣзни есть спасительная узда для распущенности нравовъ. Но этотъ доводъ не выдерживаетъ критики.

Воздержаніе не предохраняетъ отъ косвенныхъ припадковъ сифилиса. Среди зараженнаго народонаселенія опасность усложняется и принимаетъ самыя разнообразныя, часто самыя непредвидѣнныя формы. Зараженныя кормилицы отправляютъ своихъ питомцевъ; прививанье оспы становится источникомъ смертельнаго зараженія; работники, служители всѣхъ лѣтъ и обоихъ половъ посредствомъ простаго сообщенія съ одеждой, няньки и гувернантки дѣтей, самыми невинными ласками, могутъ передать ужасную болѣзнь.

Что касается боязни этихъ жестокихъ и постыдныхъ болѣзней, разсматриваемыхъ какъ божеское наказаніе за распутство, то ежедневный опытъ доказываетъ слишкомъ часто, какъ химерично основывать на этой болѣзни надежду на улучшеніе общественной нравственности.

„Ужасная болѣзнь, впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ распространяемая проституціей, и боязнь неизбѣжнаго зараженія уменьшаютъ ли количество проститутокъ? Конечно нѣтъ. Все намъ доказываетъ, что вѣроятность еще большаго зла не уменьшаетъ его, и что въ этомъ отношеніи человѣкъ подъ господствомъ потребности, ослѣпленной страстями, неразумнѣе и близорукѣе скота.

Въ качествѣ защитника народнаго здоровья общественная власть и должна заниматься наблюденіемъ за проституціей. Она должна заботиться объ этомъ не въ интересѣ той или другой правительственной категоріи, а въ національномъ интересѣ въ самомъ широкомъ его примѣненіи, ибо это зло, которое слѣдуетъ сдержать и побѣдить, разслабляетъ расу и поражаетъ ее въ самомъ источникѣ ея жизненности.

Еслибъ, законодатели, которые думаютъ служить свободѣ, дѣлаясь бойцами за право проституціи, еслибъ реформаторы, которые ратуютъ за право работы и помощи, употребляли ихъ краснорѣчіе на прославленіе права не отказываться отъ работы, обязанности не гулять въ понедѣльникъ на сатурналіяхъ публичныхъ баловъ, не возбуждаться виномъ и водкой, еслибъ они постарались доказать, что честные люди умѣютъ отказаться отъ роскоши, когда пріобрѣтаютъ только ноободимое, они способствовали бы уменьшенію нравственнаго и физическаго зла въ обществѣ и напали бы на проституцію въ ея настоящихъ источникахъ.

Не можетъ быть никакого спора, что гражданское общество обязано и имѣетъ право сдерживать скандалы проституціи и предупреждать опасности съ двухъ точекъ зрѣнія: со стороны нравственности и народнаго здоровья.

Опасности порождаемыя свободой проституціи въ нѣкоторыхъ странахъ, и именно въ Англіи.

Прежде, чѣмъ идти далѣе, слѣдуетъ изслѣдовать опасности, прямо вытекающія изъ свободы проституціи.

Проституція предоставлена самой себѣ, безъ всякаго спеціальнаго надзора, или какого-бы то ни было ограничивающаго оную условія въ Англіи, въ Британскихъ колоніяхъ, въ Соединенныхъ Штатахъ и почти во всѣхъ морскихъ станціяхъ внѣ Европы.

Прослѣдимъ сначала, относительно Англіи, причины, почему приносимая жалоба не принимается. Если будутъ утверждать что англійское законодательство охуждаетъ дома распутства—disordery houses и brothels, я скажу, что эти ограниченія не дѣйствительны и насмѣшливы, и что текстъ закона—мертвая буква въ рукахъ магистратуры. Дѣйствительно, полиція не имѣетъ права проникать въ дома разврата, чтобы заставить исполнить законъ, если только не нарушено общественное спокойствіе, или не было принесено жалобы двумя сборщиками податей подъ ихъ собственною отвѣтственностью. Жалующіеся должны сначала внести 20 фунт. стерл. (500 фр.), какъ гарантію преслѣдованій, потомъ представить 50 фунт. (1.250 фр.), какъ

ручательство, для матеріальнаго свидѣтельства веденія процесса.

„Между тѣмъ ни въ одной континентальной столицѣ мы не видали порока и распутства, представляющимися обществу въ такомъ отталкивающемъ видѣ, какъ въ нашей собственной метрополіи, гдѣ въ послѣднее время Waterlloo Road, Quadrant, Hay-Market, Waterloo-Place, не говоря уже о театральныхъ фойе, представляли зрѣлища, какихъ мы никогда не видали въ самыхъ развратныхъ иностранныхъ городахъ“.

Ришло выражается такъ: „Проституція, производящаяся съ такой малой осторожностію, такъ сказать подъ открытымъ небомъ, есть необходимо могущественная причина общественной деморализаціи. Глаза, особенно въ тотъ возрастъ, когда нравственные принципы еще не пустили глубокихъ корней, — освоиваются съ зрѣлищемъ порока“.

Отсутствіе репрессивныхъ мѣръ противъ проституціи неизбѣжно приводитъ эту послѣднюю все въ болѣе и болѣе тѣсную связь съ воровствомъ (Richelot), что подтверждаетъ и Леонъ Фоше: „Связи лондонскихъ проститутокъ съ ворами, — общій фактъ, мало имѣющій исключеній“ — говоритъ онъ.

Частности приводимыя Richelot'омъ едва вѣроятны:

„Вообще, вмѣстѣ съ Talbot, безъ преувеличенія можно принять, что столица Англіи содержитъ около 5,000 домовъ разврата; считаютъ также не менѣе 5,000 кабаковъ, открытыхъ спеціально для питья можжевеловой водки gin palaces, гдѣ публичныя женщины самаго низшаго разряда напаиваютъ простаковъ, которыхъ онѣ намѣреваются обобрать въ притонахъ, куда онѣ ихъ тотчасъ уводятъ... и этотъ наличный составъ составляетъ тяжелую ношу для частной собственности Лондона. Сочли, говоритъ докторъ Ріанъ, что 400,000 человѣкъ состоятъ въ прямомъ или косвенномъ отношеніи къ проституціи, и что она каждый годъ пораждаетъ въ метрополіи издержку въ 200 мил франковъ“.

Послѣднія изыскачія, на много уменьшая эти преувеличенія, точно опредѣляютъ важность зла. „Лондонская полиція признала (о чемъ говорится въ одной росписи) существованіе около 10,000 публичныхъ женщинъ, 516 кабаковъ и кафэ, посѣщаемыхъ преступниками и прости-

тутками, и 1,332 заведенія проституціи или меблированныхъ домовъ, покровительствующихъ разврату. Въ самой Англіи и въ графствѣ Валійскомъ находится 49,370 публичныхъ женщинъ, 7,093 дома проституціи и 6,370 подозрительныхъ домовъ, которые полиціи всѣ извѣстны".

Выслушаемъ наконецъ ужасающія открытія доктора Ріана: „Въ кварталѣ Fleet-ditch, наполненномъ публичными домами самаго низкаго сорта, находится громадный водопроводъ, который сообщается съ Темзой. Сообщники публичныхъ женщинъ бросаютъ въ этотъ водопроводъ трупы жертвъ, которые уносятся по рѣкѣ на далекое разстояніе, такимъ образомъ, что невозможно открыть виновниковъ преступленія, признавая даже, что трупъ, увлеченный волнами къ морю, привлечетъ вниманіе полиціи.

Ничего не было измѣнено въ правилахъ со времени публикаціи фактовъ, передаваемыхъ мною; и зло все также велико, какъ можно только представить. Но если оно громадно съ точки зрѣнія безопасности и общественной нравственностя, то не менѣе велико со стороны народнаго здоровья. Документы, которыми мы пользуемся, представляютъ обильныя тому доказательства.

Въ настоящее время вообще признано, что отношеніе количества военныхъ больныхъ къ средней цифрѣ находящихся на лицо солдатъ есть положительное выраженіе усиливающагося или уменьшающагося движенія или неподвижнаго состоянія венерическаго зараженія во всемъ народонаселеніи. Наличныя средства городскаго гарнизона могутъ быть опредѣлены съ точностью, точно также какъ и цифра поступающихъ въ госпиталь и количество дней болѣзни. Здѣсь-то истинные элементы медицинской статистики, къ которымъ, конечно, присоединяется статистика нравственности, когда умѣстно ею пользуются. Такимъ образомъ гарнизонныя войска представляютъ самыя благопріятныя условія для изученія хода и степени такой эпидемической и заразительной болѣзни, какъ сифилисъ; войска эти всегда состоятъ изъ людей однихъ лѣтъ, почти одного темперамента, подчиненныхъ одинаковымъ гигіеническимъ вліяніямъ и представляютъ среду, великолѣпно приготовленную для медицинскихъ сравненій, въ разныя ли эпохи, или въ разныхъ мѣстностяхъ.

Теперь, по статистикѣ войскъ, я полагаю себя въ правѣ

утверждать, что Лондонъ и большіе приморскіе города Англіи, посѣщаемые громаднымъ числомъ моряковъ всѣхъ націй, должны быть разсматриваемы какъ активныя средоточія венерической болѣзни; въ то же время тотъ же упрекъ можетъ быть сдѣланъ всѣмъ англійскимъ колоніямъ, торговымъ городамъ Востока, Соединеннымъ Штатамъ и почти всѣмъ морскимъ станціямъ внѣ Европы.

Убѣжденіе это раздѣляется управленіемъ флотскаго санитарнаго комитета въ Англіи. Оффиціальныя статистическія данныя, приводя сравнительныя таблицы пропорцій случаевъ сифилиса и гонорреи въ различныхъ портахъ, за 1861—1862 годъ, заканчиваются слѣдующими размышленіями:

„Изъ этихъ цифръ вытекаетъ, что было увеличеніе въ пропорціи людей зараженныхъ сифилисомъ въ портахъ на берегахъ Сѣверной Америки, Западной Индіи, Бразиліи, Африканскаго берега, мыса Доброй Надежды и Австраліи, тогда какъ было уменьшеніе въ портахъ Средиземнаго моря, Пачефико, восточной Индіи и въ иррегулярныхъ войскахъ. Сравнительно изслѣдуя случаи венерической болѣзни, въ различныхъ портахъ, должно замѣтить, что большинство случаевъ, доказанныхъ по возвращеніи кораблей изъ заграничныхъ портовъ, имѣли между тѣмъ начало зараженія въ нашихъ портахъ. Движеніе этой болѣзни въ Средиземномъ морѣ находятся въ прямомъ отношеніи съ большимъ или меньшимъ временемъ, проведеннымъ матросами эскадры въ мѣстностяхъ, гдѣ надзоръ за проституціей находится въ болѣе или менѣе хорошихъ условіяхъ. Въ Марсели, наприм., и Корфу, какъ можно было убѣдиться въ нынѣшній годъ, не представлялось особенной опасности въ допущеніи свободныхъ сношеній людей съ берегомъ; тогда какъ въ Неаполѣ, напротивъ, самая короткая стоянка производила значительное увеличеніе въ цифрѣ сифилитиковъ. Большое уменьшеніе въ пропорціи сифилитиковъ 1862 года сравнительно съ предыдущимъ годомъ на стоянкахъ въ восточной Индіи и Китаѣ должно быть приписано значительному сокращенію сообщеній экипажа съ Гонгъ-Конгомъ и Японіей, такъ какъ эскадра преимущественно останавливалась въ тѣхъ водахъ, въ которыхъ было трудно или невозможно дозволить сходить на берегъ.

Такимъ образомъ, мы прямо заинтересованы въ реформѣ тѣхъ чудовищныхъ безпорядковъ, которые нерадѣніе Англичанъ, поддерживаемое ихъ предразсудками, возбуждаетъ до настоящаго времени. Только съ ними и по ихъ иниціативѣ могли бы быть приняты дѣйствительныя мѣры противъ венерическаго зараженія во всемъ свѣтѣ.

Итакъ, я убѣжденъ, что если здравый смыслъ англичанъ когда либо предприметъ очистку этого отвратительнаго стойла Авгіаса, которое заражаетъ города и колоніи Великобританіи, какъ и большинство морскихъ станцій земного шара, они достигнутъ лучше, чѣмъ мы могли это совершить до настоящаго времени, соглашенія благопристойности и нравственности, необходимыхъ добродѣтелей народовъ, съ свободной волей каждаго, и что у нихъ свобода праздности и порока окончитъ встрѣчей съ еще болѣе узкими ограниченіями, чѣмъ у насъ.

Тогда, я надѣюсь, мы воспользуемся ихъ учрежденіями, какъ въ концѣ Крымской кампаніи должны были восхищаться ихъ военнымъ комиссаріатомъ, о которомъ такъ сожалѣли въ началѣ оной.

Правда, нѣкоторыя ограничительныя мѣры были предписаны королевскимъ актомъ отъ 11 іюня 1866 года, но мѣры эти, предназначенныя для предохраненія матросовъ въ нѣкоторыхъ военныхъ портахъ — въ Портсмутѣ, Плимутѣ, Вульвичѣ и др., могутъ быть разсматриваемы какъ только начало надзора и стѣсненія проституціи.

До ужасной гражданской войны, раздиравшей Соединенные Штаты, самые жаркіе поклонники Американской республики говорили печально: она провозглашаетъ свободу и поддерживаетъ рабство. До сихъ поръ говорятъ объ Англіи: она безчеститъ свободу постыдными скандалами проституціи.

Это нерадѣніе, которымъ англичане даютъ печальный примѣръ всему свѣту, встрѣчается почти во всѣхъ территоріальныхъ и приморскихъ городахъ внѣ Европы.

Истина, которую, полагаю, я вывелъ на свѣтъ въ этой главѣ, заключается въ томъ, что никакая санитарная чисто мѣстная реформа не можетъ быть разсматриваема какъ дѣйствительная противъ венерическаго зараженія, и что широкая международная предохранительная система одна

можетъ реализировать въ этомъ случаѣ желаніе гигіенистовъ.

Легальные принципы мѣръ, предпринятыхъ для удержанія скандаловъ проституціи и уменьшенія опасностей.

Историческій обзоръ.

Несмотря на страшную распространенность публичной проституціи въ Римѣ, распространенность, какой она никогда не достигаетъ въ европейскихъ государствахъ,—ее однако жестоко въ немъ преслѣдовали. Пьяница Тиверій, одинъ изъ величайшихъ развратниковъ, когда либо занимавшихъ дворецъ цезарей, съ неумолимою строгостью наказывалъ преступленія противъ общественной нравственности.

Въ Римѣ и Византіи, въ царствованіе Константина, двухъ Ѳеодосіевъ и Юстиніана, были изданы суровые законы для обузданія публичной проституціи. Всѣ эти законы были запретительными и заключались въ чрезвычайныхъ наказаніяхъ и непомѣрныхъ штрафахъ; преслѣдовали конфискаціей имущества и домашней одежды, приговаривали къ кнуту, изгнанію, къ работѣ въ рудникахъ и даже смерти.

Тоже было и въ средневѣковой Европѣ, хотя и въ ней, какъ и въ Римѣ, проституція достигала до поразительно громадныхъ размѣровъ, о которыхъ современная намъ Европа не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Средніе вѣка вмѣстѣ съ гоненіями на евреевъ, еретиковъ, мыслителей опозорены еще жестокими преслѣдованіями проституціи, хотя преслѣдованія ни къ чему не вели. Въ Германіи, напр., дѣвушку, уличенную въ развратѣ, наказывали публично розгами, проводили съ барабаннымъ боемъ по городу и изгоняли ее навсегда. Во Франціи такихъ женщинъ штрафовали, бичевали, сажали въ тюрьму и т. д. Проститутокъ сажали на деревянную лошадь, нещадно пороли кнутомъ, а потомъ при колокольномъ звонѣ изгоняли изъ города. Если она возвращалась, ей отрубали руку и изгоняли снова; иногда ихъ клеймили раскаленнымъ желѣзомъ;—но всѣ эти гоненія не давали никакихъ результатовъ.

Капитуляріи Карла Великаго представляютъ во Франціи первый примѣръ этой чрезмѣрной строгости: тюрьма, кнутъ, выставка съ желѣзнымъ ошейникомъ,—таковы были наказанія, назначавшіяся проституткамъ и тѣмъ, которые давали имъ убѣжище.

Всѣ эти грозныя принадлежности наказуемости были оставлены впродолженіи четырехъ вѣковъ, слѣдовавшихъ за узаконеніями Карла Великаго, и дома распутства свободно размножались повсюду.

Указы Людовика Святаго въ 1254 и 1259 годахъ возобновили запрещенія.

Но суровость этихъ указовъ только увеличила безпорядки, которымъ намѣревалась воспрепятствовать; проститутки, преслѣдуемыя и наказываемыя, какъ преступницы, бросили свой отличительный костюмъ и надѣли костюмъ честныхъ женщинъ, что предоставляло послѣднихъ всѣмъ оскорбленіямъ распутниковъ. Въ короткое время зло сдѣлалось столь великимъ, что король понялъ необходимость взять свои эдикты обратно и разсудилъ дозволить совершаться проституціи въ извѣстныхъ мѣстностяхъ.

Здѣсь мы видимъ первый примѣръ терпимости пожалованной проституціи. Эта терпимость была признана необходимой государемъ, котораго благочестіе, высокая мудрость остались знаменитыми, и котораго католическая церковь почитаетъ какъ образецъ царской добродѣтели. Людовикъ Святой терпитъ проституцію, потому что опытъ доказываетъ ему, что ее невозможно уничтожить; онъ регулируетъ ее для уменьшенія скандаловъ.

Терпимость еще разъ была освящена указомъ, даннымъ въ 1347 году отъ имени Жанны І-й, королевы Неаполитанской графини Прованской*).

Древніе узаконенія Лондона запрещали, подъ самыми

---

*) Этотъ указъ предписывалъ проституткамъ Авиньона носить на лѣвомъ плечѣ красный эксельбантъ. «Абесса, избираемая каждый годъ консулами, хранитъ у себя ключи отъ публичнаго дома разврата и даетъ молодымъ людямъ позволеніе входить въ него. Женщины и дѣвушки, живущія въ немъ, посѣщаются каждую субботу абессой или хирургомъ, и если онъ найдетъ одну изъ нихъ пораженной болѣзнью, происходящею отъ блуда, то королева желаетъ, чтобъ эта дѣвушка была удалена отъ другихъ, дабы не могла сообщаться и передавать болѣзнь юности».

важными наказаніями, проституничать женщинамъ зараженнымъ, но дома распутства были терпимы.

Въ предписаніяхъ парижскаго прево встрѣчаютъ формальныя доказательства терпимости отъ 1360, 1367, 1374 и 1395 года, а также въ указѣ Карла VI отъ 1420 года и особенно въ жалованной грамотѣ Карла VII, данной по просьбѣ Тулузскаго капитула для возстановленія порядка и правильнаго взиманія пошлины въ одномъ публичномъ домѣ.

Въ апрѣлѣ 1425 года Генрихъ англійскій издаетъ указъ, который изгоняетъ проститутокъ изъ улицъ, сосѣднихъ съ церковью, въ Парижѣ.

Законы о роскоши, которые запрещали проституткамъ извѣстный родъ одежды и головныхъ уборовъ,—законы, слѣды которыхъ встрѣчаются въ протоколахъ отчетовъ отъ 1415, 1419 и 1427 годовъ, и которые дѣйствовали еще въ 1764 году, суть косвенное признаніе легальной терпимости, данной съ условіемъ повиновенія извѣстнымъ узаконеніямъ.

Въ 1501 г. проституція была несомнѣнно терпима въ Испаніи *).

Въ Страсбургѣ, въ 1485 году, проститутки селились даже въ соборной башнѣ и во многихъ зданіяхъ принадлежавшихъ церквамъ. Отсюда названіе соборныхъ. которое дано было проституткамъ (Munster - Schwallen). Онѣ

*) Вотъ описаніе, сдѣланное „великолѣпнымъ домамъ непотребства" въ Валенсіи французскимъ путешественникомъ, который посѣтилъ Испанію послѣ Филиппа Красиваго, короля Кастильскаго: „Послѣ ужина два дворянина, въ сопровожденіи другихъ отправились осмотрѣть мѣстность публичныхъ женщинъ, которая величиной съ небольшой городокъ и окружена стѣнами съ одними только воротами. Въ этой мѣстности три или четыре улицы наполнены домами, гдѣ въ каждомъ изъ нихъ есть женщины, одѣтыя въ бархатъ и атласъ. И есть отъ двухъ до трехъ сотъ женщинъ; онѣ смѣшно наряжены въ хорошее бѣлье... Есть два медика распорядителя, нанимаемые городомъ, чтобъ каждую недѣлю посѣщать дѣвицъ, дабы узнавать, не имѣютъ ли онѣ какой либо болѣзни, заразительной или иной секретной и высылать ихъ въ такомъ случаѣ изъ этого мѣста. Я написалъ это потому, что не слыхивалъ о такой полиціи въ столь дурномъ мѣстѣ".

были удалены изъ города муиципальными чиновниками въ 1521 и 1540 годахъ*).

Въ концѣ концовъ терпимость, дарованная Людовикомъ Святымъ, продолжалась три столѣтія и порча нравовъ производила невѣроятныя злоупотребленія.

6 Марта 1496 года парижскій парламентъ издалъ приговоръ, которымъ высылались *всѣ больные венерической болѣзнью подъ страхомъ висѣлицы,* и 25 Іюня 1498 г. парижскій прево, дабы помѣшать лицамъ, страдающимъ венерической болѣзнью, входить и прогуливаться по городу, выдалъ постановленіе, которымъ изгонялъ ихъ: «подъ страхомъ быть брошеннымъ въ воду, если они будутъ взяты въ слѣдующій день; приказывая всѣмъ ком-

---

Во Франціи проституція, повидимому, еще до сихъ поръ по преимуществу селится около соборовъ. Я наблюдалъ этотъ фактъ въ Реннѣ, Брестѣ, Ліонѣ, Страсбургѣ, Бордо. Еще недавно въ Парижѣ самые ужасные притоны проституціи сосредоточивались въ Сите, почти подъ сѣнью священныхъ стѣнъ собора Богоматери.

*) „Воспрещается всѣмъ блудницамъ, наложницамъ и иначе распутнымъ женщинамъ, и всякаго другаго сорта людямъ, живущимъ въ похотливости, блудѣ или ведущимъ дурную жизнь, находиться и жить въ городѣ Бордо и его предмѣстьяхъ подъ страхомъ наказанія кнутомъ и другаго произвольнаго наказанія. И жителямъ сказаннаго города нанимать или отдавать въ наймы домъ сказаннымъ женщинамъ и другимъ, живущимъ въ похотливости; дабы подъ видомъ сего, таковыя и подобныя имъ неблагопристойностей и мерзостей, дурно прикрытыхъ, въ этомъ городѣ не размножали, и за это назначается наказаніе въ десять турскихъ ливровъ въ первый разъ, а во второй лишеніе сказанныхъ домовъ и жилищъ, а если это ремесло, то и большія наказанія.

А дабы владѣльцы сихъ домовъ не могли отзываться незнаніемъ, имъ приказано и повелѣно подъ страхомъ подобныхъ же наказаній освѣдомляться каждый мѣсяцъ или каждую треть о жизни ихъ жильцовъ, которыхъ они пустили въ сказанные свои дома: дабы за отсутствіемъ сего не произошло никакого затрудненія.

Также хозяевамъ гостинницъ и другимъ содержащимъ кабаки или таверны воспрещается дозволять похабницамъ, блудницамъ или распутницамъ, людямъ дурной жизни и бродягамъ посѣщать и пребывать въ ихъ домахъ, тавернахъ и кабакахъ, подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія или другой пени, по приговору и предписанію сказанныхъ господъ меровъ, помощниковъ ихъ и судей, смотря, чего потребуетъ случай.

Сводники и сводни, живущія такимъ ремесломъ, какъ торговля и продажа женщинъ и дѣвицъ, въ первый разъ будутъ посажены въ желѣзный ящикъ и опущены въ рѣку, а во второй наказаны произвольной пеней“.

мисарамъ и надзирателямъ кварталовъ и сержантамъ брать или велѣть брать тѣхъ, которые будутъ найдены, для исполненія наказанія.

Одинъ указъ Іакова IV Шотландскаго, данный въ Эдинбургѣ 29 сентября 1497 года, обязывалъ лицъ, зараженныхъ grand—gor, удалиться изъ Эдинбурга подъ страхомъ быть заклейменными въ щеку раскаленнымъ желѣзомъ.

Одинъ эдиктъ Франциска II, данный въ Орлеанѣ, въ январѣ 1560 года, повелѣваетъ уничтожить дома проституціи на всемъ пространствѣ Французской имперіи; эдиктъ этотъ возобновленъ приказами парижскаго прево въ 1565 и 1619 годахъ.

Мы имѣемъ запретительные указы, изданные въ Бордо въ XVI вѣкѣ, *по приговору парламента* отъ 18 января 1553, 22 апрѣля 1553, 6 апрѣля 1554, 13 апрѣля 1556 и 7 февраля 1579 года *).

29 января 1684 года бургомистръ Страсбурга, видя что большое количество женщинъ, какъ француженокъ и нѣмокъ, такъ и другихъ, ведущихъ скандалезную и безстыдную жизнь, портятъ юношей и заражаютъ гарнизонъ... приказываетъ немедленно для перваго раза изгнать ихъ изъ Страсбурга; а если онѣ возвратятся въ него, то будутъ наказаны плетьми публично черезъ палача или у нихъ отрѣжутъ носъ, смотря по вторичному ихъ проступку или качеству преступленія.

Указъ Людовика XIV отъ 16 марта 1687 года требуетъ, чтобы у всѣхъ публичныхъ женщинъ, находящихся въ городѣ Версалѣ, были отрѣзаны уши. Указъ того же государя отъ 26 іюля 1713 года, все еще запретительнаго свойства, указываетъ формы наблюденія для наказанія женщинъ, уличенныхъ въ публичномъ развратѣ и скандалезной жизни, въ проституціи и сводничествѣ.

Время и опытъ показали вскорѣ, что строгость указа 1713 года была неприложима и благопріятствовала разврату, вмѣсто того, чтобъ оный сдерживать. Этотъ указъ вышелъ изъ употребленія, ибо великое число приговоровъ, отданныхъ съ его появленія до 1778 года, доказываютъ, что полицейскій лейтенантъ получалъ уполномочиванье и назначалъ произвольныя наказанія. Даже болѣе, тѣже самые приговоры показываютъ, что несмотря на формальныя запрещенія, на Сенъ-Лоранской ярмаркѣ лавки были

наняты и открыты проститутками, и что всѣ нижніе этажи домовъ въ улицахъ, смежныхъ съ улицей Сенъ-Дени служили квартирами публичнымъ женщинамъ для отправленія ихъ ремесла.

Наконецъ приказъ лейтенанта полиціи Ленуара, отъ 16 ноября 1778 года, заключаетъ точное воспрещеніе всѣмъ непотребнымъ дѣвицамъ и женщинамъ привязываться на улицахъ или другихъ публичныхъ мѣстахъ города Парижа подъ наказаніемъ быть обритыми и помѣщенными въ госпиталь и подъ наказаніемъ плетьми въ случаѣ вторичнаго проступка, а также запрещеніе всѣмъ домовладѣльцамъ или главнымъ съемщикамъ этого города и предмѣстій снимать или переснимать въ немъ квартиры иначе, какъ для лицъ хорошей жизни и нравовъ подъ страхомъ пени въ 500 ливровъ.

Для насъ этотъ указъ имѣетъ капитальную важность, ибо онъ не отмѣненъ: онъ есть реальное основаніе дѣйствующей французской юриспруденціи по примѣненію къ публичной проституціи.

Въ концѣ концовъ приказъ этотъ имѣлъ участь всѣхъ прежнихъ приказовъ, имѣвшихъ цѣлью силою запретить проституцію могуществомъ и авторитетомъ легальности вмѣстѣ съ установленіемъ энергическаго наказанія. Результаты его останутся забавными. На одну несчастную, приговариваемую къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, сотни женщинъ, не менѣе виновныхъ, ускользали отъ полиціи, которая не всегда была свободна отъ потачки имъ. Улицы остаются наполненными проститутками, а публичные сады неприступны послѣ солнечнаго заката; наконецъ голыя публичныя женщины показывались у оконъ и приглашали проходящихъ съ самымъ циническимъ безстыдствомъ.

Трудности, неразрѣшимыя закономъ.

Когда въ 1791 году старинныя учрежденія были уничтожены то полная эмансипація проститутокъ производила въ Парижѣ скандалы по крайней мѣрѣ столь же возмутительные какъ въ Лондонѣ и особенно въ театрахъ.

Съ 1794 года полицейская администрація, одобряемая

и поддерживаемая общественнымъ мнѣніемъ, пустила въ ходъ приказъ 1778 года и начала бороться противъ зла.

Но никогда, ни при Директоріи, ни при Консульствѣ, ни при Имперіи, ни въ одно изъ послѣдующихъ конституціонныхъ правленій, не было издано никакого спеціальнаго закона, который бы опредѣлялъ и ограничивалъ права и обязанности полиціи въ отношеніи къ проституціи.

Всѣ правители поняли невозможность исполненія древнихъ запретительныхъ законовъ и какъ слѣдствіе—необходимость терпѣть проституцію, какъ существующую аггломерацію человѣчества.

Логика требовала, чтобъ терпимость, признанная неизбѣжной, была ясно выражена въ законѣ, который въ одно и тоже время опредѣлялъ бы границы и нарушенія закона, предвидѣлъ бы наказуемость, установилъ правосудіе и обозначилъ вмѣшательство магистратуры и полиціи; но тотъ же законъ по тому же самому, почему опредѣлилъ случаи, въ которыхъ проституція должна быть сдерживаема, несомнѣнно призналъ, что этотъ позоръ могъ существовать, не будучи легально преступнымъ; законъ этотъ, какими бы ограниченіями не окружилъ онъ это ремесло, учредилъ въ истинномъ смыслѣ эксплуатацію тѣла, противъ которой возмущается человѣческое сознаніе, и которую религія предаетъ анаѳемѣ; однимъ словомъ, онъ создалъ право проституціи. Проститутки и содержательницы непотребныхъ домовъ, которыя соображались съ предписаніями этого закона, точно также жили и живутъ подъ тою же защитой, какъ и другіе граждане; и слѣдовательно въ предѣлахъ своего подчиненія покровительствуемы соціальными властями. Вотъ о чемъ никогда не разсуждали законодатели безъ непреодолимаго отвращенія, каждый разъ какъ приближались къ вопросу о проституціи и пробовали выполнить то, что администраторы, съ извѣстной долей справедливости, называютъ недостаткомъ нашего кодекса. Вотъ почему префекты полиціи остаются предоставленными самимъ себѣ, хотя они и не желали бы быть руководимы и подкрѣпляемы закономъ въ томъ, что содержитъ одну изъ самыхъ важныхъ и щекотливыхъ ихъ принадлежностей, то есть: неизбѣжную терпимость и необходимое воспрещеніе проституціи.

Странная соціальная проблема, вѣчно предлагаемая и вѣчно неразрѣшимая!

Или законъ регламентируетъ проституцію; признаетъ за ней гражданское существованіе и тогда становится соучастникомъ безнравственности, возмущаетъ сознаніе честныхъ людей, дѣлается мишенью для церковныхъ проклятій, предметомъ общественнаго презрѣнія.

Или законъ воспрещаетъ проституціи; наказываетъ ее какъ преступленіе или, по крайней мѣрѣ, проступокъ,— тогда онъ невыполнимъ; онъ дѣлается мертвой буквой; въ тоже время зло, которому онъ желаетъ противодѣйствовать, увеличивается вслѣдствіе лицемѣрія и тайны; произвольное милосердіе и потворство обманываютъ правосудіе. Обуздываніе колеблется между неумолимой строгостью, когда агенты власти намѣреваются привести въ исполненіе законъ и скандалезнымъ поощреніемъ, когда они устаютъ бороться противъ зла, болѣе твердаго, чѣмъ ихъ бдительность и быстрѣе возраждающагося, чѣмъ ихъ дѣятельность.

Или, наконецъ, законъ удерживается и безмолвствуетъ; въ такомъ случаѣ скандалезные безпорядки и преступленія возлагаютъ на полицію обязанность посредничества, запятнаннаго произволомъ, въ исполненіи которой она постоянно сдерживается опасеніемъ превысить свою власть и похитить личную свободу.

Практическое заключеніе.

Что предпринять въ виду этихъ противорѣчивыхъ затрудненій?

Величіе и неприкосновенность закона одинаково противятся какъ формальному признанію, такъ и положительному запрещенію проституціи. Что же дѣлать? Слѣдуетъ предоставить въ принадлежность полиціи лѣченіе этой отвратительной обжоги.

Полиціи поручено ограждать безопасность гражданъ, надзирая за преступниками и негодяями, вѣчными врагами собственности и жизни, и наблюденіе за болѣзнями, угрожающими общественному здоровью; она должна предупреждать развитіе заразительныхъ болѣзней, и она же, естественно, должна обуздывать и сдерживать проституцію

въ границахъ, тѣсно соотвѣтствующихъ нравственности, безопасности и общественному здоровью.

То же, что было сдѣлано для нечистыхъ водъ, смѣшеніе которыхъ отравляло пищу, когда онѣ были собраны и сдержаны въ подземномъ водопроводѣ, слѣдуетъ сдѣлать и съ проституціей — этимъ другимъ бичомъ великаго соединенія людей; должно дать полиціи власть противопоставить ей крѣпкій оплотъ.

Законъ, который не можетъ ни признать, ни воспретить проституцію, по крайней мѣрѣ, въ состояніи формально обозначить принадлежности полиціи въ этомъ случаѣ.

Таково заключеніе этого разбирательства и предшествовавшаго ему историческаго обзора.

Къ такому же заключенію пришелъ Parent-Duchatelet; оно также истекаетъ изъ всѣхъ административныхъ актовъ и законоположеній, касающихся до проституціи въ главныхъ европейскихъ городахъ.

Вотъ текстъ (нѣсколько модифированный) проекта, тщетно бывшаго предложеннымъ, подъ названіемъ: *Законъ, относящійся до сокращенія проституціи*, знаменитымъ гигіенистомъ, который только что названъ мною.

Ст. 1. Обуздываніе проституціи, съ поощреніемъ ли на публичныхъ улицахъ, или другимъ какимъ либо способомъ, поручено начальнику полиціи.

Ст. 2. Этому чиновнику поручена неограниченная власть надъ всѣми личностями, предающимися публичному разврату.

Ст. 3. Публичная проституція доказывается или свидѣтельствомъ, по крайней мѣрѣ, двухъ агентовъ, или извѣстностью, или слѣдствіемъ по жалобѣ и доносу.

Ст. 4. Начальникъ полиціи можетъ выдать, относительно тѣхъ, которые по ремеслу покровительствуютъ проституціи, а также и относительно содержателей квартиръ, трактирщиковъ, домовладѣльцевъ и главныхъ съемщиковъ, всякое постановленіе, находимое имъ приличнымъ для сокращенія проституціи.

Ст. 5. Начальникъ полиціи имѣетъ право выдать постановленія, которыя онъ найдетъ приличествующими для тѣлеснаго осмотра, которому подвергаются проститутки въ интересахъ общественнаго здоровья.

Мнѣ кажется, что подобный законъ, чисто обуздывающаго характера, и который подразумѣваетъ терпимость, не выражая оной, не обезчестилъ бы націю, которая приняла бы его, и я не думаю, чтобъ при томъ состояніи цивилизаціи, до котораго мы достигли, было бы возможно принять болѣе мудрое рѣшеніе.

Къ тому же, еслибъ занялись изученіемъ вопроса, то признали бы, что ни у одной европейской націи формальное признаніе не выражено закономъ, и что повсюду регламентація, надзоръ и обуздываніе принадлежатъ полиціи; этотъ законъ только подтвердилъ бы и оправдалъ бы то, что установилось силою вещей въ большинствѣ странъ; онъ совершилъ бы значительный прогрессъ у народовъ, которые думаютъ, что воздаютъ почесть индивидуальной свободѣ, этой священной вещи, когда предоставляютъ себѣ самой публичную проституцію — эту отвратительную язву человѣчества.

Нравы и обычаи проститутокъ.

„На самомъ дѣлѣ, какое бы добро можно было сдѣлать безъ знанія этихъ нравовъ и привычекъ? Позже она (проституція) избѣгнетъ ощупыванья и быть можетъ внушитъ тѣмъ, которые явятся послѣ меня, идею о нѣкоторыхъ охраняющихъ здоровье мѣрахъ, о коихъ наше поколѣніе не подумало".

Детали, данныя Parent-Duchatelet о привычкахъ и образѣ жизни проститутокъ Парижа, въ его сочиненіи ex professo, приложимы, въ большинствѣ случаевъ, къ проституткамъ большихъ городовъ во всѣхъ странахъ; между тѣмъ нѣкоторыя частности, переданныя имъ, показались намъ интересными.

Административно проститутки раздѣляются на два класса, которые мы предполагаемъ описать отдѣльно:

1) Женщины, живущія въ домахъ непотребства.
2) Женщины одинокія, уединенныя или свободныя.

§ 1. *Женщины изъ публичныхъ домовъ.*

Названія *закрытыхъ домовъ, публичныхъ домовъ, домовъ проституціи или терпимости,* принятыя на административномъ языкѣ, чтобы обозначить заведеніе перваго или втораго класса или категоріи, перешли и въ просторѣчіе; слѣдующія—болѣе или менѣе популярны, скверно-

словны или подлы. Роскошные дома, въ которыхъ женщины начинаютъ карьеру проституціи, такъ же какъ и тѣ жилища, въ которыхъ нѣкоторыя изъ нихъ оканчиваютъ, всѣ притоны разврата, за рѣдкими исключеніями—обыкновенно сосредоточены въ особомъ кварталѣ [1]).

Проститутки приводятся или доставляются *маклерами*, или сводңями получающими вознагражденіе отъ 10 до 25 фр. за дѣвушку, которую они окончательно завербуютъ, Сводни эти обыкновенно старыя проститутки или раззорившіяся содержательницы.

Молодыя работницы и служанки, выходящія изъ госпиталей, уволенныя изъ мастерскихъ, магазиновъ, или частныхъ домовъ обращаются въ справочныя мѣста (Bureaux de placement), всѣ дѣвушки оставленныя родителями, взятыми правосудіемъ, сироты или нѣтъ, но которыхъ ихъ неприличное поведеніе лишило покровительства честныхъ людей и опеки благотворительныхъ учрежденій—однимъ словомъ всѣ непристроенныя дѣвушки служатъ мишенью гибельныхъ совѣтовъ и обольщеній сводень, между тѣмъ весьма рѣдко случается, чтобъ дѣвушка сразу отдавалась публичной проституціи по ихъ наущенію. Лѣность, обжорство, непорядочность, наслѣдственный развратъ, тайная проституція, полное оставленіе и отвращеніе отъ работы—таковы истинные источники публичной проституціи. Всего яснѣе доходъ сводень доказываетъ то, что они получаютъ свою подать отъ перемѣны публичныхъ домовъ уже записанными проститутками. Куртажъ, получаемый ими по случаю завербованія дѣвушекъ, записываемыхъ еще въ первый разъ подъ ихъ вліяніемъ, былъ бы недостаточенъ для ихъ существованія [2]).

---

[1]) У насъ въ Россіи дома разврата не имѣютъ нѣсколькихъ различныхъ названій, равно какъ не подраздѣляются на классы и категеріи, какъ во Франціи и другихъ государствахъ, а всѣ, отъ самаго роскошнаго, до самаго грязнаго, на административномъ языкѣ носятъ названіе публичныхъ домовъ; также какъ въ общежитіи называются однимъ словомъ, происходящимъ отъ французскаго bordel, или по имени содержательницы.

Прим. Перевод.

[2]) Наши публичные дома наполняются преимущественно нѣмками изъ Германіи или нашихъ Прибалтійскихъ провинцій; только въ самыхъ грязныхъ изъ нихъ встрѣчается почти сплошь русскія женщины. Причинами паденія мы вовсе не признаемъ одни только

Содержательницы или помощницы (экономки) пріобрѣтаютъ большую опытность въ тѣлесныхъ осмотрахъ проститутокъ; большинство очень хорошо знаютъ употребленіе speculum'a; онѣ подвергаютъ своихъ дѣвицъ осмотру нѣсколько разъ въ недѣлю и особенно при отправкѣ ихъ въ комитетъ народнаго здоровья для еженедѣльнаго медицинскаго осмотра.

Этотъ медицинскій осмотръ, производимый въ формахъ, о которыхъ я буду говорить далѣе, очень важенъ для публичныхъ женщинъ; это частый предметъ ихъ разговоровъ.

Съ точки зрѣнія общественнаго порядка добровольное заключеніе, которому подвергаютъ себя эти женщины, подъ надзоръ и отвѣтственностью своихъ хозяекъ, чрезвычайно благопріятенъ, ибо онѣ никогда или почти никогда не показываются на улицахъ, и полиціи рѣдко приходится заниматься ими по поводу ссоръ или споровъ.

Женщины публичныхъ домовъ никогда не отправляются отыскивать мужчинъ на публичныхъ улицахъ, и хозяйки никогда не посылаютъ на улицу соглядатаевъ. Молодые люди передаютъ одинъ другому адресы торговокъ проституціей и взаимно другъ друга туда увлекаютъ.

„Однажды тотъ, который посѣщалъ ее, привелъ съ собою моего сына, какъ это часто случается, чтобъ вмѣстѣ составить партію разврата“, говоритъ римскій поэтъ.

Служители кафе или гостинницъ охотно даютъ указанія тому, кто спрашиваетъ ихъ объ этомъ предметѣ: они предлагаютъ иностранцамъ свести ихъ въ самые извѣстные дома и представить самимъ содержательницамъ; эта послѣдняя благодаритъ ихъ за это дачей *на водку*, которая видоизмѣняется отъ 2 до 5 франковъ, смотря по вѣроятной щедрости посѣтителей. Кучера публичныхъ экипажей конкурируютъ съ служителями гостинницъ и также какъ они получаютъ отъ содержательницъ вознагражденіе.

тѣ корни, на которые указываетъ докторъ Жавель, напротивъ, очень часто этихъ несчастныхъ влечетъ въ эти притоны разврата необходимость, голодъ, отчаяніе; въ большинствѣ случаевъ онѣ жертвы того соціальнаго положенія, которое можетъ довести даже до грабежа и до убійства.

Прим. Перевод.

Женщины въ публичныхъ домахъ встаютъ около десяти или одиннадцати часовъ утра.

Заботы о чистотѣ тѣла мелочны и постоянны. Публичныя женщины моются очень часто, почти всегда на дому; очень рѣдко въ публичныхъ заведеніяхъ, которыя совершенно непричастны актамъ проституціи.

Завтракаютъ онѣ à la fourchettes въ блузахъ, около одиннадцати часовъ утра, а день проводятъ въ приготовленіи туалета, въ разговорахъ, куреніи сигаретокъ; нѣкоторыя занимаются музыкой; во всѣхъ заведеніяхъ встрѣчаютъ фортепіано.

Если онѣ выходятъ на прогулку, что бываетъ рѣдко, ихъ сопровождаетъ хозяйка или экономка. На этихъ прогулкахъ онѣ любятъ привлекать взгляды роскошными и эксцентрическими костюмами; но если ихъ поступки открываютъ ихъ, является полиція, заставляетъ ихъ вернуться домой и наказываетъ нѣсколькими днями тюремнаго заключенія. Но если скандалъ имѣлъ отголосокъ, то сама хозяйка заключается въ тюрьму, а ея заведеніе закрывается по одному административному распоряженію.

Хозяйки иногда сопровождаютъ въ театръ дѣвицъ, которыхъ желаютъ привязать къ себѣ благосклонностью и ласкою. Но въ большинствѣ городовъ публичнымъ женщинамъ запрещено показываться въ театрахъ.

Онѣ сытно обѣдаютъ въ половинѣ шестаго. Послѣ обѣда онѣ одѣваются для принятія посѣтителей, потому что именно вечеромъ и особенно послѣ полуночи публичные дома наиболѣе посѣщаемы.

Ихъ причесываетъ абонированный парикмахеръ, и онѣ не отказываются отъ подкраски и фальшивыхъ волосъ, когда это для нихъ кажется необходимымъ.

Онѣ въ значительномъ количествѣ употребляютъ косметики и духи. Почти всѣ румянятъ губы и щеки съ весьма грубой наивностью. Нѣкоторыя чернятъ брови и рѣсницы посредствомъ обгорѣлой спички.

Румяниться на ихъ языкѣ называется maquiller. Maquillage употребляется иногда для сокрытія болѣзней, которыя повлекли бы за собою отправку въ госпиталь, и для того, чтобы обмануть доктора, визитирующаго ихъ. Я видѣлъ шанкры, покрытые маленькимъ кусочкомъ бычачьей перепонки, искусно приклеенной гумми и подкрашенной

карминомъ. *Эти приготовленія къ визиту*, за который платится отъ 3 до 5 франковъ, дѣлаются всего чаще акушерками и даже медиками.

Случается также, что онѣ пачкаются посторонней кровью, чтобъ представить менструацію и замаскировать такимъ образомъ язвы. Имъ очень хорошо извѣстно, что медицинскій осмотръ рѣдко бываетъ полонъ у женщинъ, которыя имѣютъ мѣсячныя.

Нѣкоторыя по странной изысканности кокетства, отпускаютъ на пальцахъ рукъ чрезмѣрные ногти, обдѣлывая ихъ въ формѣ миндалинъ.

Начиная съ половины восьмаго или восьми часовъ вечера онѣ готовы собраться по первому призыву экономки въ залѣ, освѣщенной газомъ. Меблировка этой пріемной залы не хуже самыхъ комфортабельныхъ салоновъ богачей.

Въ обычаѣ, въ нѣкоторыхъ роскошныхъ домахъ, показываться одѣтыми въ короткій атласный пеньюаръ свѣтлаго цвѣта безъ всякой другой одежды во всѣ времена года. Тогда онѣ надѣваютъ шелковые бѣлые чулки и обуваются въ полусапожки или башмаки, подобранные къ пеньюару. Иногда онѣ даже входятъ въ залу совершенно нагими.

Чаще всего въ своихъ великолѣпныхъ и истасканныхъ костюмахъ онѣ стремятся подражать послѣдней модѣ, назначаемой для баловъ и парадныхъ вечеровъ. Ихъ разговоръ грубъ, какъ разговоръ черни: они еще грязнятъ его сквернословными выраженіями, впутываютъ въ него простонародное провинціальное нарѣчіе и обогащаютъ воровскимъ жаргономъ. Ихъ хриплый, надтреснутый, грубый голосъ, подобенъ, по словамъ Овидія, реву ослицы; ихъ тыканье и божба, ихъ лживо страстные взгляды, ихъ клички, даваемыя другъ другу—все это составляетъ отвратительный контрастъ съ туалетомъ и манерами большаго свѣта, высокомѣрно и неискусно поддѣланными.

Ужинаютъ онѣ около двухъ часовъ утра, передъ тѣмъ какъ ложиться спать.

За столомъ предсѣдательствуетъ хозяйка и ея мужъ или любовникъ. Первенство между дѣвицами распредѣляется по старшинству лѣтъ, проведенныхъ въ заведеніи.

Нерѣдко мужчина проводитъ цѣлую ночь съ дѣвицами; это называется faire или avoir un coucher (ночевка). Та-

кимъ образомъ публичные дома замѣняютъ отели для нѣкоторыхъ путешественниковъ, которые проводятъ въ городѣ очень короткое время.

Такъ какъ эти несчастныя женщины почти всегда остаются чуждыми сладострастному ощущенію, а также чувству привязанности при исполненіи своего ремесла, то повторяемый выборъ, предметомъ котораго онѣ бываютъ, льститъ ихъ тщеславію, не возбуждая между ними, такъ сказать, ревности. Но въ глубинѣ сердца и часто, быть можетъ, безъ ихъ вѣдома онѣ сохраняютъ непреодолимый инстинктъ, ненасытную потребность [1]).

Поэтому то онѣ желаютъ имѣть и имѣютъ любовника—un amant de coeur, о даровомъ посѣщеніи котораго въ извѣстные дни недѣли и въ извѣстные часы онѣ условливаются при вступленіи въ заведеніе. Ему то предаются онѣ, ему то предлагаютъ, какъ все-таки женщины, свое удивленіе, свою слѣпую преданность и какъ грязныя лохмотья свою страстную любовь.

Между тѣмъ они не всегда насыщаютъ свою похотливость съ этими любовниками, какъ и съ посторонними посѣтителями.

Между собою онѣ часто заключаютъ постыдныя связи.

Этотъ ужасный развратъ—„Prodigiosa Venus", порождаетъ яростную ревность, взрывы ссоръ и дракъ, прерываемыхъ рыданьями и перемѣшанныхъ раздирательными воплями и ужасными проклятіями. Но такъ какъ ихъ единственное оружіе—ногти, то у самыхъ опасно раненыхъ только лицо разукрашивается царапинами.

Въ каждомъ заведеніи есть проститутка, иногда еще молодая, иногда уже старая, которая пользуется довѣренностью *мадамы*, помогаетъ поддерживать порядокъ между дѣвицами и замѣняетъ хозяйку во всѣхъ случаяхъ,—это *экономка*—Sous-maitresse.

Она то отворяетъ наружную дверь когда стучатъ. Эта здоровая окованная дверь всегда крѣпко заперта. Прежде

---

[1]) Не сладострастія, а привязанности и любви такъ жадно ищутъ проститутки, *постоянно оскорбляемыя самыми скотскими требованіями* мужчинъ. Промыселъ ихъ для нихъ ненавистенъ, а стало быть въ большинствѣ случаевъ ненавистны и тѣ, кто ихъ покупаетъ, и по этому то почти у каждой проститки есть любовникъ.

чѣмъ отворить, экономка, чрезъ окно съ крѣпкими рѣшетками утостовѣряется въ миролюбивой наружности посѣтителей. Если они слишкомъ многочисленны или кажутся пьяными, она отказываетъ отпереть дверь.

Яркій свѣтъ газоваго рожка, находящагося надъ дверью, облегчаетъ этотъ предварительный осмотръ гостей.

Въ сомнительныхъ случаяхъ начинаются переговоры, и призванная немедленно *мадама* или дозволяетъ входъ или окончательно оный воспрещаетъ. Она должна быть очень предусмотрительной, ибо дома проституціи часто подвергаются нападеніямъ со стороны молодыхъ людей, со стороны, пьяницъ или моряковъ, которые умышленно отправляются ради побоища въ публичный домъ... Всего чаще эти экспедиціи мотивируются болѣзнями, которыя предполагаютъ полученными именно въ этомъ заведеніи, внезапнымъ выпроваживаніемъ вонъ, ревностью любовниковъ; случается также, что онѣ не имѣютъ другой причины, кромѣ увлеченія молодости для инстинкта зла.

Въ послѣдній разъ сцена подобнаго рода произошла въ Бордо, нѣсколько лѣтъ тому назадъ около одиннадцати часовъ вечера. Сообщники выстроились безъ шума вдоль стѣны; одинъ изъ нихъ скромно постучалъ въ дверь, которую ему отперли безпрекословно; другіе послѣдовали за нимъ; проститутки въ числѣ шести, хозяйка, экономка — всѣ были избиты, выброшены въ рубашкахъ въ грязь и исколочены палками въ канавахъ.

Съ посѣтителя, съ *гостя* деньги за *время* (une passe) или за *ночь* (un coucher) получаетъ экономка. Экономка получаетъ отъ *мадамы* около 25 фр. въ мѣсяцъ жалованья, въ нѣкоторыхъ домахъ она берется гостями, что конечно увеличиваетъ ея доходъ на счетъ уменьшенія авторитета въ заведеніи.

Иногда гости ей дѣлаютъ подарки, стоимость которыхъ доходитъ отъ 50 до 60 фр. въ мѣсяцъ. Она также продаетъ сигары и апельсины по 50 сантимовъ за штуку: дѣвицы иногда отдаютъ ихъ ей обратно. Вообще экономка въ главныхъ заведеніяхъ получаетъ никакъ не менѣе 100 фр. въ мѣсяцъ.

Служанки, кухарки или горничныя, еще не вышедшія изъ лѣтъ, всего чаще проституируютъ.

Въ публичныхъ домахъ мужская прислуга бываетъ рѣдко [1]).

Весьма вѣроятно, что перегородки въ тѣхъ комнатахъ, въ которыхъ проститутки принимаютъ мужчинъ, иногда имѣютъ небольшія отверстія, чрезъ посредство которыхъ скрывающіяся въ сосѣдней комнатѣ лица присутствуютъ при зрѣлищѣ разврата. Мнѣ самому привелось видѣть расположеніе этой странной эксплуатаціи распутства.

Молодые люди отправляются цѣлой компаніей въ дома проституціи провести вечеръ, они играютъ въ карты на плату дѣвицамъ, какъ на плату въ кафе. Менѣе достаточные складываются, чтобъ составить сумму, требующуюся на плату одной дѣвицѣ, потомъ розыгрываютъ эту сумму на перваго червоннаго туза, *поставить туза червей*—обычай весьма распространенный между школьниками, молодыми работниками и приказчиками магазиновъ.

Полицейскій уставъ запрещаетъ подавать вино въ публичныхъ домахъ, къ несчастью наблюденіе за этимъ весьма затруднительно. Содержательницы очень хорошо знаютъ, что трезвый человѣкъ противится обольщенію и бережетъ свои деньги, при томъ же подаваемое ими шампанское составляетъ для нихъ двойной источникъ прибыли. Понятно, что пьютъ вмѣстѣ съ проститутками. Обычай этотъ существуетъ весьма давно.

Публичные дома имѣютъ своихъ завсегдатаевъ зрѣлыхъ лѣтъ. Клубъ служитъ предлогомъ, чтобъ уходить изъ дома. Эти завсегдатаи, богатые и скромные, заставляютъ содержательницъ часто мѣнять свою труппу, ибо получка новой дѣвицы всегда сравнительно больше, чѣмъ получка уже давно извѣстной.

Чѣмъ чаще спрашивается проститутка, тѣмъ добрѣе обращается съ нею содержательница, тѣмъ сильнѣе старается она привязать ее къ заведенію посредствомъ услужливыхъ заботъ и ласкъ; но какъ только проститутка оставлена посѣтителями, хозяйка, выбравъ мало-по-малу свой долгъ, побуждаетъ ее къ уходу ссорами или отказомъ въ покупкѣ желаемыхъ проституткой предметовъ, или необ-

---

[1]) У насъ, напротивъ, въ каждомъ домѣ есть такой.
Прим. Перевод.

ходимаго для нея платья, или же грубо прогоняетъ ее едва одѣтую въ старую юбчонку и старое платье.

Такимъ то образомъ публичныя женщины падаютъ изъ роскошныхъ салоновъ въ вонючіе подвалы, ибо богатыя матеріи, которыя онѣ попираютъ во дни своей роскоши, однимъ концомъ волочатся въ грязной канавѣ.

Цѣна за une passe бываетъ отъ 5 до 10 фр., за ночь отъ 10 до 20 фр., смотря по заведенію; торгуются только у низшаго разряда проститутокъ.

Обыкновенно содержательницы заведеній совѣтуютъ проституткамъ осматривать мужчинъ, прежде сближенія съ ними. Часто случается, что дѣвица, возымѣвшая сомнѣніе, призываетъ содержательницу или экономку, которая подвергаетъ мелочному осмотру подозрѣваемый органъ; позорный отказъ сопровождаетъ существованіе бленнорреи или изъязвленія.

Такимъ образомъ, когда перезрѣвшая дѣвица желаетъ поступить въ заведеніе въ качествѣ экономки, то при перечисленіи своихъ достоинствъ она не позабываетъ сказать: «я очень хорошо умѣю осматривать мужчинъ».

Нерѣдко дѣвицъ берутъ въ городъ или деревню. Иногда въ такомъ случаѣ онѣ остаются на ночь, рѣдко съ туземными жителями, чаще съ иностранцами, которые берутъ проститутокъ въ гостинницу. Въ подобныхъ случаяхъ о платѣ условливаются съ хозяйкой, и она никогда не бываетъ ниже 20 фр.

Плата никогда не требуется съ людей, наружность которыхъ внушаетъ довѣріе; но она можетъ и требоваться.

Содержательницы публичныхъ домовъ рѣдко кредитируютъ даже своимъ завсегдатаямъ. Онѣ говорятъ: „когда мужчина задолжалъ, его ужъ и не увидишь“.

Дѣвицамъ даютъ на перчатки произвольный подарокъ, въ которомъ онѣ не отдаютъ отчета хозяйкѣ; сумма такого пріобрѣтенія измѣняется, смотря по заведенію и по дѣвицѣ, отъ 8 до 50 фр. въ мѣсяцъ.

Нѣкоторыя предлагаютъ своимъ гостямъ свои фотографическіе портреты, за которые берутъ по 5 фр. Онѣ даютъ также портреты, представляющіе ихъ въ совершенной наготѣ. За такіе платится дороже. Фотографы, снимающіе подобные портреты, не всегда избѣгаютъ исправительной полиціи.

Содержательницы заведеній ведутъ или заставляютъ вести приходорасходную книгу, въ которую онѣ въ дебетъ каждой дѣвицѣ заносятъ все даваемое ей, то есть:

1) Пищу, ежедневная плата за которую условлена заранѣе.

2) Различныя издержки, на одежду, бѣлье, бездѣлушки, духи, баню, кареты, визиты доктора, лѣкарства и пр., за отопленіе и освѣщеніе.

На эти издержки содержательницы оставляютъ себѣ произвольный и всегда очень значительный барышъ, весьма походящій на злоупотребленіе довѣріемъ или домашнюю кражу *).

Но проститутки знаютъ, что ихъ такъ обкрадываютъ; эта эксплуатація исходитъ изъ чудовищныхъ соціальныхъ условій, которыя управляютъ міромъ проституціи.

3) Нѣкоторыя маленькія наличныя деньги, которыя проститутки даютъ своимъ любовникамъ или сохраняютъ для воспитанія своихъ дѣтей (что очень рѣдко), или отсылаютъ своему семейству, что совершенно исключительно.

Если есть человѣкъ, ведущій эти книги, проститутки называютъ его счетчикомъ.

Въ нѣкоторыхъ городахъ каждая дѣвица имѣетъ свою книжечку, въ которую содержательница заноситъ всѣ записи изъ своей счетной книги. Эта книжка служитъ для ограниченія подвижной прибыли содержательницъ, а также для предупрежденія споровъ, которые часто возникаютъ въ минуту окончанія счета.

Проститутки ничего не платятъ за помѣщеніе, а также въ большинствѣ случаевъ за отопленіе и освѣщеніе. Кредитъ ихъ ограничивается половиною получаемой ими прибыли. Другую же половину онѣ оставляютъ какъ плату за квартиру, за освѣщеніе и отопленіе (годовой итогъ которой доходитъ до 4,200 фр.); остальная половина платится алчнымъ содержательницамъ за пищу и содержаніе.

---

*) Вообще, *должно замѣтить*, что проститутки самымъ безо*вѣстнымъ образомъ* эксплоатируются содержательницами публичныхъ домовъ. Онѣ, какъ извозчичьи клячи, должны безъ отдыха торговать собою, иначе хозяйка безжалостно выгонитъ ихъ на улицу что въ концѣ концовъ все-таки и случается, *когда молодость* и красота проститутки увянутъ, *когда она* перестанетъ быть доходной статьей. *Прим. перев.*

Какимъ же образомъ соглашаются онѣ выносить столь вопіющую эксплуатацію? Потому что онѣ крайне неблагоразумны и непредусмотрительны, потому что, только за рѣдкими исключеніями, онѣ болѣе безтолковы, чѣмъ порочны.

Женщины, населяющія публичные дома, почти всѣ были бы неспособны сами управлять своими издержками; онѣ впали бы въ самую прожорливую бѣдность, еслибъ ихъ матеріальное существованіе не было поддержано и обезпечено хозяйками. Тѣ, которыя обладаютъ долей сознанія и ума для жизни, не поддаются эксплуатаціи содержательницъ и вступаютъ въ категорію одиночныхъ проститутокъ.

Повиновеніе дѣвицъ есть первая статья обычнаго договора, взаимно заключаемаго обѣими сторонами, но алчность хозяевъ естественно порождаетъ ненависть въ эксплуатируемыхъ нахлѣбницахъ; оттого малѣйшій разрывъ производитъ между ними обмѣнъ дикихъ словъ; за которыми свободно слѣдуютъ гнусныя оскорбленія и ругательства, подправленныя клятвами.

Между тѣмъ это состояніе глухой и безпрерывной войны иногда замѣщается глубокимъ миромъ. Есть хозяйки, которыя достаточно искусны въ обращеніи съ дѣвицами съ материнскою нѣжностью, въ тоже время поддерживая права своего авторитета и интереса; есть проститутки, характеръ которыхъ мягокъ и нѣженъ; тогда эти несчастныя кончаютъ сердечной привязанностью подобно тому, какъ любятъ честныя люди; тогда возраждаются всѣ хорошія чувства. Видали хозяекъ принимавшихъ проститутокъ въ ассоціацію по своему ремеслу; видали какъ онѣ покровительствовали связи, долженствовавшей вырвать у проституціи великолѣпно прибыльную дѣвицу, усыновлявшихъ ее и окончивавшихъ перерожденіемъ оной и выдачей замужъ.

Публичный домъ поистинѣ имѣетъ нѣкоторое сходство съ буржуазнымъ пансіономъ. Въ немъ встрѣчаютъ общую пріемную, общую для всѣхъ живущихъ столовую, нѣчто въ родѣ общаго стола и меблированныхъ комнатъ.

Счетная книга почти всегда представляетъ проститутку должницей содержательницѣ на сумму среднимъ числомъ около 400 франковъ. Долгъ есть фактъ никогда неиспы-

тывающій исключенія, и слѣдовательно проститутка публичнаго дома ничего не сберегаетъ. Если она перемѣняетъ домъ, даже городъ или страну,—ея долгъ вѣрно выплачивается старой хозяйкѣ новою, къ которой она переходитъ и выплаченная сумма фигурируетъ въ ея новомъ дебетѣ. Хозяйки съ большимъ неудовольствіемъ принимаютъ дѣвицъ, долгъ которыхъ очень возвышенъ. Но онѣ тѣмъ не менѣе не желаютъ, чтобы проститутки были свободны отъ всякаго долга, ибо *женщина, которая ничего не должна, уходитъ за да или нѣтъ*, къ тому же она дурной примѣръ для своихъ подругъ.

Такимъ образомъ, проститутка переходитъ изъ дому въ домъ по нѣкоторому *долгу чести*, который обязываетъ ее продолжать ремесло. Но ея честность легко ослабѣваетъ; нерѣдко проститутка убѣгаетъ, чтобъ жить на своей квартирѣ, переходя такимъ образомъ въ разрядъ одиночекъ, или же пропадаетъ, чтобъ начать честную жизнь въ родной сторонѣ или другомъ мѣстѣ. Хозяйки сильно боятся этихъ исчезновеній, которыя умножаясь по заразительности примѣра, очень часто быстро раззоряютъ ихъ.

Всѣ окна въ публичныхъ домахъ, выходящія на улицу, имѣютъ матовыя стекла или двойныя глухія рѣшотчатыя рамы, притомъ запертыя изнутри висячимъ замкомъ; окна же перваго этажа задѣланы желѣзными рѣшотками. Истинный мотивъ этихъ предосторожностей заключается въ помѣхѣ проституткамъ заманивать проходящихъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Марселѣ я видѣлъ средп дня, въ многолюдномъ кварталѣ, у оконъ перваго этажа два голыхъ женскихъ торса, оскорблявшихъ взгляды. Именно это-то воспрещаетъ полиція и дѣствительными мѣрами, заркытіемъ оконъ,—мѣшаетъ этому, но изъ этого является нѣчто вродѣ секвестра. Матеріальныя обстоятельства сдерживаютъ капризы, и эти несчастныя не всегда знаютъ до какой степени онѣ свободны оставить хозяйку заведенія, которой онѣ должны.

Засаживаемыя въ тюрьмы, эксплуатируемыя, оскорбляемыя, унижаемыя, онѣ всегда надѣются улучшить свое положеніе, перемѣнивъ домъ или страну; но повсюду онѣ встрѣчаютъ туже неволю, туже эксплуатацію, тѣже оскорбленія, повсюду тоже наказаніе за ихъ непредусмотрительность и лѣнность. Еслибъ еще взамѣнъ рано увяд-

шей молодости, ихъ огрубѣлой и очерствѣлой души, онѣ могли предложить принимаемымъ ими мужчинамъ нѣчто кромѣ изнеможенія, раскаянія, отвращенія.

Когда проститутка непремѣнно желаетъ выдти или убѣжать, то у хозяйки нѣтъ противъ нее никакихъ законныхъ средствъ; въ уплату долга ничего, кромѣ тряпокъ, оставленныхъ бѣглянкой. Потери, происходящія отъ этихъ побѣговъ, служатъ предлогомъ для неимовѣрныхъ барышей получаемыхъ хозяйками съ одежды, бездѣлушекъ и другихъ предметовъ, покупаемыхъ ими въ счетъ проститутокъ.

Въ послѣднее время одна проститутка, задумавшая задать тягу, просила хозяйку своего заведенія отпустить ее, чтобъ купить сигаретокъ. Едва выйдя на улицу: „Прощайте хозяюшка, сказала она:—я бѣгу: есть ли у васъ рысь, покажите ее теперь“. Она отправилась пѣшкомъ въ Перигэ, въ 120 километрахъ отъ Бордо, безъ денегъ, и не заботясь о своихъ вещахъ. Было семь часовъ вечера. Около полуночи она явилась въ Ливорно и отправилась на желѣзную дорогу. Одинъ служитель далъ ей постель. На другое утро она заложила за пять франковъ свою шаль. Вечеромъ она отправилась изъ Ливорно съ путешествующимъ комми. На пятый день она возвратилась грязная, измученная, голодная, и поступила въ другое заведеніе: она подышала воздухомъ.

Нерѣдко мужчины, съ которыми проститутки свели обыкновенныя въ ихъ ремеслѣ сношенія, оканчиваютъ тѣмъ, что платятъ зà нихъ долгъ, чтобъ выкупить изъ публичнаго дома, содержать ихъ и исключить изъ разряда; но вещь почти невѣроятная! встрѣчали подобнаго рода связи, которыя оканчивались бракомъ, и старинныя проститутки фигурировали на высшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы *).

---

*) Мы не видимъ здѣсь ничего удивительнаго; позорныя запрещенія въ Римѣ и въ средневѣковой Европѣ вступать въ бракъ съ проститутками доказываютъ только глубокое варварство. Надо замѣтить, что жены, выбранныя изъ проститутокъ, иногда бываютъ гораздо нравственнѣе и привязаннѣе къ своимъ мужьямъ, чѣмъ честныя женщины. *Прим. Пер*

Одиночки.

Одиночки дѣлятся на два класса: на живущихъ въ городѣ и на живущихъ въ назначенномъ кварталѣ.

I. Женщины, живущія въ городѣ, составляютъ аристократію разрядной проституціи; у нихъ тѣ же привычки къ роскоши и хорошему туалету, какъ и у женщинъ публичныхъ домовъ, изъ среды которыхъ онѣ всего чаще выходятъ, но приближаясь скорѣе къ содержанкамъ, съ которыми обыкновенно общество ихъ и смѣшиваетъ.

Принужденныя сами управлять своей эксплуатаціей и пещись о своихъ нуждахъ, онѣ должны сохранять извѣстный умъ порядка и разсчета въ своей распутной жизни.

Нѣкоторыя достигаютъ до пріобрѣтенія капитала и тогда становятся собственницами домашней мебели, а потомъ и болѣе значительной; позже онѣ предпринимаютъ наемъ меблированныхъ комнатъ для другихъ проститутокъ (упражняясь такимъ образомъ въ сводничествѣ и все-таки продолжая свое ремесло), или для холостяковъ, стараясь распространить наемъ ихъ помѣщенія даже до своей личности.

Эти проститутки не могутъ безъ дозволенія перемѣнять мѣстожительства. Имъ воспрещено жить двумъ или многимъ въ одномъ домѣ. Онѣ должны тщательно избѣгать привлеченія на себя вниманія нескромными поступками, пріемомъ шумныхъ и пьяныхъ людей, а еще болѣе того ссорами и оргіями, ибо тотчасъ же, какъ только будетъ принесена на нихъ жалоба, администрація спѣшитъ предписать имъ перемѣщеніе въ другое мѣсто и даже назначаетъ кварталъ, отведенный для низшаго класса проституціи, на что онѣ смотрятъ какъ на ужасную потерю.

Между тѣмъ онѣ обладаютъ искусствомъ влечь за собою прохожихъ, бросая имъ стыдливые взгляды.

Въ просторѣчіи это называется грубымъ словомъ: raccrocher (заманивать); на языкѣ проституціи завлечь къ себѣ мужчину называется faire un homme, faire un paillard.

Администрація легко можетъ запретить непристойные поступки, прямой призывъ, возмутительные знаки; однимъ словомъ грубое заманиванье (raccrochage); но скромный жестъ, быстрый взглядъ, достаточный, чтобъ ободрить

развратника, ищущаго приключенія, неизбѣжно ускользаетъ отъ надзора агентовъ. Притомъ же цѣль, руководящая администраціей, есть не уничтоженіе проституціи, а предупрежденіе скандаловъ.

Эти то женщины прохаживаются, иногда по двѣ, въ самыхъ многолюдныхъ кварталахъ или на гуляньяхъ, — славныя и счастливыя побѣды ловеласовъ, обольщающихъ женщинъ, преслѣдуя ихъ на улицахъ.

Онѣ стараются скрыть свое настоящее поведеніе и прослыть за честныхъ женщинъ; онѣ стараются увѣрить своихъ посѣтителей, что онѣ замужемъ или за капитаномъ корабля, или за путешествующимъ комми, который теперь въ отсутствіи и въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ не высылаетъ имъ денегъ.

Или же онѣ называются драматическими актрисами, ожидающими выгоднаго приглашенія, или же онѣ поссорились съ семействомъ по поводу молодаго человѣка, обѣщавшаго жениться, похитившаго ихъ, обманувшаго и уѣхавшаго. Случается, что молодые люди хорошей фамиліи, люди, принадлежащіе къ достаточнымъ классамъ, или занимающіеся свободными профессіями, позволяютъ обманывать себя этого рода сиренамъ, алчность которыхъ безгранична.

Но тѣ старики, которые безчестятъ свою могилу, оставляя скандалезныя завѣщанія и обирая своихъ естественныхъ наслѣдниковъ въ пользу прежнихъ проститутокъ, составляютъ рѣдкое исключеніе.

Что касается женщинъ, которымъ удается обезчестить сыновей знатныхъ фамилій, раззорить спекуляторовъ, опьяненныхъ биржевой игрой,—„ибо моль порождается одеждой, какъ женщиной беззаконіе мужчинъ“,— онѣ никогда не встрѣчаются среди записныхъ проститутокъ (если женщина нисходитъ до записыванья въ разрядъ, то всегда вслѣдствіе недостатка благоразумія), но всегда среди женщинъ воспитанныхъ въ роскоши и нищетѣ,—въ роскоши элегантности и наслажденій, въ роскоши образованія, въ нищетѣ долга и нравственности. Безталантныя, безголосыя пѣвицы, танцовщицы ниже всякой посредственности, отъ юности упражняющіяся въ странствованіи у границъ проституціи и плутовства, чтобъ при случаѣ перейти за оныя, — эти женщины, принадлежащія къ полу-

свѣту, суть истинные бродяги молодости и любви, ведущія веселую жизнь въ теченіе пятнадцати лѣтъ, избѣгая Бюро нравовъ и исправительной полиціи.

Но вообще въ средѣ проститутокъ разрядъ женщинъ изъ зажиточнаго класса составляетъ самый незначительный процентъ. Большинство ихъ состоитъ изъ дочерей совершенно раззорившихся родителей, изъ женщинъ лишившихся своихъ занятій и т. п. Однѣ изъ нихъ увлечены и обмануты своими любовниками обѣщаніемъ жениться; другія, увлекшись подарками волочащейся молодежи, праздной и пошлой, которая даже хвастается, что ей удалось погубить дѣвушку и гордится этимъ; третьи вступили на этотъ гибельный путь порока вслѣдствіе стремленія къ комфорту, къ роскоши. Но въ концѣ концовъ всѣ онѣ попадаютъ въ туже бездонную яму, которая непрестанно наполняется подонками проституціи.

Разрядная проститутка питаетъ непримиримую ненависть къ потаенной. Соперничество этой *мерзкой женщины, которая живетъ, не имѣя билета*, разжигаетъ ея ревность; донести на нее — для первой сознательный долгъ; она наблюдаетъ за нею, *отыскиваетъ слѣдъ* (piste) она запыхавшись является въ Бюро нравовъ, чтобъ *предупредить полицію*, когда она видѣла эту женщину *запершейся съ любодѣемъ* (paillard).

Одиночки, живущія въ городѣ, довольствуются пятью франками; но многія, болѣе элегантныя, требуютъ большаго.

Многія одиночки содержатъ любовника, который потребляетъ большую часть ихъ дохода.

Любовники этого рода женщинъ, также какъ и проститутокъ публичныхъ домовъ, суть торговые приказчики, постоянные посѣтители кабаковъ, называющіе себя артистами, молодые люди, хорошихъ фамилій, окончательно раззорившіеся въ распутствѣ, шулера, бродяги и мошенники.

Мы уже говорили, что всѣ вообще проститутки вслѣдствіе крайняго отвращенія, питаемаго ими къ своему ремеслу, вслѣдствіе принудительной отдачи своего тѣла каждому желающему, ищутъ забвенія въ какой-либо привязанности, ибо самое низкое паденіе никогда не можетъ

заглушить человѣческаго чувства, человѣческой потребности любви.

Между тѣмъ именно среди одиночекъ считаютъ наибольшее число освобожденій отъ осмотровъ или окончательныхъ исключеній изъ разряда, вслѣдствіе связей ставшихъ продолжительными. Онѣ подкрѣпляютъ свои просьбы о разрѣшеніи и исключеніи словами: *«Я не веду больше той жизни, я не торгую собой, у меня есть одинъ, у меня есть старикъ, дающій мнѣ столько-то въ мѣсяцъ»*, или же: *„я работаю, я у мѣста“*. Ихъ требованія, иногда подкрѣпляемыя ходатайствомъ уважаемыхъ личностей, удовлетворяются, если спеціальное наблюденіе въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ докажетъ, что онѣ дѣйствительно перестали публично проституировать. Но возвратъ къ прежней жизни не частъ.

Браки составляютъ рѣдкія исключенія. Въ Бордо было только семь на общій итогъ проститутокъ (среднее годовое число 560) въ теченіе трехъ лѣтъ: 1858, 1859 и 1860 гг.).

Супружеская проституція—мужъ служащій сводчикомъ или покровителемъ своей жены, былъ наблюдаемъ въ Бордо только два раза въ теченіе двухъ лѣтъ, и эта гнусная коммерція не долго продолжалась. Полицейскій надзоръ и общественное отвращеніе дѣлаютъ неудобнымъ, какъ я сказалъ ранѣе, явное покровительство.

Многія одиночки посѣщаютъ maisons des passe или rendez-vous (дома свиданій), называемые на административномъ языкѣ *домами терпимости второй категоріи* или *увеселительными домами*.

Это терпимые и находящіеся подъ надзоромъ администраціи дома обыкновенно помѣщаются въ малыхъ, малолюдныхъ и дурно обстроенныхъ улицахъ. Проститутки не живутъ въ нихъ; они являются туда, когда имъ заблагоразсудится, вечеромъ или днемъ, провести нѣсколько часовъ [1]).

Хозяйки, эксплуатирующія подобными заведеніями, не держатъ домовыхъ книгъ. Обыкновенно онѣ занимаются

---

[1]) Въ подобнаго-то рода домѣ молодой человѣкъ хорошей фамиліи скоропостижно умеръ въ объятьяхъ проститутки въ августѣ 1860 года; это ужасающее послѣдствіе распутства повторилось въ іюнѣ 1866 года.

какимъ-нибудь честнымъ промысломъ: чисткой перчатокъ, мытьемъ или шитьемъ бѣлья и т. п.

Онѣ пользуются половиною получаемой проститутками платы, какъ содержательницы настоящихъ публичныхъ домовъ.

Онѣ оказываютъ частыя услуги администраціи, донося на разрядныхъ проститутокъ, скрывающихся у нихъ отъ медицинскаго осмотра или избѣгающихъ записыванія, а также и на потаенныхъ, занимающихся у нихъ недозволенной коммерціей. Такъ какъ онѣ состоятъ во власти Бюро нравовъ, то во что бы то ни стало должны заискивать его расположеніе.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что доносы проститутокъ на проститутокъ чрезвычайно рѣдки и обусловливаются какими-нибудь совершенно исключительными обстоятельствами: ревностью, ненавистью и т. п.

Къ несчастью существуетъ также большое число гостинницъ, небольшихъ кафе, или кабачковъ, которые доставляютъ разврату и проституціи кратковременное убѣжище подъ предлогомъ ночлега (до 3 фр. съ двоихъ) или, что еще опаснѣе, подъ предлогомъ подачи напитковъ: пива, вина, молока съ рисомъ и т. д. Какъ бы ни была мала сумма расхода въ отдѣльной комнатѣ всегда платится 2 фр. Въ этого рода заведенія дозволяютъ вести себя вечеромъ молодыя работницы, желающія прибавить 5 фр. къ 75 сант. дневнаго заработка. Но эти заведенія истинныя мышеловки, вокругъ которыхъ надзиратели нравовъ часто разставляютъ свои сѣти, и ни одна шалунья потаенной проституціи бываетъ вынуждена при свѣтѣ дня появиться въ Бюро нравовъ.

Старыя, презрѣнныя, увядшія и истощенныя проститутки, которымъ ихъ ремесло доставляетъ недостаточную прибыль, доходятъ до того, что живутъ ремесломъ сводни; указываютъ жилища наиболѣе молодыхъ, или сопровождаютъ ихъ въ прогулкахъ, или же вводятъ въ увеселительные дома иностранцевъ, встрѣчаемыхъ ими на улицахъ.

Нѣкоторыя старухи, занимающіяся ничтожнымъ ремесломъ торговокъ фруктами, хламомъ или тряпьемъ, посылаютъ развратниковъ въ эти дома, увѣряя ихъ, что тамъ они встрѣтятъ работницъ, долженствующихъ пріобрѣсть нѣкоторыя средства къ своему дневному заработку, акт-

рисъ безъ мѣста, оставленныхъ женщинъ, вдовъ, иногда даже онѣ обѣщаютъ еще невинную молодую дѣвушку. За эти указанія дается какая нибудь серебряная монета. То же, что встрѣчаютъ развратники въ домахъ таинственныхъ свиданій—все принадлежитъ къ разряднымъ проституткамъ, живущимъ въ городѣ или помѣщающимся въ любомъ кварталѣ. Магазинщицы безъ работы, кухарки, горничныя, дѣвушки безъ мѣста хотя и отправляются туда тайно конкурировать съ разрядными проститутками но это бываетъ рѣдко, ибо онѣ хорошо знаютъ, что увеселительные дома находятся подъ надзоромъ, и что нельзя войти туда безъ того, чтобъ вскорѣ не быть отправленной въ Мерію, такъ называютъ онѣ Бюро нравовъ. Что касается до невинныхъ молодыхъ дѣвушекъ или несовершеннолѣтнихъ, то хозяйки увеселительныхъ домовъ, которыя развратили ихъ у себя, подверглись бы судебному преслѣдованію, меньшимъ послѣдствіемъ котораго было бы закрытіе ихъ заведенія.

Для насъ невозможно написать исторію этого послѣдняго сводничества, которое заключается въ проституціи несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ; это всегда исключительныя и преходящія преступленія, тѣмъ болѣе рѣдкія, чѣмъ лучше устройство полиціи; но значительная прибыль, обѣщаемая подобнымъ ремесломъ стремитъ къ постоянному его возобновленію, несмотря на преслѣдованія и судебныя наказанія, воспрещающія оное.

II. Второй классъ одиночекъ состоитъ изъ тѣхъ, которыхъ администрація принуждаетъ жить въ кварталѣ, назначенномъ для низшаго разряда проституціи.

Онѣ живутъ въ меблированныхъ домахъ, называемыхъ garnis de tolerance (меблированными комнатами терпимости) съ платою отъ 1 до 2 фр. въ день. Это простыя комнаты въ первомъ этажѣ, выходящія на улицу однимъ окномъ и дверью. Проститутки цѣлый день, а часто и ночь до самаго утра стоятъ (Prostibuloe) или сидятъ (Prosedoe) у порога своей двери, чтобъ зазывать прохожихъ. Такимъ образомъ во всю длину улицъ онѣ составляютъ двойной рядъ караульныхъ, мѣняющихся хриплою или пронзительною перебранкою, ругательствами или глупыми шутками, переходя изъ одного дома въ другой, съ головой убранной измятыми цвѣтами или клѣтчатымъ мадрасомъ,—одѣ-

тыя въ туфли или сабо, истощенныя, нарумяненныя, пьяныя, дѣлающія проходящимъ знаки зазывающія ихъ,—онѣ придаютъ всему кварталу странный и отталкивающій видъ.

Онѣ живутъ на народѣ. Ихъ открытыя двери позволяютъ ихъ видѣть въ короткой юбкѣ, одѣвающихся, причесывающихся, стряпающихъ, ѣдящихъ. Постель, виднѣющаяся въ глубинѣ коморки, есть родъ указанія. Закрытыя дверь и окно означаютъ занятую проститутку.

Нѣкоторыя изъ этихъ меблированныхъ комнатъ терпимости, находящіяся въ много-этажномъ домѣ. содержатъ отъ шести до восьми проститутокъ. Въ такомъ случаѣ въ первомъ этажѣ есть обширная комната со столами и лавками, служащая кабачкомъ. Здѣсь собираются дѣвицы для питья съ своими гостями передъ тѣмъ, какъ вести ихъ въ свои комнаты.

Здѣсь танцуютъ при свѣтѣ нѣсколькихъ свѣчей, подъ звуки скрипки; матросы предаются здѣсь иногда кровавымъ оргіямъ, напоминающихъ добрые дни, когда Саламандра получила жалованье.

Во многихъ нашихъ городахъ эти мѣста разврата и преступленія окончательно очищены. Всѣ меблированныя комнаты терпимости превращены въ закрытые дома, которыхъ два сорта: одни отличаются отъ домовъ первой категоріи, описанныхъ въ предыдущемъ параграфѣ, только низшимъ качествомъ ихъ персонала; другіе суть какъ бы меблированные отели, предназначенныя для проститутокъ низшаго разряда или для публичныхъ женщинъ, которыя, платя за помѣщеніе (отъ 2 до 3 фр. въ день) и за пищу (отъ 1 фр. 50 с. до 2 фр. 50 сант.) сами завѣдуютъ полученіемъ платы, также какъ и своимъ расходомъ. Правила, которыя заставляетъ исполнять ихъ административная власть, весьма строги. Продажа напитковъ запрещена во всѣхъ домахъ, гдѣ живутъ проститутки, „дабы, по выраженію Горація, никто не злоупотреблялъ дарами Бахуса"

Начиная съ одинадцати часовъ утра, каждая дѣвица, привлекающая на себя вниманіе на улицахъ, показывающаяся у своей двери или окна, нарушаетъ законъ; она подвергается штрафу отъ 1 до 15 фр. и тюремному заключенію на 5 дней. Зазыванья есть преступное оскорбленіе общественной стыдливости.

Привычка къ пьянству, совершенно исключительная

между женщинами публичныхъ домовъ первой категоріи или одиночками, живущими въ городѣ, еще весьма часта между проститутками низшаго класса.

Ремесло проститутокъ низшаго разряда опасно. Вмѣсто всякой платы онѣ часто получаютъ только удары: иногда бываютъ избиты и изувѣчены пьяницами, которые прогуливаются по кварталу ночью только для того, чтобъ доставить себѣ удовольствіе куда ни попало наградить пинькомъ или ударомъ кулака несчастную показывающуюся у своей двери.

Если онѣ добываютъ нѣсколько денегъ, если онѣ украшаютъ себя какими нибудь цѣнными бездѣлушками, то легко дѣлаются добычею мошенниковъ, которыхъ ихъ ремесло принуждаетъ принимать ночью, и которые убиваютъ ихъ ради грабежа.

Самыя несчастныя проститутки низшаго разряда шляются ночью въ пустынныхъ улицахъ кварталовъ, сосѣднихъ съ ихъ чуланомъ, въ узкихъ переулкахъ предмѣстій, дабы подъ кровомъ тьмы, на вольномъ воздухѣ исполнять свое ремесло (Это pierreuses).

Плата, получаемая ими, никогда не превышаетъ 50 сантимовъ.

Ужасающія, оскотинѣвшіяся отъ нищеты и пьянства, покрытыя гнусными отрепьями, онѣ доходятъ до крайней грани униженія, которымъ могутъ быть наказаны на землѣ испорченность, лѣность, развратъ.

Большинство проститутокъ низшаго разряда имѣютъ любовниковъ, съ которыми онѣ дѣлятъ свой дневный приходъ. Эти любовники обыкновенно распутные работники, претерпѣвшіе наказаніе, или воры по ремеслу. Но это покровители, берущіе на себя событіе и причину въ ссорахъ.

Они ограничиваются тѣмъ, что дѣлаютъ засаду, чтобъ издалека дать знать о полицейскомъ осмотрѣ проституткамъ, которыя пробуютъ прельстить проходящихъ нескромными костюмами или слишкомъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ.

Такимъ образомъ они покровительствуютъ публичному возбужденію и зазыванью, которыя запрещаетъ администрація, наказывая за оныя пенею и тюремными заключеніями.

Эти любовники бываютъ частыми причинами звѣрской ревности, ссоръ и дракъ.

Карнавалъ — праздникъ для проститутокъ всѣхъ классовъ. Въ эту торжественную эпоху онѣ позабываютъ свое ремесло, онѣ отдаются удовольствію за свой собственный счетъ и предаются упоенію, раздѣляемому съ ними народомъ. Онѣ по полному праву наполняютъ публичные балы, театры, гдѣ женщины лучшаго общества веселятся, сталкиваясь съ ними; онѣ при полномъ свѣтѣ дня выставляютъ себя въ лучшихъ кварталахъ нашихъ городовъ, въ которыхъ ихъ нескромные поступки повидимому не поражаютъ ничьего взгляда. Допущено, что честные люди терпятъ въ это время танцы и наглыя предложенія и что развратъ находитъ себѣ извиненіе въ періодичности этого возбужденнаго состоянія.

Это описаніе нравовъ и обычаевъ проститутокъ будетъ не полно, если мы не скажемъ нѣсколько словъ объ ихъ смерти и похоронахъ.

Больныя проститутки пользуются со стороны своихъ подругъ нѣжными и даже трогательными заботами; та, которая пріобрѣла нѣсколько денегъ, не торгуетъ своею помощью той, которую болѣзнь мгновенно повергла въ нищету, помѣшавъ ей заниматься своей коммерціей (faire sa commerce); и истинно — никогда однодомка не умретъ за недостаткомъ бульона или стакана вина. Но ихъ благотворительность не имѣетъ познаній и еще менѣе постоянства, и въ продолжительныхъ болѣзняхъ почти всегда ихъ убѣжищемъ дѣлается госпиталь. Приближеніе смерти легко пробуждаетъ въ нихъ религіозныя воспоминанія, и большинство не отказывается отъ исповѣди въ послѣднія минуты. При видѣ усердія, которое оказываютъ онѣ при отдачѣ послѣдняго долга своимъ мертвецамъ, можно бы сказать, что ихъ профессія, отдѣляя ихъ отъ честныхъ людей, связываетъ ихъ чѣмъ-то родственнымъ. Если же одна изъ наиболѣе несчастныхъ умерла въ своей каморкѣ, ея сосѣдки соглашаются поочередно стеречь ее. Наканунѣ похоронъ всѣ окрестныя проститутки являются одна за другой преклониться предъ постелью умершей и окропить ея тѣло святой водою. Выходя онѣ кладутъ на тарелку даръ въ нѣсколько су, назначаемый на плату за погребальную церемонію. Въ день погребенія онѣ являются

только у воротъ госпиталя или у дверей умершей, всѣ одѣтыя въ черныя шерстяныя платья и бѣлыя чепчики. Онѣ берутъ на прокатъ этотъ костюмъ. Стоя по двѣ въ рядъ, въ благоговѣйномъ порядкѣ, съ своими молитвенниками въ рукахъ, онѣ сопровождаютъ въ церковь и до кладбища эту процессію, которая не есть похороны несчастной презираемой обществомъ, но, привѣтствуемыя проходящими, предшествуемыя священникомъ, возвеличенныя крестомъ похороны христіанки. Не соединяетъ ли ихъ торжественное чувство равенства передъ смертью и божественнымъ милосердіемъ? Всегда при видѣ ихъ зловѣщей процессіи въ черныхъ платьяхъ, идущей сзади серебрянаго распятія, спрашиваютъ, какая конгрегація сопровождаетъ сестру, ушедшую изъ міра въ мѣсто освобожденія и покоя?

И когда узнаютъ, кто составляетъ кортежъ, невольно вспоминаютъ урокъ смиренія и благости, содержащійся въ этихъ евангелическихъ словахъ: „Кто безгрѣшенъ, пусть первый броситъ въ нее камень".

О потаенной проституціи.—Эта проституція есть первый опытъ въ проституціи публичной.

§ I. *Необходимость запрещенія этого рода проституціи.*

Развратъ ведетъ молодую дѣвушку къ отвращенію отъ работы. Вскорѣ бездѣлье, кокетство, обжорство и прелесть наслажденія влечетъ ее къ тайной торговлѣ своимъ тѣломъ: она становится потаенной проституткой.

Но прежде слѣдуетъ точно опредѣлить смыслъ названія. Различіе между публичной и потаенной проституткой чисто административное. Слѣдовательно въ странахъ, гдѣ проституція не подвергается никакому частному надзору и никакому воспрещенію, нѣтъ публичной и потаенной проституціи, въ томъ смыслѣ, какой мы придаемъ этому подраздѣленію, а есть только проститутки, болѣе или менѣе наглыя и скандальныя.

Потаенная проституція есть какъ бы подготовка къ публичной, стало быть логическій порядокъ требуетъ, чтобъ

вопросы, относящіеся къ одной, были изслѣдованы прежде относящихся къ другой.

Полиція имѣетъ право и обязана воспрещать на улицахъ или въ публичныхъ мѣстахъ проявленія скандаловъ, т. е. такія проявленія, которыя противны нравственности и добрымъ нравамъ; этимъ она исполняетъ важное назначеніе покровительства нравственности, безопасности и общественному здоровью. Въ дѣйствительности полиція имѣетъ надъ проституціей власть только на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ, ибо только тамъ она производитъ скандалъ и вредитъ общественной нравственности, и если полиція можетъ проникнуть въ жилище, чтобъ преслѣдовать проявленія проституціи, то только тогда, когда они были приготовлены, вызваны, начаты, если не совершены публично, только тогда они достаточно приближаются къ публичному оскорбленію скромности, чтобъ быть оному уподобленными. Но въ добавокъ эти проявленія могутъ быть разсматриваемы какъ вредящія здоровью гражданъ.

Характеристичное явленіе въ промыслѣ какъ потаенной, такъ разрядной проституціи, дающее власть вмѣшательству полиціи, и которое слѣдуетъ опредѣлить точно, заключается въ отыскиваньи или въ посыланьи отыскивать на улицахъ незнакомыхъ мужчинъ, дабы за плату совершать съ ними актъ похотливости. Для Brotel'я это признакъ, за отсутствіемъ признака -- извѣстность; эти-то присылки незнакомыхъ мужчинъ и составляютъ публичное явленіе, дающее полиціи власть на вмѣшательство.

Реэстры, въ которые вписываются проститутки, имѣютъ цѣлью составить списокъ женщинъ, которыя въ силу ихъ обыкновенно скандальнаго поведенія, заслуживъ утрату гарантіи общаго права, подчинены спеціальному надзору, какъ съ точки зрѣнія общественной морали, такъ и вслѣдствіе заразительныхъ болѣзней, которыми онѣ непрестанно угрожаютъ обществу.

Потаенными проститутками называютъ тѣхъ, которыя, промышляя торговлей дѣтьми, имѣютъ ловкость избѣгать отъ внесенія въ списки, то-есть отъ спеціальнаго надзора и періодическихъ визитовъ медика.

Легко понять и къ тому же я сейчасъ же рѣшительно докажу, что потаённыя или незаписныя проститутки гораздо опаснѣе разрядныхъ.

Записыванье, слѣдуетъ также замѣтить, даетъ подвергшейся ему проститутке нѣкоторую свободу, правда, тѣсно ограниченную уставомъ, но все-таки дѣйствительную свободу въ исполненіи ея презрѣннаго ремесла,—ту свободу, которую называютъ терпимостью. Напротивъ, потаенная или неподчиненная надзору проститутка, избѣгшая внесенія въ разрядъ, этой терпимостью не пользуется: изъ этого слѣдуетъ, что она постоянно боится полиціи, что она спутана въ своей коммерціи, и что разрядная проститутка вступаетъ съ ней въ конкуренцію, въ которой ей трудно долго бороться.

Такимъ образомъ терпимость, по истинѣ, дѣйствительное лекарство противъ опасностей потаенной проституціи.

Другой фактъ, доказанный опытомъ, заключается въ томъ, что потаенная проституція такъ сказать возрождается каждый день, распространяется съ чрезвычайной быстротой какъ только ослабѣваетъ надзоръ; и это также постигается легко: молодыя дѣвушки, которыя сразу прибѣгаютъ къ средствамъ публичной проституціи, встрѣчаются въ очень маломъ числѣ; почти всѣ находящіяся на днѣ этой лужи мало-по-малу спускались въ нее это въ огромномъ большинствѣ служанки и работницы, которыя увлеклись легкими, а иногда и сладострастными, успѣхами проституціи, обольщеніемъ кокетствомъ, танцми, забавами разсѣянной и праздной жизни, и предпочли ихъ скуднымъ заработкамъ, безконечнымъ лишеніямъ трудовой и честной жизни.

Такимъ образомъ разрядная проституція пополняется потаенной, какъ эта послѣдняя нищетою, праздностью, лѣностью, кокетствомъ, непредусмотрительностью, распутствомъ.

Потаенная проституція—это необузданный порокъ, безъ мѣры распространяющій физическую и нравственную порчу; разрядная—порокъ обузданный до возможнаго, это покровительствуемое общественное здоровье.

Прибавимъ, что солдатскія дѣвки, заставныя, les rouleuses les pierreuses—эти отвратительныя созданія, которыя слоняются по свободнымъ мѣстностямъ городскаго округа, по строящимся дровянымъ дворамъ, въ тюрьмы, въ дома для призрѣнія нищихъ,—часто ускользаютъ отъ бдительности полиціи и почти всегда заражены венерической болѣзнью.

Такимъ образомъ, напримѣръ, въ Ліонѣ «можно сказать, что изъ десяти солдатъ девять не хотятъ или не могутъ объяснить дѣйствительное начало ихъ болѣзни, такъ какъ они совокупляются съ непрописанными проститутками худшаго рода, или съ бродягами, съ женщинами, которыхъ они заводятъ въ скрытныя и удаленныя отъ всякаго надзора мѣста».

Въ Бордо въ 1864 году подобнаго рода женщина, страшно зараженная сифилисомъ, имѣла жилище на набережной подъ первой аркой моста и тамъ она въ теченіе двухъ мѣсяцевъ каждую ночь принимала по двѣнадцати солдатъ, каждый разъ новыхъ съ находившагося по близости поста.

Такимъ образомъ углубляясь въ соціальный вопросъ о проституціи, приходятъ къ убѣжденію, что терпимость, эта отталкивающая вещь, есть выборъ меньшаго изъ двухъ неизбѣжныхъ золъ.

Чрезвычайно мало дѣвушекъ, которыя проводятъ первые годы ихъ карьеры въ болѣзни если только не заражены, а есть столь воспріимчивыя къ зараженію, что, едва вылѣчившись отъ болѣзни, заражаются снова.

Такимъ образомъ количество разрядныхъ проститутокъ, найденныхъ больными, никогда не превышало пропорціи 2,26 на 100 или 22 на 1,000, тогда какъ среди потаенныхъ проститутокъ въ 1858 году (въ годъ предшествовавшій преобразованію полиціи) было больныхъ въ пропорціи 49,26 на 100 или 492 на 1,000; пропорція эта осталась 418 на 1,000 въ 1859 году; а въ слѣдующіе годы, несмотря на преслѣдованія, которымъ онѣ подвергались, нашли больныхъ въ пропорціи, которая измѣнялась отъ 203 до 271 на 1,000.

По общимъ выводамъ изъ этихъ документовъ можно разсматривать какъ доказанное, что въ Лондонѣ и въ другихъ городахъ Англіи, а также въ главныхъ морскихъ стоянкахъ внѣ Европы, гдѣ проститутки не подчинены никакому спеціальному надзору и никакимъ санитарнымъ визитамъ пропорція зараженныхъ проститутокъ превышаетъ 50 на 100.

Такимъ образомъ приморскіе города Англіи, Соединенныхъ Штатовъ и пр., посѣщаемые громаднымъ количествомъ моряковъ, принадлежащихъ ко всѣмъ націямъ,

должны быть разсматриваемы какъ весьма дѣятельные распространители венерическаго зараженія.

О записываньи.—Какимъ образомъ потаенная проститутка становится публичной или разрядной.

Послѣдніе факты, относящіеся до потаенной проституціи, доказываютъ, что промыселъ потаенной проститутки явно отличается отъ постыдной жизни содержанки, живущей какъ наложница съ однимъ человѣкомъ, удовлетворяющимъ ея нужды. Но содержанка, мѣняющая любовниковъ, приближается къ проституткѣ; она приближается къ ней все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ ея связи, все менѣе и менѣе продолжительныя, становятся призрачными. Гдѣ начинается скандалезное распутство, которымъ мотивируется вмѣшательство полиціи?

Какія обстоятельства, какіе факты оправдываютъ записыванье, этотъ важный и рѣшительный актъ, который имѣетъ слѣдствіемъ изъятіе женщины изъ общества честныхъ людей и лишеніе гарантій общаго нрава, предавая не неограниченной власти полиціи?

Ошибка, въ которой оказалась бы виновной публичная администрація, была бы истиннымъ преступленіемъ; покровительница свободы и безопасности гражданъ, она раздавила бы своей непреодолимой властью жертву нищеты и обольщенія. Благосклонные совѣты, нѣкоторая помощь могли бы спасти молодую неопытную дѣвушку, опьяненную удовольствіемъ, увлеченную пыломъ юности, примѣромъ подругъ,—и полиція имѣла бы жестокость наложить на ея лобъ безчестное клеймо проституціи!

Пусть обсудятъ гарантіи, которыми окружаетъ себя администрація, предосторожности и мелочныя освѣдомленія, которыя она умножаетъ, чтобъ положительно защитить свою отвѣтственность и сдѣлать невозможнымъ записыванье, необходимость котораго оставалась бы оспоримой.

Вотъ текстъ инструкцій, данныхъ въ Парижѣ специальнымъ агентамъ, имѣющимъ наблюденіе надъ незаписными проститутками.

„Инспекторы, которымъ порученъ надзоръ надъ неза-

писанными, должны дѣйствовать съ наивеличайшей осмотрительностью относительно тѣхъ, которыя встрѣчаются на публичныхъ улицахъ и слѣдовать за ними до домовъ терпимости и въ жилища разрядныхъ женщинъ, дабы арестовать ихъ не прежде, какъ всякое сомнѣніе въ ихъ занятіяхъ невозможно».

«Не можетъ быть произведено ареста, незаписанной въ публичномъ мѣстѣ, открытомъ для проституціи, иначе какъ при flagrant delit, или вслѣдствіе показанія женщины или мужчины, найденныхъ съ незаписанною, что со стороны этой послѣдней былъ совершенъ актъ распутства».

«Инспекторы не производятъ на улицѣ ареста незаписанной проститутки, которую они не могли застать въ одномъ изъ вышеписанныхъ случаевъ, если только продолжительное наблюденіе не дало имъ возможности замѣтить факты, способные быть точно опредѣленными, то есть, если ее не ловятъ въ минуту выхода изъ мѣста распутства, или гуляющей съ публичными женщинами, или если она не производитъ публичнаго скандала».

«Инспекторы всегда сохраняютъ относильно этихъ женщинъ приличія, предписываемыя достоинствомъ администраціи... и воздерживаются самымъ положительнымъ образомъ отъ всякихъ обмановъ или подкупа».

„Каковы бы ни были обстоятельства, при которыхъ онѣ арестованы, незаписанныя немедленно препровождаются къ полицейскому коммисару того участка, въ которомъ произведенъ арестъ, дабы онъ безотлагательно приступилъ къ изслѣдованію“.

Спеціальные коммисары, завися только отъ своего прямаго начальника, то есть отъ главнаго начальника бюро нравовъ, должны бы прежде всего препровождать къ этому чиновнику незаписанныхъ проститутокъ. Прежде всего, большинство полицейскихъ коммисаровъ не обладаютъ опытностью въ томъ, что относится до проституціи и ихъ вмѣшательство лишаетъ администрацію необходимаго для нея единства. Такимъ образомъ, я предлагаю измѣнить эту статью такъ:

Каковы бы ни были обстоятельства, при коихъ онѣ арестованы, незаписанныя немедленно препровождаются

къ начальнику бюро нравовъ, дабы онъ безотлагательно приступилъ къ осмотру и допросу ихъ.

Приводимое мною здѣсь неудобство имѣетъ мало важности для Парижа; оно быть можетъ даже ничтожно для него, потому что префектъ полиціи соединяетъ въ своихъ рукахъ всю власть, а слѣдовательно всему сообщаетъ единство дѣйствія; но не въ провинціи, гдѣ полицейскіе коммисары получаютъ приказанія отъ магистратуры, какъ агенты полиціи юридической, и отъ префекта (или мера), какъ агенты полиціи административной. Факты, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, позволяютъ мнѣ утверждать, что начальникъ бюро нравовъ, представляющій собою авторитетъ административной полиціи, часто стѣсняемъ или коммисарами полиціи, или королевскимъ прокуроромъ, представляющимъ авторитетъ юридической магистратуры. Я видѣлъ, напримѣръ, какъ помощникъ королевскаго прокурора выпустилъ на свободу женщину, которую начальникъ бюро нравовъ объявилъ потаенной проституткой, вслѣдствіе донесеній агентовъ, доказавшихъ дѣйствія самаго презрѣннаго безстыдства, учиненныя на публичномъ балѣ.

Въ Бордо, гдѣ немедленный арестъ не такъ необходимъ, какъ въ Парижѣ, ибо разъ замѣченныя женщины не имѣютъ никакой возможности скрыться отъ полиціи, инструкціи, данныя агентамъ, нѣсколько отличаются отъ только что приведенныхъ мною; онѣ мнѣ кажутся весьма точными и чрезвычайно пригодными для руководства полиціи въ большихъ провинціальныхъ городахъ.

Есть flagrant delit или по крайней мѣрѣ вѣроятность, достаточная для потаенной проституціи, въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) „Когда женщина застигнута въ публичномъ мѣстѣ или на улицѣ, при совершеніи акта разврата съ мужчиной, который объявляетъ ее незнакомой и не отвѣчаетъ за нее".

„Въ этомъ случаѣ преступленіе потаенной проституціи усложняется оскорбленіемъ общественной скромности и часто бродяжничествомъ".

2) „Когда женщина застигнута при препровожденіи въ свое жилище мужчины, встрѣченнаго ею на улицѣ или въ публичномъ мѣстѣ, и который дѣлаетъ тоже показаніе, какъ и вышеписанный";

3) „Когда женщина застигнута въ меблированныхъ комнатахъ или гостинницѣ, запершись съ мужчиной, дающимъ одинаковое съ вышеупомянутыми показаніе“ *);

4) „Когда въ близкія одна къ другой эпохи времени агенты встрѣчали одну и ту же женщину на улицахъ или въ публичныхъ мѣстахъ съ различными мужчинами, хотя бы каждый изъ нихъ показывалъ, что онъ ея любовникъ или покровитель“;

5). „Когда женщина застигнута въ maison de passe, или когда агенты видѣли ее входящей или выходящей изъ онаго“ **);

6) „Посѣщеніе разрядныхъ женщинъ или содержательницъ maison de passe причисляется къ flagrant delit потаенной проституціи“.

Во всѣхъ случаяхъ, вслѣдствіе рапорта, подписаннаго двумя агентами, проститутка призывается письмомъ въ бюро нравовъ; а если она отказывается явиться на этотъ призывъ, то по приказанію начальника бюро нравовъ, который судитъ о важности факта, она можетъ быть арестована и приведена силою.

Когда она явилась передъ начальникомъ бюро нравовъ, этотъ послѣдній подвергаетъ ее допросу объ ея семействѣ, о прежней жизни, занятіяхъ и пр.; онъ сохраняетъ писанную отмѣтку этого допроса, чтобъ составить основанія списка; къ этому списку онъ присовокупляетъ актъ рожденія проститутки, получаемый имъ вслѣдствіе официальнаго письма, писаннаго отъ имени префекта полиціи, и адресуемаго къ меру общины, въ которой по словамъ проститутки она родилась.

---

*) Извѣстно, что всѣ, ночующіе въ меблированныхъ комнатахъ въ гостинницѣ, должны быть постоянно вносимы въ списокъ, имѣющійся у хозяина заведенія. Это записыванье, кромѣ имени, возраста и занятій, должно содержать еще мѣсто послѣдняго жительства, а по отъѣздѣ мѣстонахожденіе.

**) Maison de Passe посѣщаются разрядными женщинами изъ категоріи одиночекъ, которыя предъявляютъ доказательства своего ремесла; эти дома—истинныя мышеловки для потаенной проституціи. Дозволеніе держать подобный домъ дается только подъ условіемъ, акцептированнымъ хозяйкой, давать знать начальнику бюро нравовъ имя и описаніе примѣтъ всѣхъ разрядныхъ и незаписанныхъ проститутокъ, являющихся совершать акты разврата.

Если изъ совокупности справокъ вытекаетъ, что женщина рѣшительно отказалась отъ работы, что она не имѣетъ болѣе другихъ средствъ для существованія, кромѣ проституціи, если она найдена зараженной венерической болѣзнью и на возвратъ ее къ честной жизни нѣтъ болѣе надежды, тогда начальникъ бюро нравовъ испрашиваетъ отъ префекта или мера дозволеніе записать ее въ разрядъ публичной проституціи.

Родители, если дѣло идетъ о малолѣтней, или мужъ, когда оно касается замужней женщины, должны быть призваны, чтобъ взять обвиненную и пещись объ ея нуждахъ, наблюдая за ея поведеніемъ.

Записыванье въ разрядъ публичной проституціи имѣетъ мѣсто: 1) по просьбѣ женщинъ—это добровольное записыванье; 2) по приказанью префекта или мера—это по обязанности.

Но прежде, чѣмъ идти далѣе, слѣдуетъ изслѣдовать возраженія, которыя дѣлаютъ противъ внесенія въ разрядъ несовершеннолѣтнихъ.

Записыванье несовершеннолѣтнихъ.

Въ нѣкоторыхъ городахъ уставы не позволяютъ офиціально записывать несовершеннолѣтнихъ. Напримѣръ, въ Ліонѣ: „несовершеннолѣтнія не записываются ни по ихъ просьбѣ, ни по обязанности; онѣ только терпимы, когда нельзя ничего сдѣлать лучшаго, и тогда подвергаются санитарнымъ визитамъ, какъ разрядныя проститутки. Онѣ никогда не могутъ находиться въ публичныхъ домахъ“.

Я уже замѣтилъ, что внесеніе въ реэстръ не имѣетъ другой цѣли, кромѣ составленія списка терпимыхъ и подвергаемыхъ санитарнымъ визитамъ проститутокъ. Такимъ образомъ, изъятіе, дѣлаемое ліонской администраціей для несовершеннолѣтнихъ, болѣе видимое, чѣмъ дѣйствительное. Несовершеннолѣтнихъ записываютъ въ ту минуту, когда составляютъ списокъ тѣхъ проституированье которыхъ терпимо подъ условіемъ санитарныхъ визитовъ.

Этотъ родъ разборчивости нѣкоторыхъ мѣстныхъ администрацій по предмету записыванья несовершеннолѣтнихъ,

ставшихъ опасными для нравственности и общественнаго здоровья, кажется мнѣ крайне нелогичнымъ. Или положительно должно препятствовать проституціи несовершеннолѣтнихъ, тогда слѣдуетъ помѣщать въ пенитанціарныя тюрьмы до совершеннолѣтія всѣхъ тѣхъ, которыя отказываются отъ работы, которыя живутъ торговлей своимъ тѣломъ и причиняютъ публичные скандалы и опасности, на которые мы указали; или должно отказаться отъ терпимости проституціи этихъ дѣвушекъ, и тогда слѣдуетъ подчинить ихъ частному надзору и періодическимъ санитарнымъ визитамъ, то есть лишить ихъ общаго права, то есть записать ихъ. Средины быть не можетъ.

Развѣ несовершеннолѣтнія, уличенныя въ проступкѣ или преступленіи, не наказываются судейскимъ трибуналомъ? Этого требуетъ защита общества, несмотря на совершеннолѣтіе возраста.

Отвѣтственность администраціи достаточно прикрыта бумагами списка, который въ одно и тоже время опредѣляетъ и неисправимую испорченность даже несовершеннолѣтней, и постоянную опасность, которою она угрожаетъ общественному здоровью.

Вотъ, по моему мнѣнію, въ чемъ должно заключаться защитительное дѣйствіе администраціи касательно несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ.

„Администрація полиціи должна преслѣдовать съ чрезвычайной строгостью всякаго, кто оскорбитъ нравы, возбуждая, благопріятствуя или облегчая распутство или растлѣніе юношества того или другаго пола, ранѣе двадцати одного года", и особенно, „если проституція или растлѣніе было возбуждено, покровительствуемо или облегчаемо ихъ отцомъ, матерью, опекуномъ или другимъ лицомъ, имѣвшимъ надъ нимъ надзоръ" (Code penal, part., 334). Администрація полиціи учреждена именно для этого. Приложеніе этой статьи уменьшитъ проституцію малолѣтнихъ, но должно сознаться, что всегда останется довольно значительное число дѣвушекъ моложе двадцати одного года, безъ жилища, безъ бумагъ, чужестранокъ, отказывающихся отъ всякаго рода работы, отдающихся первому встрѣчному, которыхъ полиція будетъ забирать на улицахъ, и которыхъ она всегда будетъ снова встрѣчать въ maisons de passe, въ кафе, на публичныхъ балахъ, въ ка-

бачкахъ, всегда въ сопровожденіи новаго любовника, глухихъ къ совѣтамъ, нечувствительныхъ къ наказаніямъ и постоянно зараженныхъ сифилисомъ.

Что дѣлать съ этими оборышами общества? Сажать въ тюрьму до совершеннолѣтія или записывать? Но тюремное заключеніе есть наказаніе, которое можетъ быть назначено только трибуналомъ, а если трибуналъ отказывается оное назначить,—что дѣлать тогда? Я не боюсь утверждать вмѣстѣ съ Parent Dushatelet, что записыванье представляется опять таки, какъ необходимое и единственное охраненіе общества противъ скандаловъ и опасностей проституціи, производимой даже несовершеннолѣтними.

Въ Парижѣ на 12,550 женщинъ, внесенныхъ полиціей въ списки отъ 1816 до 1832 года, 2,043 были записаны моложе осьмнадцати лѣтъ и 6,247 моложе двадцати одного года.

Но и контингентъ слабыхъ и неопытныхъ дѣтей также весьма значителенъ. Въ Лондонѣ есть даже публичные дома, состоящіе изъ дѣвочекъ не старѣе 14 лѣтъ. Въ потаенной проституціи встрѣчаются даже дѣти 9, 8 и 7 лѣтъ! И эти крохотныя проститутки уже имѣютъ любовниковъ между подобными же мальчуганами, и уже знакомы со всѣми тайнами своей отвратительной практики. Доктору Реайну приходилось даже лѣчить подобныхъ малютокъ отъ сифилиса. Въ Эдимбургѣ по словамъ Тэта существовалъ господинъ, который заключилъ съ хозяйкой одного публичнаго дома условіе доставлять ему регулярно каждую недѣлю по двѣ несовершеннолѣтней невинности. Полиція обыкновенно строго преслѣдуетъ этотъ гнусный промыселъ и отказываетъ въ инрегистраціи малолѣтнимъ, но въ концѣ всегда бываетъ вынуждена дать позволеніе на занятіе легальной проституціей.

Добровольная инрегистрація проститутки, уже бывшей записанной прежде и являющейся съ намѣреніемъ продолжать свое ремесло, не требуетъ другихъ причинъ, кромѣ подтвержденія прежняго занятія проституціей въ другихъ городахъ.

Администрація полиціи рѣшается записывать несовершеннолѣтнихъ по ихъ просьбѣ только послѣ истиннаго избытка предосторожностей и доказательствъ.

Наконецъ вотъ протоколъ записыванья *по обязанности*

одной молодой дѣвушки. Изъ него увидятъ до такой степени осторожности доходитъ въ этомъ случаѣ администрація; кажется, будто она предвидитъ упреки, которые могутъ ей сдѣлать, и до самыхъ мелочей приготовляетъ свое оправданіе:

Что касается до замужнихъ женщинъ, то призывается мужъ, чтобъ взять ее или дать свое согласіе на записыванье, когда освѣдомленія полиціи нашли оное необходимымъ.

Мы видѣли, что записыванье можетъ быть потребовано проституткой—это добровольное, и администраціей—это обязательное.

Всего чаще потаенная проститутка, не престанно преслѣдуемая и ловимая агентами, является сама заявить о желаніи записаться, что предоставляетъ ей право поступить въ публичный домъ или посѣщать maisons de passe, или производить у себя на дому торговлю собою, не будучи безпокоимой, подъ условіемъ, повиноваться уставамъ, управляющимъ публичной проституціей и непремѣнно подвергаться санитарнымъ визитамъ.

Такимъ образомъ добровольныя записыванья гораздо многочисленнѣе обязательныхъ.

Еслибъ случилось, что проститутка, обязательное записыванье которой было бы рѣшено, отказалась подписать списокъ и получить билетъ проститутки, то ее принудили бы къ тому угрозой тюрьмы.

Эта суровость вполнѣ оправдана многочисленными преступленіями потаенной проституціи, выставленными доносами на оную, постыдными болѣзнями, доказанными у ней, и кучей освѣдомленій, медленно собранныхъ начальникомъ полиціи. Но сопротивленія совершенно исключительны; мотивомъ оныхъ никогда не бываетъ рѣшимость начать правильную и честную жизнь, и когда они проявляются, то потому, что проститутка желаетъ избавиться отъ санитарныхъ визитовъ, все-таки продолжая жить развратомъ. Суровость, употребленная въ подобномъ случаѣ начальникомъ полиціи, должна быть разсматриваема какъ необходимость; въ ней нѣтъ ничего, что должно возмутить законовѣда, ревнующаго о свободѣ гражданъ.

Если между тѣмъ проститутка положительно отказа-

лась подписать, то объ ея отказѣ дѣлается примѣчаніе внизу протокола и тѣмъ все кончается.

Иногда случается, что женщина, позванная къ суду въ первый разъ какъ потаенная проститутка, энергически протестуетъ противъ донесенія агентовъ, въ такомъ случаѣ начальникъ бюро нравовъ, спрашивающій ее, легко можетъ распознать, по ея отвѣтамъ, правда ли, что она обладаетъ правильными средствами для существованія, и что она не имѣетъ ни привычки къ проституціи, ни намѣренія предаться ей. При подобномъ обстоятельствѣ положеніе обвиненной, ея увѣренность, негодованіе, безнадежность, съ какой она отвергаетъ сообщеніе агентовъ, вполнѣ достаточны для доказательства, что эти послѣдніе были обмануты причудливой наружностью и что вышли изъ границъ своего полномочія.

„На самомъ дѣлѣ, въ столичномъ городѣ, содержащемъ въ себѣ неисчислимые элементы безпорядка, надзоръ, требуемый публичной проституціей, открываетъ часто ошибки, которыя хотя и противорѣчатъ нравственности, но все-таки не могутъ быть ни разсматриваемы какъ проявленія проституціи, ни вызывать мѣръ, предметомъ которыхъ послѣднія обыкновенно бываютъ“.

„Такимъ образомъ случается, что замужнія женщины, что молодыя дѣвушки, которыя потеряли несовсѣмъ чувства цѣломудрія, ослѣпленныя преступной страстью, отдаются мужчинамъ, привыкшимъ къ волокитству, которые вводятъ ихъ безъ ихъ вѣдома въ пріюты разврата.“

„Въ подобномъ случаѣ важно избѣгать замедленія, которое возымѣло бы самыя досадныя послѣдствія, для лицъ, продолженное отсутствіе которыхъ открыло бы их ошибки безъ пользы для нравственности, и разрушая семейное спокойствіе“.

Всѣ эти разсужденія даютъ понятіе о томъ, какъ важно и деликатно назначеніе начальника бюро нравовъ. Не только его рѣшеніе и его твердость должны царить надъ разрядной проституціей, поддерживать „не ободряя и примирять то, что непремиримо: общественную нравственность и пороки цивилизаціи, совершенно не излѣчимые; не только онъ исполняэтъ трудную обязанность посредника между полиціей и общественной гигіеной, но

еще и особенно онъ рѣшаетъ участь потаенныхъ проститутокъ по тѣмъ предложеніямъ, которыя онъ представлялъ высшей власти. Очень значительное число молодыхъ дѣвушекъ являются передъ нимъ ежегодно и его поступки, его приказанія, его совѣты могутъ предохранить отъ ужасовъ публичной проституціи толпу, несчастныхъ уже скользящихъ изъ нищеты въ порокъ. Нѣтъ учрежденія, нѣтъ магистратуры, которая требовала бы болѣе дѣятельности, терпѣнія и честности. Подобная должность, которая предаетъ въ руки одного человѣка столько важныхъ интересовъ, даже, такъ сказать, будущность народа, будущность столькихъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя черезъ него избѣгнуть быть можетъ стыда и безплодія, огрубенія,— подобная должность не можетъ быть прилично выполнена низшимъ чиновникомъ способности, и познанія котораго не внушаютъ достаточнаго уваженія, и котораго посредственное жалованье предоставляетъ въ добычу денежному соблазну вмѣстѣ съ жизненною необходимостью.

Никакая реформа не могла бы быть полезнѣе той, которая состояла бы въ повышеніи должности начальника бюро нравовъ и въ порученіи оной только людямъ доказанной нравственности и способности.

Въ большинствѣ большихъ городовъ власти, облеченныя высшимъ управленіемъ полиціей, охотно увѣряютъ себя, что общества врачей организованныя для санитарныхъ осмотровъ разрядныхъ проститутокъ совершенно достаточны для охраны общественнаго здоровья и почти повсюду надзоръ за потаенной проституціей оставляетъ желать еще многаго. Надзоръ этотъ, который долженъ бы продолжаться день и ночь, потребовалъ бы многочисленнаго личнаго состава спеціальныхъ агентовъ, способныхъ и не утомимыхъ, а слѣдовательно повлекъ бы за собою расходы, въ которыхъ муниципалитеты и префекты отказывали бы столько времени, пока не убѣдились бы въ его необходимости.

Только въ Парижѣ, какъ мнѣ кажется, эта служба организована удовлетворительнымъ образомъ. Есть тридцать восемь агентовъ, хорошо выбранныхъ и хорошо вознаграждаемыхъ подъ начальствомъ дѣятельнаго и опытнаго шефа; имъ помогаютъ всѣ городскіе сержанты, и результаты таковы, что для незаписанной проститутки истинно

трудно жить проституціей, то есть являться публично на улицахъ и посѣщать публичныя мѣста, чтобъ заманивать къ себѣ не будучи вскорѣ взятыми на мѣстѣ преступленія и препровождеными въ бюро нравовъ.

Такимъ образомъ въ одномъ изъ первыхъ формулированныхъ имъ заключеній авторъ требуетъ энергическаго сдерживанья потаенной проституціи.

Въ Бордо персоналъ инспекторовъ нравовъ, состоящій изъ шести агентовъ не соотносителенъ съ обширнымъ пространствомъ города, и надзоръ въ округѣ оного оставляетъ много желать. Слѣдовало бы усилить надзоръ и распространить городской округъ.

Въ Клермонъ-Ферранѣ, по словамъ Прадье, „рулезы (rouleuses) составляютъ особенный классъ потаенной проституціи. Онѣ не имѣютъ постояннаго жилища и спятъ въ garnis подвальныхъ этажей, а лѣтомъ даже въ полѣ. Онѣ уводятъ на проселочныя дороги, въ виноградники, или въ хлѣбныя поля солдатъ, которые знаются съ ними и бываютъ ихъ обычными кліентами. Эти же женщины всего чаще сообщали болѣзни, которыми тѣ страдали... Истинныя виновницы, которыхъ солдаты не могутъ или не желаютъ назвать, чтобъ не краснѣть за нихъ, суть девяносто разъ изо ста, эти рулезы, которыя избѣгаютъ отчасти административнаго и санитарнаго надзора".

Вотъ убѣжденіе Дюшеня о потаенной проституціи:

«Этотъ родъ проституціи относительно нравовъ и его злокачественнаго вліянія, несравненно важнѣе публичной проституціи; эта то проституція портитъ и развращаетъ невинность... парализируетъ власть, презираетъ ее повсечасно и безнаказанно распространяетъ ужасное зараженіе».

Наконецъ медицинская статистика арміи за 1864 годъ, публикованная военнымъ министромъ, объявляетъ, „что медики всѣ согласно утверждаютъ, что число зараженныхъ людей всегда находится въ отношеніи съ степенью надзора мѣстныхъ властей надъ публичной и потаенной проституціей".

Намъ было бы легко умножить эти выписки, потому что всѣ авторы-спеціалисты разсматриваютъ воспрещеніе потаенной проституціи, какъ капитальную важность съ точки зрѣнія предохраненія отъ венерическихъ болѣзней, и кромѣ того воспрещеніе потаенной проституціи есть

первое условіе организаціи санитарной полиціи, какъ записыванье проститутокъ служитъ здѣсь средствомъ.

Изъ этихъ разсужденій мы заключаемъ, что воспрещеніе потаенной проституціи предоставляетъ великую важность. Всѣ административныя, всѣ санитарныя мѣры, какія могутъ быть предписаны, чтобъ предупредить отъ скандаловъ и опасностей публичной проституціи, и предохранить отъ распространенія венерическихъ болѣзней, становятся почти призрачными, если пренебрегаются услуги полиціи въ томъ, что касается потаенной проституціи, то есть въ томъ, что принадлежитъ до инскрипціи незаписанныхъ.

Проституція въ Россіи

ПРОСТИТУЦІЯ ВЪ РОССІИ.

ГЛАВА I.

Взглядъ на древне-русское общество.—Положеніе въ немъ женщины.—Развратъ въ древней Руси шелъ совсѣмъ особеннымъ путемъ.—Начало проституціи.—Ея отличительныя формы.

Совершенно изолированная вначалѣ отъ жизни западно-Европейскихъ государствъ, совершенно незнакомая съ традиціями древняго античнаго міра, на которыхъ были вскормленны народы Запада, Русь развивалась болѣе самостоятельно, болѣе своебычно. Съ принятіемъ христіанства, подчинясь вліянію Византіи, Русская земля едва-ли приняла тѣ пороки византійскаго общества, тотъ развратъ высшихъ классовъ, противъ котораго были безсильны и строгія мѣры наказаній, принимаемыя императорами и обличительныя, исполненныя яркимъ и справедливымъ негодованіемъ рѣчи учителей церкви. Наши сношенія съ Восточной имперіей были почти исключительно торговыя, да и то ограничивались только нѣкоторыми главными центрами, Кіевомъ и преимущественно южными окраинами, тогда какъ сѣверъ принималъ самое незначительное и даже, пожалуй, вовсе не принималъ никакого участія въ нихъ. Это вліяніе Византіи ограничивалось вначалѣ преимущественно дѣлами вѣры, которую мы приняли отъ грековъ, и книжнымъ ученіемъ. На семейный и общественный бытъ въ первыя времена существованія Руси и даже позже греческая цивилизація никогда не была въ состояніи набросить свой отпечатокъ. Это зависѣло опять-таки отъ того, что сношенія Русской земли съ греками ограничивались почти одной только торговлей.

Даже вліяніе христіанства вначалѣ ограничивалось только югомъ, а на отдаленномъ сѣверѣ народъ еще долго и крѣпко держался за свои языческія вѣрованія, за своихъ кумировъ и волхвовъ.

Русь жила совершенно отдѣльною самобытною жизнью до самаго того времени, пока желѣзная воля преобразователя не принудила ее стать лицомъ къ лицу съ Европой. Но отъ начала Руси до этого времени прошло чуть что не тысячу лѣтъ и во весь этой долгій періодъ русское государство жило почти совсѣмъ отдѣльно, особнякомъ отъ средневѣковой Европы. Какъ тамъ, такъ и у насъ шла почти одновременно борьба, но характеръ этой борьбы совершенно различенъ. Въ западной Европѣ борьба феодаловъ и городовъ съ властью королей; у насъ борьба удѣловъ съ возрастающимъ могуществомъ Москвы, и въ то же время борьба за свою самостоятельность съ завистливыми сосѣдями, борьба съ Монголами, Литвою и т. д. Но это происходитъ гораздо позже, происходитъ это на сѣверо-востокѣ, а не на югѣ, гдѣ собственно начинается исторія нашего отечества.

И какъ политическая, государственная жизнь древней Руси ни въ чемъ не походила на жизнь Западной Европы, такъ ни въ чемъ не походила и семейная и общественная жизнь. Формы семейныхъ отношеній всегда обусловливаются соціальными порядками; то или другое явленіе общественной жизни вызывается и можетъ быть вызвано только всѣмъ общественнымъ строемъ. Такимъ образомъ феодализмъ и рабство, насиліе и угнетеніе, роскошь и утонченный развратъ, заимствованный европейской аристократіей, грубой, необузданной и страстной, отъ великаго Рима,—при самомъ ея возникновеніи породили публичную проституцію. У насъ никогда не было аристократіи и никогда не было рабства въ томъ смыслѣ, въ какомъ они существовали въ средневѣковой Европѣ и въ античномъ мірѣ. У насъ не существовало этихъ двухъ могущественнѣйшихъ факторовъ публичнаго разврата, а потому долгое время не существовало и проституціи въ тѣсномъ значеніи этого слова. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобъ въ древней Руси развратъ *былъ* вовсе неизвѣстенъ, тотъ грубый и

страстный развратъ, который всегда бываетъ предшественникомъ публичной торговли живымъ мясомъ, т. е. того, что мы собственно привыкли называть проституціей—изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ нашимъ предкамъ не была извѣстна домашняя проституція. У великаго просвѣтителя Русской Земли — Владиміра, когда еще онъ былъ язычникомъ, былъ цѣлый и очень немаленькій гаремъ, состоявшій чуть ли не изъ нѣсколькихъ сотъ наложницъ. Лѣтописи наши весьма скудны извѣстіями по занимающему насъ предмету, наша первоначальная литература имѣетъ преимущественно духовный характеръ и также бѣдна указаніями по этой части. Изъ этого можно предположить, что тотъ видъ публичнаго разврата, т. е. именно промыселъ имъ, былъ совсѣмъ неизвѣстенъ въ первыя времена послѣ начала Руси, хотя ничто не даетъ намъ права настойчиво увѣрять, что въ высшемъ классѣ, представляемомъ княжеской дружиной, не существовало никакихъ задатковъ, никакихъ началъ, порождающихъ проституцію. Въ народныхъ былинахъ, въ этомъ зародышѣ эпоса сохранилось нѣсколько чертъ, которыя прямо указывать на то, что народные герои—богатыри вовсе не отличались особеннымъ цѣломудріемъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Алеша Поповичъ и Чурила Пленковичъ. Да и героини этихъ поэтическихъ разсказовъ не всегда отличаются особенной скромностью и стыдливостью.

Напр. одна былина передаетъ намъ о томъ, какъ русскій богатырь ѣдетъ по чистому полю и видитъ стоитъ въ полѣ томъ бѣлый шатеръ, а у шатра привязанъ богатырскій конь; подъѣзжаетъ богатырь къ шатру и привязываетъ къ нему своего коня, а самъ идетъ въ шатеръ, въ которомъ находитъ спящую красную дѣвицу. Безъ дальнихъ разговоровъ ложится онъ съ тою дѣвицею на постелюшку и т. д. Конечно тутъ еще нѣтъ и слѣда того, что мы называемъ проституціей, но, по нашему мнѣнію, этотъ разсказъ довольно ясно указываетъ, что уже при самомъ началѣ, еще въ эпоху Владиміра, отношенія половъ не отличались особенною строгостью, и что русскіе богатыри, какими они сохранились въ народномъ воображеніи, вовсе не прочь были позабавиться

съ красной дѣвицей. Къ несчастью наша деревняя литература, сосредоточенная въ однихъ только лѣтописяхъ да въ духовныхъ сочиненіяхъ, не сохранила для насъ ни одного цѣльнаго женскаго образа, если не считать личности Рогнѣды, жены Владиміра Святого, — этой пылкой, ревнивой и мстительной женщины, не задумавшейся даже предъ убійствомъ своего мужа, когда мужъ этотъ поразилъ ея сердце измѣной. Позже, въ книжныхъ сочиненіяхъ, женщина является порожденіемъ грѣха, но объ этомъ мы скажемъ впослѣдствіи, а теперь продолжимъ сравненіе древне-русскаго общества съ средне-вѣковымъ западно-европейскимъ обществомъ.

Средневѣковое общество, развившееся на почвѣ римской культуры, обязанное своимъ могуществомъ грубой силѣ и дикому произволу, породило феодализмъ и такъ называемое кулачное право. Въ Западной Европѣ государства возникали вслѣдствіе завоеваній, и надменные завоеватели не очень-то чинились съ туземными жителями, у которыхъ они отнимали все, даже личную свободу. Побѣдители превращаются въ могущественныхъ бароновъ, побѣжденные—въ рабовъ. Сила и власть была на сторонѣ побѣдителей, и феодалы Европы въ теченіе, многихъ вѣковъ, злоупотребляютъ этой силой и этой властью съ какою-то даже ненасытностью. Мало того, что они отнимаютъ у своихъ вассаловъ ихъ имѣніе, ихъ женъ, они даже отнимаютъ у нихъ честь,—это самое драгоцѣнное достояніе человѣческой личности. Они растлѣваютъ ихъ женъ и дочерей, уводя и насилуя ихъ въ своихъ неприступныхъ замкахъ, и такимъ образомъ, проституція впервые порождается двумя противоположными агентами — феодализмомъ, закованнымъ въ желѣзо, и рабствомъ, вынужденнымъ покорно подчиняться его произволу.

Кромѣ того нищета, порождаемая безпрерывными войнами, безчеловѣчными поборами, неурожаями и страшными эпидеміями, столь частыми въ средніе вѣка, также могущественно вліяла на распространенность публичнаго разврата, на этотъ постыдный и ужасный промыселъ торговли своимъ тѣломъ. Куда было дѣваться всѣмъ этимъ голоднымъ, холоднымъ, бездомовнымъ, брошеннымъ своими мужьями женщинамъ?

Трудъ цѣнился ни во что, жилищъ у нихъ не было, не было и покровителей. Имъ оставался одинъ путь и одно пристанище: обширный, громадный рынокъ публичнаго разврата, на которомъ никогда не было недостатка въ покупателяхъ. И эти несчастныя шли на громадный рынокъ, на которомъ съ ужасающимъ безстыдствомъ продавался и покупался живой товаръ.

Непрестанная вражда феодаловъ между собою, борьба королей съ непокорными баронами, безпрерывная почти борьба съ сосѣдями—все это порождало въ средневѣковой Европѣ почти непрерывныя войны, а всѣ старинныя войны сопровождались повальнымъ растлѣніемъ женщинъ, попадавшихся солдатамъ. Холостые или оторванные отъ семей, они дѣйствовали развратительно даже во время мирныхъ стоянокъ, обольщая однѣхъ, насилуя другихъ, увозя съ собою третьихъ.

Безбрачіе монаховъ и бѣлаго католическаго духовенства, обладавшаго несмѣтными богатствами, развращали народъ едва ли не сильнѣе аристократіи. Католическіе пасторы заводили для себя цѣлые гаремы. Монахи, какъ голодные волки, бросались на женщинъ. Духовники соблазняли своихъ исповѣдницъ, и такимъ образомъ духовенство въ средневѣковой Европѣ является едва ли не самымъ главнымъ факторомъ публичнаго разврата.

Позже такимъ же могущественнымъ факторомъ проституціи явились въ средневѣковой Европѣ университеты, въ которыхъ иногда скучивалось до 15.000 студентовъ. Наконецъ многочисленныя религіозныя секты, въ особенности же Тампліеры, сильно пособляли развитію публичнаго разврата.

Ни одного изъ этихъ факторовъ не могло быть въ древней Руси.

Начало русскому государству было положено не завоеваніемъ, а добровольнымъ призваніемъ князей, а потому не могло появиться того сословія, которое въ западной Европѣ явилось въ видѣ феодальныхъ бароновъ. Дружина княжеская пользовалась только частью дани съ покоренныхъ народовъ и никогда не была многочисленна. Никогда на Руси не развивалось тѣхъ отношеній побѣдителей къ побѣжденнымъ, какія мы

видимъ на Западѣ. Рабство хотя и существовало, но рабами становились только плѣнные, да и тѣ преимущественно были обязаны давать своимъ господамъ часть съ земледѣльческихъ продуктовъ, и только. Остальное народонаселеніе находилось въ прямой зависимости только отъ князя, владѣвшаго извѣстной областью, удѣломъ. Дружинники княжескіе хотя впослѣдствіи и владѣли большими участками земли, но только эта земля и составляла ихъ собственость, жители же были людьми свободными, и если продавались въ кабалу, то по собственному желанію. Собственно крестьянство, не въ смыслѣ земледѣльческаго сословія, а въ смѣслѣ рабства, появилось у насъ уже гораздо позже, собственно въ московскомъ государствѣ.

Такимъ образомъ у насъ, какъ мы сказали, въ самомъ началѣ не существовало двухъ самыхъ главныхъ факторовъ разврата: аристократіи, — аристократіи буйной, самовластной и развратной, — и безмолвнаго безсильнаго рабства.

У насъ долгое время не было и солдатства, того солдатства, которое наводняло западную Европу. Въ самомъ началѣ у князей была только дружина, которая самымъ своимъ названіемъ указываетъ на отношенія существовавшія между ею и княземъ. Впослѣдствіи, во время удѣльнаго періода, войско состояло, кромѣ дружины, изъ чужеземныхъ наемниковъ: Нормановъ, Половцевъ, Печенѣговъ и пр., которые призывались только на время войны и хотя, быть можетъ, эти наемники не особенно нѣжно и ласково распоряжались во враждебныхъ областяхъ, хотя, вѣроятно, предавались грабежу во вражеской землѣ, они не очень щадили женщинъ, но по тому уже самому, что они не составляли постоянной касты, постяннаго населенія,—эти наемныя, то появлявшіяся, то исчезавшія войска не могли имѣть такого развратительнаго вліянія, какое имѣли на народныя массы латники и копейщики, съ рыцарями вмѣстѣ, въ западной Европѣ.

И позже, во время возвышенія Московскаго государства, мы все-таки не имѣли постояннаго регулярнаго войска, а въ случаѣ войны изъ боярскихъ дѣтей и служилыхъ людей составлялось народное ополченіе,

которое тотчасъ же расходилось по домамъ, какъ только война оканчивалась. Стрѣльцы и опричнина представляютъ первыя попытки постояннаго войска. Но опричнина, учрежденная Иваномъ Грознымъ и съ нимъ же окончившая свое существованіе, имѣла, главнымъ образомъ, значеніе царской стражи и никогда не была многочисленна, хотя эта ея малочисленность не мѣшала ей едва ли не первой посѣять сѣмена публичнаго разврата, ибо опричники, находившіеся подъ высокой защитой грознаго царя, безчинствовали и разбойничали безъ всякаго удержа. Не хуже любаго феодальнаго барона опричникъ завладѣвалъ чужимъ имуществомъ, увозилъ чужую жену, растлѣвалъ невинныхъ дѣвушекъ, будучи увѣренъ, что его не можетъ постигнуть никакое наказаніе. Знаменитая Александровская слобода была настоящимъ громаднымъ домомъ непотребства. Бѣшеныя и часто кровавыя оргіи распутства, происходившія въ ней, поражали, если не великолѣпіемъ, то своимъ восточнымъ безобразіемъ. Не было на этихъ оргіяхъ ни кому пощады. Здѣсь находили себѣ пріютъ самыя противоестественныя страсти, и неистовый развратъ блистательныхъ цезарей Рима не могъ бы представить ничего болѣе возмутительнаго и болѣе безобразнаго.

Такимъ образомъ, вначалѣ, въ древней Руси, не существовало трехъ главнѣйшихъ факторовъ публичнаго разврата: аристократіи, рабства и солдатчины, а потому не могло существовать и публичной проституціи, въ той мѣрѣ и въ томъ видѣ, какъ она существовала въ средніе вѣка въ Западной Европѣ.

Кромѣ того, положеніе русской женщины было совершенно отлично отъ положенія женщины въ западной Европѣ.

Послѣдняя хотя и была до нѣкоторой степени рабой своего мужа, все-таки пользовалась относительной свободой. Она явно присутствовала на турнирахъ и празднествахъ, она, какъ царица, раздавала вѣнки и награды рыцарямъ, она была предметомъ поклоненія до самаго вступленія въ бракъ, въ честь ея раздавались пѣсни трубадуровъ и миннезингеровъ, она была то царицей, то рабой, но рабой, которая смѣло, съ открытымъ лицомъ являлась повсюду и публично. Она не скрыва-

лась отъ постороннихъ взглядовъ, и сама принимала гостей повелителя—мужа. Жены и дочери бароновъ не стыдились провожать мужчинъ въ баню и раздѣвать ихъ, часто принуждая послѣднихъ раздѣлять съ собой ложе.

Положеніе женщины въ древней Руси не представляетъ ничего подобнаго. Не видала она ни празднествъ, ни турнировъ, на которыхъ западная женщина присутствовала какъ царица, а постояно сидѣла взаперти въ своемъ высокомъ теремѣ,—въ дѣвичествѣ съ мамушками да нянюшками, съ сѣнными дѣвушками. На боярскихъ пирахъ и потѣхахъ не присутствовали никогда не только дѣвушки, но даже замужнія женщины: всю свою жизнь онѣ должны были проводить въ своихъ свѣтлицахъ, сначала подъ властью отца, потомъ подъ властью мужа.

Особенно замѣчательно книжное воззрѣніе на женщину въ древней Руси. Въ тогдашнихъ книжныхъ сочиненіяхъ, она постоянно является злою, хитрою, коварною. Напр. въ одной старинной книгѣ отецъ говоритъ сыну, что змѣй на свѣтѣ семьдесятъ два рода и самый лютѣйшій изъ змѣй есть аспидъ, который если поселится въ какой-нибудь странѣ, то всю ее опустошитъ. Одного только не можетъ выносить аспидъ: трубнаго звука, и если услышитъ подобный звукъ, то разбивается о камень и издыхаетъ. Такова, говоритъ отецъ, и злая жена. Она не можетъ слышать добраго поученія. Домъ, заканчиваетъ онъ, въ которомъ поселится злая жена, опустѣетъ, ибо нѣтъ никакихъ средствъ противъ женской злобы, ибо женская злоба всѣмъ злобамъ корень.

Женщина является въ этихъ сочиненіяхъ притворщицей, льстивой, сварливой, злоязычной, колдуньей, еретичкой, блудливой и т. д. Ей дается названіе львицы, медвѣдицы, змѣи, скорпіи, василиска и аспида.

Въ томъ же сочиненіи отецъ разсказываетъ сыну слѣдующую притчу, чтобъ увѣрить послѣдняго, что женщина создана на погибель [1]).

---

[1]) Книга о злонравныхъ женахъ или бесѣда отца съ сыномъ о женской хитрости и злобѣ и пр.

„Одинъ добрый человѣкъ жилъ съ злою женою и имѣлъ отъ нея семь взрослыхъ сыновей. Однажды за ея злой нравъ онъ поучилъ ее: наказалъ жезломъ. Она убѣжала изъ дому въ одну пещеру, въ которой жилъ старецъ затворникъ и остановясь передъ дверьми, стала молить старца, чтобъ онъ пустилъ ее къ себѣ и тѣмъ спасъ отъ напрасной смерти. Онъ принялъ ее въ пещеру. Вскорѣ окаянная обольстила старца... Всякій разъ какъ мужъ бивалъ ее, она прибѣгала къ пещеру и говорила: уморю мужа и буду свободна. Старецъ сказалъ: умори. Она уморила и мужа и шестерыхъ сыновей своихъ одного за другимъ, а седьмой сынъ бѣжалъ въ городъ и разсказалъ обо всемъ народу. Люди пошли къ пещерѣ и сожгли старца и жену".

Для насъ этотъ книжный разсказъ интересенъ потому, что прямо указываетъ на отношенія мужа и жены въ древней Руси. Отецъ весьма благодушно повѣствуетъ сыну, что мужъ поучилъ жену съ помощью жезла. Каковъ былъ этотъ жезлъ и каково ученье, онъ не объясняетъ, но можно предполагать, что увѣщеванье было достаточно сильно, потому что даже безсловесная русская женщина рѣшилась на побѣгъ и даже на убійство. Мы это предполагаемъ по аналогіи съ настоящимъ положеніемъ женщины въ крестьянскомъ быту, въ которомъ не рѣдки убійства вслѣдствіе безграничнаго деспотизма мужа, вслѣдствіе его крайне грубаго обращенія со своей женой.

Надо замѣтить, что подобное воззрѣніе на женщину, на ея свойства, выработалось не въ одной книжной литературѣ, но существовало во всемъ тогдашнемъ обществѣ, что конечно могло быть только слѣдствіемъ крайняго невѣжества, царившаго въ древней Руси, невѣжества, вынуждающаго женщину и въ настоящее время къ безмолвной покорности деспоту, мужу, не дающему ей почти никакихъ правъ. Какъ тогда, такъ, въ большинствѣ случаевъ, и теперь идеалъ доброй жены олицетворяется въ существѣ не имѣющемъ ни собственной воли, ни собственной мысли,—въ существѣ совершенно безличномъ. Добрая жена и теперь еще по мнѣнію многихъ должна быть тѣнью своего мужа; она должна безпрекословно покоряться своему владыкѣ,

исполнять всѣ его малѣйшія прихоти, безотвѣтно переносить его поученія, „и словомъ, и жезломъ, и пинаніемъ, и за власы рваніемъ", хотя авторъ Домостроя совѣтуетъ главнымъ образомъ употребленіе доброй плети, дабы не повредить естества. *Она должна ходить передъ мужемъ въ страхѣ.* Должна была сидѣть взаперти въ своемъ высокомъ теремѣ, не показывая свѣтлаго лица своего ни одному постороннему мужчинѣ, безъ приказанія своего мужа.—Та женщина уже не считается честною, которая не сидитъ взаперти дома, пишетъ Герберштейнъ.

Женщина на Руси не имѣла никакихъ гражданскихъ правъ; она получала значеніе только по мужѣ своемъ. Если дѣвушкѣ почему-либо не удавалось выйти замужъ,—то она дѣлалась чуждою обществу и для нея было одно убѣжище—монастырь. „Которыя дѣвицы увѣчны и стары и замужъ ихъ взять за себя никто не хочетъ: и такихъ дѣвицъ отцы и матери постригаютъ въ монастыряхъ безъ замужства" [1]). Родители заботились объ одномъ: какъ бы выростить и выкормить дочерей, а потомъ сбыть ихъ съ рукъ, т. е. выдать замужъ. „Отдавая дѣвушку замужъ—говоритъ Корбъ въ своемъ „Diarium itineris in Moscoviam" у нея спрашивали согласія только для формы. Во все время сватовства невѣстѣ не дозволялось не только говорить, но даже видѣться съ женихомъ. Спросивъ дочь, согласна ли она выйти замужъ за предлагаемаго ей жениха и получивъ разумѣется въ отвѣтъ неизбѣжное „согласна", отецъ ударялъ ее слегка разъ или два плетью говоря: „*Этотъ послѣдній ударъ, дочь моя, пускай напоминаетъ тебѣ объ родительской власти, подъ которой ты жила до сихъ поръ. Ты выходишь теперь изъ-подъ этой власти; но помни, что если не будешь слушаться и уважать мужа, то онъ, вмѣсто меня, станетъ наказывать тебя этою плетью*". Затѣмъ отецъ передавалъ плеть жениху, который, сказавъ, что авось де этого не понадобится, бралъ плеть и затыкалъ ее себѣ за поясъ". Такимъ образомъ дѣвушка поступала изъ-подъ власти родительской подъ власть мужа... Женщины—пишетъ Ма-

[1]) Записка Котошихина.

скѣвичъ—не допускаются въ мужскія бесѣды [1]), женщинамъ не дозволяется даже показываться въ люди, кромѣ одной церкви. Да и тутъ каждый бояринъ, который живетъ въ столицѣ домомъ, имѣетъ для жены церковь, неподалеку отъ своего двора. Если придется боярынѣ въ торжественный праздникъ отправиться въ большую церковь, то она выѣзжаетъ въ колымагѣ, закрытой со всѣхъ сторонъ, исключая боковыхъ дверецъ съ окнами изъ слюды или бычачьяго пузыря; отсюда она видитъ каждаго, ее же никто увидѣть не можетъ, развѣ когда садится въ колымагу или выходитъ изъ нея. Комнаты для женщинъ устраиваются въ задней части дома, и хотя есть къ нимъ ходъ со двора по лѣстницѣ, но ключъ отъ него хозяинъ держитъ у себя, такъ что въ женскую половину можно пройти только черезъ его комнату. Изъ мужчинъ, не допускаютъ туда никого, не исключая и домашнихъ. Дворъ же за комнатами женскими обгораживается такимъ высокимъ полисадникомъ, что развѣ одна птица перелетитъ черезъ него. Въ этомъ-то мѣстѣ женщины прогуливаются; большою честію считается, если мужъ выводитъ къ гостямъ жену или дочерей. Поднося гостю пѣнящагося вина или меда, боярыня ожидаетъ отъ него поцѣлуя. Затѣмъ, по обычаю, уходитъ въ свою свѣтлицу. О степени умственнаго развитія женщинъ того времени вотъ что говоритъ Котошихинъ въ своихъ запискахъ: „Московскаго государства женскій полъ грамотѣ неученъ, и не обычай тому есть, а народнымъ разумомъ простоваты и на отговоры несмышлены и стыдливы: понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужства своего живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственныхъ, чужіе люди никто ихъ, и они людей видѣть не могутъ и потому можно дознаться, отчего-бъ имъ быть гораздо разумными и смѣлыми; также какъ и замужъ выдутъ, и ихъ потому жъ люди видаютъ мало“. По смерти мужа жена упрочивала свое значеніе въ обществѣ, и если не могла или не хотѣла вступать въ новый брачный союзъ, то удалялась большею частію

---

[1]) Даже за обыкновеннымъ столомъ женщины не садились со своими мужьями (Корбъ).

въ монастырь. Такимъ образомъ не будучи полновластнымъ членомъ ни семьи, ни общества, она старалась, если могла, что случалось рѣдко, всѣми мѣрами найти средство вырваться хоть на мгновеніе изъ своей душной тюрьмы, обмануть бдительный надзоръ своего владыки - мужа, или апатично покорялась своей участи, пила, ѣла, спала, сколько ей хотѣлось, развлекалась болтовней сѣнныхъ дѣвушекъ, ѣздила по богомольямъ, терпѣливо переносила мужнины побои и жирѣла не по днямъ, а по часамъ.

Понятно, какъ трудно было, при подобномъ положеніи дѣлъ, развиться въ древней Руси публичной проституціи, особенно проституціи высшихъ классовъ, какую мы встрѣчаемъ въ средніе вѣка въ западной Европѣ. Но такъ какъ люди всегда люди, то половыя стремленія должны были искать себѣ какого-нибудь иного исхода. а потому-то скрытный развратъ, такъ называемая домашняя проституція,—могла и должна даже была развиться быть можетъ сильнѣе, чѣмъ въ средневѣковой Европѣ. Вначалѣ эта проституція, конечно, не могла быть тѣмъ, что мы въ настоящее время называемъ эксплуатаціей своею красотой, непосредственно или черезъ посредство сводней и содержателей публичныхъ домовъ,—тѣмъ, что называется торговлей своимъ тѣломъ. Публичныхъ домовъ непотребства, терпимыхъ правительствомъ, какъ уже сказано, у насъ не существовало долгое время, развратъ существовалъ скрытно, шелъ инымъ путемъ, чѣмъ въ Западной Европѣ, гдѣ онъ шелъ, такъ сказать, при полномъ свѣтѣ дня съ гордо поднятой головой, хотя по временамъ и подвергался самымъ жестокимъ гоненіямъ.

Мы уже видѣли почему не могла у насъ развиться публичная аристократическая проституція такъ, какъ она развивалась на западѣ Европы; но супруги обыкновенно соединявшіеся не по собственному желанію, а по приказу родителей, не всегда согласному съ ихъ собственными наклонностями, не могли питать другъ къ другу особенно нѣжнаго чувства и если исполняли супружескія обязанности, то для того лишь, чтобы избѣжать худой молвы. Между тѣмъ съ одной стороны бездѣйственная и уединенная жизнь замужнихъ жен-

щинъ, жизнь сытная и привольная, въ смыслѣ пищи и питья, развивавшая до неестественности раздраженіе полового инстинкта, нелюбовь, а часто и отвращеніе къ мужу, естественно порождали въ женщинахъ реакцію противъ этихъ правилъ, стремили ихъ къ свободѣ чувства, заставляли ихъ во что бы то ни было желать быть *не только вещью, но любящимъ* и *любимымъ существомъ*. Нелюбящая мужа жена увлекается любовью постороннихъ нравящихся ей мужчинъ, не рѣдко поступая такъ по одному только желанію отомстить мужу или за его неосновательную ревность, или за свою унизительную неволю. Но древняя русская женщина была лишена возможности встрѣчаться съ посторонними мужчинами, вслѣдствіе своего изолированнаго положенія, иначе какъ въ присутствіи мужа, да и то это случалось рѣдко, на пирахъ, а потому, когда ей ненавистно становилось положеніе рабы, или когда не удовлетворялись ея половые инстинкты, она по неволѣ искала отдать свою благосклонность, конечно, только, кому нибудь изъ слугъ или другихъ приближенныхъ лицъ. Такъ въ большинствѣ случаевъ и происходило, хотя, весьма вѣроятно, встрѣчались и иного рода связи, но онѣ не могли быть часты, такъ какъ доступъ въ женскій теремъ былъ строго и сурово охраняемъ и самимъ мужемъ и разными мамушками и нянюшками, которыхъ всегда было множество. И еслибъ одна которая-нибудь измѣнила своей обязанности, своему долгу охранительницы боярской чести, то другія не преминули бы донести объ этомъ мужу, который не пожалѣлъ бы плети. Конечно, связь по любви съ однимъ мужчиной не есть еще развратъ; но во всякомъ случаѣ при развитіи въ женщинахъ половыхъ стремленій вслѣдствіе стѣснительныхъ условій архаическаго порядка, женскій развратъ увеличивается, подаетъ руку безнравственности мужчинъ и вмѣстѣ, соединенными усиліями, они потрясаютъ основы архаическаго семейства и проникнутой его принципами общественной жизни. Такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если въ древней Руси проституція началась собственно въ семействѣ, такъ какъ стѣснительныя условія этого семейства стремили женщину къ выходу на волю и вынуждали ее

изливать неудовлетворенную надлежащимъ образомъ страсть на каждаго мужчину, сколько-нибудь подходящаго къ ея вкусу.

Съ другой стороны мужъ, какъ лицо совершенно свободное и вполнѣ самостоятельное, могъ всегда удовлетворить свою страсть, помимо жены, тѣмъ болѣе, что женщины низшихъ сословій или, какъ тогда выражались, *подлаго рода*, пользовались почти безграничной свободой, отличались безстыдствомъ, безнравственностью и предавались самому необузданному разврату. Здѣсь мы снова видимъ совершенное противорѣчіе съ развитіемъ западной проституціи. Тамъ она имѣла главнымъ источникомъ рабство; у насъ, напротивъ, главными поставщицами были женщины, пользовавшіяся совершенной свободой. Впрочемъ, проституція этого послѣдняго рода явилась уже позже и собственно de jure не существовала, то есть не была терпима и признаваема закономъ, какъ неизбѣжное зло, хотя ей ничто не мѣшало существовать de facto, ибо существовали два главныхъ ея двигателя: бѣдность и половое влеченіе. Но изъ кого же главнымъ образомъ составился контингентъ старинной русской проституціи, и гдѣ она находила себѣ пріюты?

По большей части, какъ мы уже сказали, контингентъ публичной проституціи составляли женщины низшихъ классовъ, которыхъ увлекала въ потокъ разврата всего чаще бѣдность. Изнасилованныя боярами холопки (многія изъ боярскихъ завѣщаній XVII вѣка почти сплошь наполнены именами изнасилованныхъ ими дѣвушекъ и женщинъ),—рѣдко поступали въ разрядъ публичныхъ дѣвицъ, хотя, конечно, бывали и подобные случаи. Молодыя вдовы безъ рода и племени, не пожелавшія уединиться въ монастырь, нерѣдко держали притоны „для добрыхъ молодцовъ", и эти притоны въ сущности были ничѣмъ инымъ, какъ домами непотребства, хотя развратъ происходилъ въ нихъ тайно. Такими же притонами разврата были заѣзжіе или постоялые дворы, питейные дома или кабаки, изъ которыхъ нѣкоторые до сего времени сохранились въ народной памяти подъ именами нѣкогда хозяйничавшихъ въ нихъ знаменитыхъ красавицъ того времени,

напр. кабакъ „Марфутка“ по можайской дорогѣ, „Өеклушка“ на Дѣвичьемъ полѣ, въ Москвѣ „Татьянка“ и т. п.

Нѣкоторые иностранцы-путешественники, писавшіе объ Россіи, или какъ ее тогда называли Московіи, говорятъ въ своихъ описаніяхъ, будто бы встарину проститутки выставляли себя на показъ на базарахъ въ отличной отъ прочихъ женщинъ одеждѣ; но этимъ запискамъ иностранныхъ путешественниковъ не слѣдуетъ вполнѣ вѣрить, такъ какъ не зная ни русскаго языка, ни русскихъ обычаевъ они легко могли заблуждаться, какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ; впрочемъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и на базарахъ, какъ въ мѣстностяхъ наиболѣе людныхъ, проституція находила себѣ убѣжище, какъ находила она себѣ пріютъ въ блинныхъ, харчевняхъ, кабакахъ и т. п. мѣстахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы полагаемъ, что вмѣстѣ съ началомъ нашихъ торговыхъ сношеній съ западноевропейскими государствами и проституція должна была усилиться. Пріѣзжіе иностранцы необходимо должны были завозить къ намъ нѣкоторые свои обычаи, свои нравы, и хотя Русь вообще трудно поддавалась иноземному вліянію, но это главнымъ образомъ касалось семейной жизни высшихъ классовъ, въ которыхъ доступъ для иностранцевъ былъ очень труденъ, чтобъ не сказать болѣе. Что касается до нашихъ соотечественниковъ-бытописателей, то всѣ они, какъ уже сказано нами, большею частью повѣтствовали о дѣлахъ церковныхъ и государственныхъ, и только немногіе, и то вскользь, упоминаютъ о народныхъ и общественныхъ нравахъ.

Вслѣдствіе того, что развратъ происходилъ тайно, дома, въ которыхъ онъ ютился, не подвергались ни малѣйшему надзору, а потому и врачебная часть находилась въ самомъ жалкомъ состояніи, что и не могло быть иначе при глубокомъ народномъ невѣжествѣ и при самомъ ограниченномъ количествѣ медиковъ, которыхъ даже высшія сословія считали колдунами, и готовы были жечь, какъ жгли въ средневѣковой Европѣ колдуній и еретиковъ. Вслѣдствіе всего этого была чрезвычайно сильно развита сифилитическая болѣзнь,

не только между простыми людьми, но и между знатными вельможами: ею заражались и бояре и князья; впрочемъ болѣзнь эта была тогда повсемѣстной, и къ еще большему усиленію сифилиса, кромѣ непосредственнаго зараженія, служила крайняя неопрятность нашихъ предковъ. Бывали эпохи, въ которыхъ она свирѣпствовала съ особенной силой и въ такомъ случаѣ ее считали чуть ли не египетскою казнью, моровой язвой, проказой и т. д. Вообще же болѣзнь эту приписывали силѣ чаръ и волшебству; лечить или „заговаривать“ брались обыкновенно невѣжественные, но пользовавшіеся большимъ значеніемъ въ обществѣ, какимъ они и доселѣ еще пользуются въ простомъ народѣ, разные знахари и колдуны, которые вмѣсто того, чтобъ оказать дѣйствительную пользу, чаще всего только усиливали болѣзнь.

Такимъ образомъ, съ одной стороны мы видимъ, что русская книжная литература представляла женщину олицетвореніемъ грѣха и соблазна, главною причиною гибели мужчины и семьи, съ другой эта женщина, въ самые лучшіе годы жизни, осужденная на уединенную жизнь, жизнь чуть-чуть что не тюремную, идущая замужъ чаще всего противъ своей воли и желанія за нелюбимаго человѣка,—эта забитая безголосая женщина, ради мести и ради естественной но неудовлетворяемой мужемъ потребности, тайно даритъ своей благосклонностью постороннихъ мужчинъ и такимъ образомъ зарождается домашняя проституція, всегда почти предшествующая проституціи публичной.

Потомъ первыя попытки основанія непотребныхъ домовъ мы можемъ замѣтить въ притонахъ для „добрыхъ молодцовъ“, содержимыхъ по большой части молодыми безсемейными вдовами, въ кабакахъ, и т. п. мѣстахъ. Но ни тотъ, ни другой видъ проституціи не походитъ на признанную и терпимую, какъ необходимое зло, проституцію западной Европы, въ которой она развивалась подъ покровительствомъ самого закона, и то бывала легально признаваема, то гонима самыми безчеловѣчными мѣрами съ самой безчеловѣчной жестокостью,—а вслѣдъ затѣмъ снова поднимала голову и разливалась еще болѣе бурнымъ и неудержимымъ потокомъ.

Но намъ вовсе не слѣдуетъ скромничать и горевать о томъ, что предки наши были слишкомъ добродѣтельны и нравственны. Напротивъ, потаенный развратъ на Руси былъ едва ли не сильнѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ. Широкобородые, въ высокихъ шапкахъ, бояре также растлѣвали и насиловали дѣвушекъ и женщинъ, какъ и средневѣковые феодальные бароны. Правда, затворницы боярскихъ теремовъ были гораздо поскромнѣе и пожалуй постыдливѣе женъ и дочерей бароновъ, но это происходило скорѣе отъ того, что ихъ отцы и мужья держали на очень короткой привязи; а такъ какъ онѣ все-таки были живыя существа, изъ плоти и крови, то не оставляли при случаѣ измѣнить своему супругу. Дѣло только въ томъ, что имъ негдѣ было разгуляться, а когда рукою великаго преобразователя сорваны были наконецъ съ нихъ тяжелыя оковы, то бабушки наши ясно доказали намъ, что онѣ не отстанутъ отъ западныхъ образцовъ.

ГЛАВА II.

Реформа Петра.—Значеніе ассамблей.—Вліяніе иностранцевъ на наши нравы.—Нѣмецкая слобода.—Гамильтонъ и др.—Царствованіе Екатерины II. —Медвѣжьи углы.—Первое легальное признаніе проституціи.—Мѣры Императора Павла Петровича, направленныя противъ публичныхъ женщинъ.

Реформы Петра Великаго, коснувшіяся самыхъ основъ русской жизни, отразились какъ на общественномъ, такъ и на семейномъ быту нашихъ предковъ. Упорное сопротивленіе большой части общества было вызвано не однимъ только повелѣніемъ Царя, брить бороды и носить французскіе кафтаны; упорные защитники старины очень хорошо понимали, что реформа шла гораздо глубже, захватывала собою самые существенные принципы древне-русской жизни, должна была уничтожить все, чѣмъ особенно дорожило старинное боярство, перевернуть верхъ дномъ весь общественный строй. Вопервыхъ реформа уничтожала боярство, давая ходъ не породѣ, а уму и способностямъ; вносила новый элементъ въ русскую жизнь, образовывая чиновничество и солдатство. Теперь порода переставала уже имѣть прежнее значеніе. Совѣтниками царя, его приближенными становились уже не бояре, а тѣ кого выбиралъ Царь, какъ людей умѣющихъ понимать и исполнять его великія предначертанія. Но мы не станемъ касаться здѣсь этихъ сторонъ Петровской реформы, ибо онѣ совсѣмъ не подходятъ подъ характеръ этой книги, а займемся вопросомъ о томъ, насколько нововведенія Петра должны были измѣнить семейственный, домашній бытъ нашихъ предковъ и въ какой мѣрѣ эти измѣненія способствовали улучшенію общественнаго положенія женщины, освобождая ее изъ-подъ затворовъ и замковъ уединенной тюремной жизни.

Въ древней Руси, какъ мы говорили, женщина до замужества принадлежала, какъ какая-нибудь вещь, своему отцу, который училъ ее плетью, послѣ замужества—своему супругу, учившему ее тѣмъ же. Выходила она замужъ не по склонности, не по любви, а по приказу

родительскому, всего чаще за человѣка ей ненавистнаго. Всю свою жизнь она проводила взаперти, въ заточеніи, въ крѣпко припертомъ терему, почти не видя никакого общества, кромѣ нянюшекъ, мамушекъ и сѣнныхъ дѣвушекъ, да изрѣдка гостей своего мужа, которымъ была обязана подавать „чару зелена вина“, а тѣ отплачивали ей за это подчиванье поцѣлуемъ. Таковъ былъ обычай, а наши предки крѣпко держались своихъ суровыхъ и непреклонныхъ обычаевъ. Обычаи эти, какъ какая-нибудь несокрушимая стѣна, ограждались отъ вражескаго нашествія людьми стойкими и крѣпкими. Но шумныя волны свѣжей жизни, прорвавъ наконецъ плотину, должны были подмыть и обрушить эту стѣну.

Петръ, задумавъ ввести Россію въ число европейскихъ государствъ, началъ ломкой всего стараго, обветшалаго и дряхлаго. Реформа начата была по его пріѣздѣ изъ-за границы. Тамъ онъ видѣлъ, что женщина, призванная украшать собою общество, участвуетъ во всѣхъ общественныхъ увеселеніяхъ. Наша татарщина показалась ему безобразной послѣ всего, что онъ видѣлъ въ Европѣ. Онъ понялъ, что присутствіе женщины въ обществѣ смягчаетъ нравы, и по своему обыкновенію повелъ дѣло круто. Не взирая на грубые предразсудки и упорство бояръ, онъ принудилъ ихъ вывозить своихъ женъ и дочерей на публичныя собранія (ассамблеи), на которыхъ и самъ постоянно присутствовалъ. Эти ассамблеи, происходившія въ довольно грязныхъ комнатахъ, при тускломъ освѣщеніи, были конечно весьма грубой пародіей на блестящіе балы Версаля, на которыхъ присутствовали блистательные вельможи и дамы двора Людовика XIV. На этихъ ассамблеяхъ встрѣчалось самое разнокалиберное общество. Жены и дочери русскихъ бояръ танцовали не только съ простыми офицерами, но даже съ иноземными мастерами и т. п. Очень не понутру было это принужденіе людямъ стараго закала, но желѣзная воля Петра не знала препятствій и ломала все, что не хотѣло гнуться. Въ небольшихъ тускло освѣщенныхъ комнатахъ, скучивалось множество народа; въ нихъ была духота и давка: запахъ пива и кнастера смѣшивался съ запахомъ сальныхъ свѣчей; жеманные поклоны ново-

испеченныхъ петиметровъ и виконтесъ составляли рѣзкую противоположность съ громкимъ хохотомъ голландскихъ шкиперовъ, съ которыми часто самъ Царь игрывалъ въ шахматы. Все это было грубо и рѣзко, все это бросилось бы въ глаза изящному французскому придворному, привыкшему къ блеску и роскоши Версаля, и вызвало бы на его лицѣ насмѣшливую улыбку, но все это было ново и живо. Старики хмурились, но молодежь веселилась какъ могла, хотя самое веселье не по правиламъ со стороны мужчины, кто бы онъ ни былъ, наказывалось *Орломъ*: такъ назывался огромный кубокъ, наполненный водкой, который виновный въ нарушеніи этихъ правилъ былъ обязанъ выпить. Дѣло въ томъ, что ассамблеи, какъ онѣ ни были смѣшны и даже, быть можетъ, безобразны, все-таки разрушали ту плотину, которая столько времени мѣшала сліянію сословій и сближеніе находилось тогда еще въ самомъ зародышѣ. Какому-нибудь старинному боярину было непріятно и оскорбительно видѣть, что его дочь или жена танцуетъ и даже (о ужасъ!) разговариваетъ съ *нѣмчурой* или съ только что испеченнымъ дворяниномъ, и родъ-то котораго доселѣ былъ неизвѣстенъ. Но эта жена или дочь чувствовала, что въ эту минуту она сама себѣ хозяйка, что ни мужъ, ни отецъ, конечно страшась только царскаго гнѣва, не могутъ запретить ей по своему веселиться. Она должна была, инстинктивно быть-можетъ, понимать, что она теперь хоть на минуту вырвалась на свободу, что ее волю никто теперь не можетъ стѣснить. Пускай дома она станетъ снова безсловесной рабой, но здѣсь она не раба, здѣсь она сама повелительница. Это былъ уже большой шагъ въ развитіи общественной жизни. Женщина хоть на минуту становилась личностью, а не вещью, и она конечно сознавала это. Но нравы петровской эпохи не отличались особенной мягкостью, въ нихъ все еще было грубо и неуклюже, новоиспеченные петиметры только по виду были европейцами, а потому эти ассамблеи нисколько не содѣйствовали улучшенію нравственности и быть-можетъ даже разрушали иногда семейныя связи, однако и того уже было много, что женщина вышла изъ своего подневольнаго заключенія. Она еще не могла

по самому порядку вещей стать не только полноправной съ мужчиной, какъ не стала она и теперь, но все-таки ей дана была хоть самая ничтожная доля свободы, она могла избирать,—избирать себѣ мужа, такъ какъ самъ Царь покровительствовалъ бракамъ по склонности: онъ самъ устраивалъ подобные браки. Въ этомъ не мало помогло вліяніе на него иноземцевъ.

Петръ, какъ извѣстно, любилъ иноземцевъ. Онъ, быть можетъ, даже предпочиталъ ихъ русскимъ. Онъ особенно любилъ посѣщать нѣмецкую слободу, которая какъ указываетъ самое названіе, была сплошь населена заѣзжими гостями. Но иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію, привозили съ собою всѣ привычки своего отечества.

Тогдашняя Европа не отличалась особенной нравственностью. Самый блистательный дворъ,—дворъ Людовика XVI,—поражалъ своимъ развратомъ, то же самое было и въ остальной Европѣ. Иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію, привозили съ собою всѣ тѣ пороки, которыми отличалось тогдашнее европейское общество. Они селились преимущественно въ нѣмецкой слободѣ, а потому мы можемъ предположить, что первые публичные дома разврата основались именно въ ней, хотя на это нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній. Но нѣмецкая слобода была настоящимъ притономъ людей, искавшихъ какихъ бы то ни было развлеченій. Тамъ всего чаще происходили пирушки, тамъ царило полное раздолье относительно выпивокъ и т. п. хотя, вообще, даже вельможи петровскаго времени очень непрочь были выпить и погулять. Въ дневникѣ Корба описываются такія попойки, отъ которыхъ современный намъ человѣкъ придетъ въ невольное изумленіе, какимъ образомъ человѣческая натура можетъ вынести такое нечеловѣческое количество разныхъ питій.

Вообще можно сказать, что нравственность послѣ петровской реформы нисколько не улучшилась. Развратъ началъ проникать во всѣ слои общества. Но такъ должно было быть, ибо всякій переломъ въ общественной жизни влечетъ за собой совершенно новые порядки.

Петръ никогда не отличался особеннымъ ригоризмомъ; онъ самъ любилъ повеселиться: самъ любилъ женщинъ: вельможи и придворные брали примѣръ съ него. По дошедшимъ до насъ источникамъ мы знаемъ какъ они забавлялись: то были грубыя и часто безобразныя забавы,—по большей части забавы хмѣльныхъ, но нѣтъ ничего мудренаго, что эти придворные упражнялись и въ эротическихъ забавахъ. У нихъ легко могли быть метрессы, хотя конечно не такія, какъ метрессы французскихъ вельможъ. Извѣстная исторія фрейлины Гамильтонъ доказываетъ намъ, что и придворныя дамы не отличались особено строгой нравственностью. Гамильтонъ была, какъ извѣстно, казнена смертью за то, что умертвила своего ребенка. Что число дѣтоубійцъ и подкидышей было довольно значительно, доказывется тѣмъ, что Петръ нашелъ нужнымъ завести нѣчто въ родѣ воспитательныхъ домовъ, въ которые принимались незаконнорожденные дѣти. Чрезмѣрный наплывъ иностранцевъ и неизвѣстный въ старой Россіи факторъ разврата—солдатство въ свою очередь должны были усилить проституцію, которая, не получивъ легальной терпимости, по-прежнему производилась тайно. Это мы заключаемъ изъ того, что ни въ одномъ изъ Петровскихъ указовъ, до самыхъ мелочей регулировавшихъ нашу жизнь, мы не встрѣчаемъ указанія на существованіе явной, терпимой проституціи.

Въ блистательный вѣкъ Екатерины II, когда подражательность достигла крайней степени, когда всѣ наперерывъ стремились подражать французскимъ модамъ и французскимъ нравамъ, а во Франціи въ эту эпоху развратъ вельможъ достигъ до чудовищныхъ размѣровъ,—въ этотъ вѣкъ и наши высшіе классы старались не отставать отъ своихъ образцовъ. Крѣпостничество давало обильную пищу для разврата. Надѣвъ на себя шитые кафтаны и пудренные парики, мы въ сущности оставались тѣми же дикарями, какими были до петровской реформы, и во власти этихъ дикарей были милліоны рабовъ. Понятно, что повелители,—эти феодальные бароны,—надъ которыми не было никакого контроля, могли злоупотреблять и злоупотребляли своею властью. Въ своихъ помѣстьяхъ они заводили на-

стоящіе гаремы, для которыхъ невольницы доставлялись крестьянствомъ. Многіе помѣщики возстановили римское jus primae noctis (право первой ночи). Они растлѣвали малолѣтнихъ, насиловали женъ и иногда вызывали кровавую месть. За свое безчинство, за свое неограниченное самовластіе они нерѣдко платились жизнью. Въ *Медвѣжьихъ углахъ* часто разыгрывались кровавыя драмы. Бывали примѣры, что отецъ жилъ съ своей собственной дочерью, прижитою имъ съ любовницей. Намъ пришлось читать одно дѣло, производившееся по поводу растлѣнія однимъ довольно значительнымъ лицомъ своей собственной незаконнорожденной внучки, которой было двѣнадцать лѣтъ. У этого барина въ его обширномъ помѣстьи, былъ отдѣльный посадъ, въ которомъ жили его любовницы и дѣти, и каждый годъ строилась въ немъ изба для новой жертвы барской прихоти и сластолюбія. Спрашивается, чѣмъ этотъ баринъ хуже какого-нибудь феодальнаго барона, который неистовствовалъ въ средніе вѣка?

„То былъ все тотъ же дикій звѣрь,
Въ одеждѣ пышной, но заемной“...

И подобные господа были нерѣдки въ то время,— время блистательныхъ побѣдъ, самаго позорнаго обезьянства и глубоко въѣвшагося въ барскую жизнь грубаго и безпощаднаго разврата, разврата особенно ярко и нагло проявлявшагося въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ онъ не стѣснялся ничѣмъ, гдѣ ему было полное раздолье и воля, гдѣ онъ заводилъ у себя настоящіе турецкіе гаремы съ тою только разницей, что гаремы нашихъ помѣщиковъ наполнялись не посредсвомъ покупки живого товара, а формировались насиліемъ: въ нихъ поступали всѣ дѣвушки и женщины, на которыхъ баринъ бросалъ свой милостивый барскій взглядъ.

Но опять-таки терпимой проституціи, признанной закономъ, пока еще не существовало, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что домовъ публичнаго разврата было не малое количество, такъ какъ въ нихъ нуждалось и мелкое дворянство. Публичная проституція была впервые легально признана при императорѣ Павлѣ Петровичѣ,

который принялъ первыя мѣры противъ публичныхъ женщинъ и повелѣлъ всѣмъ имъ носить желтыя платья, какъ отличительную примѣту ихъ позорнаго ремесла. Такимъ образомъ первая мѣра, указывавшая на существованіе публичнаго разврата, была репрессивная. За тѣмъ въ 1880 году Высочайшимъ указомъ было повелѣно: „развратныхъ женщинъ, какія есть и впредь оказываться будутъ въ обѣихъ столицахъ, отнынѣ отсылать прямо на нерчинскія фабрики". Вслѣдствіе этого указа полиція нашла таковыхъ женщинъ во всей Москвѣ [1]) только сто тридцать девять [2]). Около половины изъ нихъ были солдатки [3]). Всѣхъ ихъ препроводили въ острогъ для ссылки въ Сибирь. У большей части изъ нихъ нашлись близкія родственницы, которыя ежедневно являлись десятками къ главному начальнику Москвы [4]) съ просьбами объ освобожденіи. Сколько именно было ихъ сослано изъ подлиннаго наполненнаго просьбами дѣла не видно [5]).

Вѣроятно, что это Высочайшее повелѣніе послужило поводомъ къ слѣдующему траги-комическому происшествію. Въ 1807 году по всей Московской губерніи разнесся слухъ, что будетъ непремѣнно *наборъ дѣвокъ*. Крестьяне до того были убѣждены въ справедливости этого слуха, что почти всѣхъ дочерей своихъ повыдали замужъ за кого попало и большею частію преждевременно. Главный начальникъ Москвы Тимофей Ивановичъ Тутолминъ, узнавъ объ этомъ, далъ приказаніе городничимъ и земскимъ исправникамъ, вразумить крестьянъ и увѣрить ихъ въ ошибкѣ. — Напрасно вы не сказали намъ этого прежде, отвѣчали крестьяне,— сгубили мы дѣвокъ-то своихъ [6]).

---

[1]) О числѣ женщинъ, занимавшихся въ то время проституціей въ Петербургѣ и открытыхъ тамошнею полиціей, намъ неизвѣстно.

[2]) Число это, конечно, далеко не вѣрно.

[3]) И это весьма понятно, такъ какъ вслѣдствіе почти безпрерывныхъ войнъ, многія лишились своихъ мужей и остались безъ пристанища и хлѣба.

[4]) Гр. Пв. П. Салтыкову, бывшему главнымъ начальникомъ Москвы съ 1-го декабря 1794 года по 1804 годъ.

[5]) См. матеріалы для полной и сравнительной статистики Москвы изд. 1841 г. ч. 1, стр. 298.

[6]) Ibid. Стр. 300.

ГЛАВА III.

Современная проституція въ Петербургѣ и въ Москвѣ. — Усиленіе сифилиса въ Петербургѣ.—Проституція въ Одессѣ. — Сифилисъ въ Тифлисѣ.—Затрудненіе для врачей при отысканіи заболѣвшихъ сифилисомъ въ средѣ крестьянъ.—Мѣры къ прекращенію сифилиса у проститутокъ.

По спискамъ полиціи въ Петербургѣ число женщинъ занимавшихся проституціею къ 1-му января 1866 года; согласно оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, оказалось 1.867, но число это по мнѣнію многихъ составляетъ лишь четвертую часть женщинъ, торгующихъ собою, такъ что настоящая цифра простирается почти до 7.500; изъ нихъ нѣмокъ—$^{4}/_{8}$, полекъ и француженокъ $^{1}/_{8}$ и русскихъ $^{3}/_{8}$. Въ Остзейскомъ краѣ не столько развита сама проституція, сколько приготовленіе къ занятію ею дѣвушекъ, такъ что этотъ край по всей справедливости можетъ назваться разсадникомъ публичныхъ женщинъ [1]. Проститутки по изслѣдствіямъ Паранъ-Дюшатле пользуются лучшимъ здоровьемъ, чѣмъ женщины, имѣющія дѣтей и трудящіяся; если онѣ и страдаютъ общими для всѣхъ болѣзнями, то родъ означенныхъ болѣзней предоставляется болѣе легкимъ; положеніе мастерицъ, которыя ведутъ сидячую жизнь и изнуряютъ себя работами, много хуже положенія проститутокъ въ эпидемическомъ отношеніи и заслуживаетъ большаго сожалѣнія. Вообще ремесло публичныхъ женщинъ гораздо легче и выгоднѣе рукодѣлья. Въ самомъ дѣлѣ, взгляните на жизнь женщинъ, живущихъ хоть въ домахъ терпимости: хорошая теплая квартира, сытная пища, отсутствіе всякой заботы—чего еще хотите вы. Жизнь содержательницы еще лучше. Конечно, есть такія несчастныя, проституирующія женщины, живущія гдѣ день, гдѣ ночь, ночующія въ полпивныхъ или въ частныхъ домахъ, а лѣтомъ иногда и на бульварѣ, но онѣ составляютъ не болѣе какъ исключеніе. Для того, чтобы заниматься какимъ-

[1]) Очеркъ проституціи въ Петербургѣ Н. Б—скаго Арх. Суд. Медиц. и Общ. Гиг. 1868. Декабрь.

нибудь честнымъ трудомъ нужно имѣть знаніе; но большинство публичныхъ женщинъ не имѣютъ ни знаній, ни смысла, ни даже часто возможности снискивать себѣ трудомъ достаточное обезпеченіе; поэтому понятно, что женщина считаетъ свою молодость и красоту единственнымъ капиталомъ, которымъ и распоряжается по своему усмотрѣнію. Вслѣдствіе этого проституція есть необходимое условіе соціальныхъ порядковъ, заставляющихъ извѣстную часть мужчинъ вести жизнь безбрачную, а извѣстную часть женщинъ, лишающихъ возможности зарабатывать достаточное обезпеченіе честнымъ трудомъ. Многія изъ женщинъ, несмотря на то, что имѣютъ другія занятія (впрочемъ мало вознаграждаемыя), какъ напримѣръ швеи, горничныя, кухарки и т. п., занимаются также и проституціею. Молодость, желаніе нарядиться, наконецъ просто половое влеченіе или страсть заставляютъ ихъ бросаться въ объятія мужчинъ и потомъ, будучи покинутыми первыми, переходятъ къ другому. Чѣмъ удобнѣе пути сообщенія, тѣмъ болѣе подвижнѣе дѣлается населеніе, и тѣмъ болѣе отчуждается отъ семейной жизни, а слѣдовательно чрезъ это уменьшается число браковъ и увеличивается число проститутокъ. Въ Москвѣ, напримѣръ, въ прежнее время, т. е. до проведенія желѣзныхъ дорогъ, число домовъ терпимости и проститутокъ было гораздо менѣе, нежели теперь. Точно также до проведенія желѣзной дороги изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ, менѣе проститутокъ отправлялось на нижегородскою ярмарку для торговли собою. Число умершихъ отъ венерическихъ болѣзней въ Москвѣ съ 1834 по 1840 годъ ограничивалось лишь 234 человѣками; въ настоящее время, не взирая на значительное улучшеніе медицинской части и полицейскаго надзора за домами терпимости, число смертныхъ случаевъ отъ подобныхъ болѣзней за такой же періодъ времени будетъ гораздо значительнѣе.

Говоря о развитіи проституціи вообще и о причинахъ, содѣйствующихъ этому развитію, мы замѣтили, что это развитіе идетъ на ряду съ усиленіемъ пролетаріата, нищенства и чрезмѣрнаго скучиванія народонаселенія въ большихъ городахъ. Къ числу этихъ при-

чинъ принадлежитъ также и развитіе торговыхъ международныхъ сношеній, особенно большой наплывъ матросовъ въ большихъ приморскихъ городахъ и торговыхъ портахъ. Современная намъ проституція исходитъ именно изъ этихъ источниковъ. У насъ, въ Россіи, проституція сосредоточилась преимущественно въ обѣихъ столицахъ и особенно въ Петербургѣ, гдѣ ея громадная распространенность вызвала наконецъ серьезное вниманіе администраціи, принявшей въ послѣднее время рядъ мѣръ для предупрежденія скандаловъ, производимыхъ публичнымъ развратомъ. Но мѣры эти должны остаться и, вѣроятно, останутся безплодными до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся общественныя и соціальныя условія, въ которыя поставлена въ настоящее время женщина, пока женскій трудъ не будетъ достаточно вознаграждаемъ и пока она не будетъ поставлена въ обезпеченное положеніе и внѣ необходимости эксплоуатировать собою, чтобъ доставить себѣ кусокъ насущнаго хлѣба. До тѣхъ поръ, пока положеніе женщины въ семьѣ не улучшится и она станетъ равноправной съ мужчиной, дотолѣ явная и потаенная проституція будетъ распространяться съ тою поразительной быстротой, которая замѣчается въ послѣднее время во всей Европѣ. Мы въ этомъ отношеніи не отстаемъ ни на шагъ отъ западныхъ государствъ. Едва ли не самый разительный примѣръ представляетъ намъ въ этомъ случаѣ Одесса, населеніе которой состоитъ преимущественно изъ иностранцевъ, и которая, какъ одинъ изъ главныхъ торговыхъ портовъ, ежегодно посѣщается громаднымъ количествомъ моряковъ всѣхъ націй.

Болѣе $^{2}/_{3}$ публичныхъ проститутокъ приходится на долю туземныхъ женщинъ, что, конечно, зависитъ также и отъ того, что большинство иностранокъ принадлежитъ къ разряду потаенныхъ проститутокъ. Онѣ обыкновенно бываютъ содержанками богатыхъ негоціантовъ, камеліями и т. п. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ Одессѣ, какъ въ портовомъ городѣ, иностранныхъ проститутокъ даже болѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, куда со всѣхъ концовъ стекаются эти искательницы приключеній.

Контингентъ проституціи преимущественно попол-

няется несовершеннолѣтними. Это будетъ совершенно понятно, если мы возьмемъ въ расчетъ всю тяжесть ремесла публичной женщины, вслѣдствіе котораго она преждевременно старѣетъ и дряхлѣетъ. Безсонныя ночи, попойки, часто насильственная отдача себя первому встрѣчному—все это не можетъ не вліять самымъ гибельнымъ образомъ на здоровье проститутки, которая къ тому же, какъ мы видѣли изъ вышеприведенной таблицы, въ большинствѣ случаевъ начинаетъ свою ужасную жизнь, не достигнувъ еще полнаго развитія физическихъ силъ. Къ этому слѣдуетъ еще присоединить заразительныя болѣзни, которымъ такъ часто подвергаются проститутки, и поэтому для насъ станетъ понятно, почему такъ сильна между ними смертность, и почему рѣдкая достигаетъ значительной старости. Да и кому нужна дряхлая, изможденная, истасканная женщина? Безпросыпному пьяницѣ, солдату, матросу или какому-нибудь бѣдняку. Вотъ почему большинство состарѣвшихся проститутокъ, если онѣ въ теченіе своей позорной жизни не успѣли скопить себѣ состоянія или сдѣлаться содержательницами заведеній, обыкновенно поступаютъ въ разрядъ нищихъ и становятся подругами такихъ же оборванцевъ, какъ онѣ сами, оканчивая свою постыдную жизнь, гдѣ-нибудь въ грязной коморкѣ, на клочкѣ гнилой соломы, быть можетъ часто проклиная ту минуту, въ которую нужда, голодъ и холодъ заставили ее вступить на тотъ путь, который ведетъ въ безысходную бездну разврата и преступленій.

Въ Одессѣ, какъ и вездѣ въ большихъ городахъ, проституція дѣлится на нѣсколько разрядовъ, вслѣдствіе различія потребителей. Въ ней есть и блистательные maison de tolerance и самые грязные, самые отвратительные притоны разврата, въ которые заходитъ только крайняя нищета, безпробудное пьянство, да изрѣдка, можетъ быть, любопытный наблюдатель.

Дома терпимости, или публичные дома разврата, обыкновенно скучены вмѣстѣ группами. Въ концѣ Дерибасовской улицы ихъ около двѣнадцати. Дома Папудова, на Ланжероновскомъ спускѣ и знаменитый домъ Мольера около Пале-Рояля переполнены этими заве-

деніями. Цѣлый кварталъ Нѣжинской улицы въ линію сплошь занятъ публичными домами. То же самое представляютъ Кривая, Дегтярная и Успенская улицы,— повторяя въ этомъ случаѣ знаменитый Соболевъ переулокъ въ Москвѣ, Лиговку, Чубаровъ переулокъ и т. д. въ Петербургѣ.

Самый низкій разрядъ проституціи, какой напр. можно встрѣтить только на Сѣнной въ Петербургѣ или на Дербеновкѣ въ Москвѣ,—ютится въ погребахъ на Старомъ Базарѣ и въ окрестностяхъ; тамъ помѣщаются притоны самаго страшнаго разврата; тамъ существуютъ такія мѣста, куда даже не заглядываетъ полиція. Никакое человѣческое воображеніе не можетъ представить себѣ той поразительно-безобразной картины цинизма и грязи, какую возможно встрѣтить только въ этихъ вертепахъ, и которая заставляетъ невольно содрагаться до ужаса.

Хотя мы и не имѣемъ положительныхъ статистическихъ данныхъ о числѣ заболѣвшихъ венерическими болѣзнями въ средѣ фабричныхъ, но съ большою вѣроятностію можно заключить, что число это довольно значительно, ибо устройство большинства нашихъ фабрикъ и легкость сближенія между двумя полами при крайней нечистоплотности представляетъ весьма благопріятныя условія для развитія этихъ болѣзней.

Изъ большихъ городовъ и промышленныхъ селъ при легкости путей сообщенія венерическія зараженія разносятся и по маленькимъ городамъ, мѣстечкамъ и деревнямъ большею частію фабричными, прибывающими ежегодно въ свое время къ себѣ въ деревню, а также и солдатами, приходящими „на побывку". Въ этихъ-то маленькихъ городахъ и деревняхъ при несовершенствѣ медицинской части и невѣжествѣ массъ венерическія болѣзни и получаютъ дальнѣйшее развитіе.

Женщина, тайно занимающаяся проституціею, заболѣвъ венерическою болѣзнію, нерѣдко скрываетъ это, чтобы не попасть въ Калинкинскую (въ Петербургѣ) больницу, или въ Московскую Полицейскую; ибо по правиламъ врачебно-полицейскаго комитета въ списки развратныхъ женщинъ вносятся не однѣ лишь женщины, развратъ которыхъ открытъ и доказанъ смотри-

телями, записанныя по собственному желанію, по свѣдѣніямъ, представленнымъ полиціею, но и тѣ, о коихъ доставляются въ комитетъ свѣдѣнія изъ вышеозначенныхъ больницъ, что онѣ пользовались въ оныхъ отъ сифилиса и еще не находились подъ врачебно-полицейскимъ надзоромъ. Наконецъ ложный стыдъ удерживаетъ многихъ не только женщинъ, но даже и мужчинъ. Докторъ медицины г. Шперкъ въ статьѣ своей „о мѣрахъ къ прекращенію распространенія сифилиса у проститутокъ“, между прочимъ говоритъ: „занимаясь въ продолженіе 10-ти лѣтъ болѣзнями половыхъ органовъ, я имѣлъ случай часто производить изслѣдованіе какъ мужчинъ, такъ и женщинъ различныхъ слоевъ общества; я свидѣтельствовалъ въ продолженіе нѣсколько лѣтъ проститутокъ, партіи солдатъ, ссыльныхъ и проч., и потому имѣлъ случай наблюдать проявленіе чувства стыдливости въ различныхъ степеняхъ; вотъ выводы, къ которымъ я пришелъ: „Очень многіе мужчины стыдятся показывать свой половой членъ, въ особенности если это приходится имъ дѣлать въ первый разъ. Проявленіе этого чувства бываетъ, конечно, разнообразно, смотря по индивидуальной впечатлительности, воспитанію, положенію въ обществѣ и проч. Я очень хорошо помню одинъ случай изъ студенческой жизни, гдѣ одинъ молодой товарищъ, получивъ въ первый разъ шанкръ, долго не рѣшался пойти къ врачу. Со стороны товарищей нужно было сдѣлать много серьезныхъ увѣщаній и подтруниваній надъ его добродѣтелью, свойственною краснымъ дѣвушкамъ, чтобъ заставить его итти просить совѣта у врача. Конечно, подобная возвышенная стыдливость у мужчинъ бываетъ только въ первой юности и при извѣстномъ воспитаніи. Гораздо чаще, при первомъ изслѣдованіи паціентовъ мужского пола замѣчается проявленіе чувства стыдливости въ выступленіи краски на лицѣ и торопливыхъ, часто доходящихъ до безцѣльности, движеніяхъ при разстегиваніи брюкъ; нѣкоторые мѣшаются до того, что начинаютъ безсвязныя извиненія. Можетъ быть многимъ покажется страннымъ, но я осмѣливаюсь увѣрить, что стыдливость можно наблюдать даже въ самыхъ низшихъ классахъ—у крестьянъ, солдатъ, даже

у поселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ. Врачи, имѣвшіе случай часто производить осмотръ партій нижнихъ чиновъ, рабочихъ и поселенцевъ, хорошо могутъ отличить по краскѣ въ лицѣ и по безцѣльнымъ, суетливымъ движеніямъ новичковъ въ этой операціи. Привычка къ освидѣтельствованію притупляетъ одинаково чувство стыдливости какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ".

О стыдливости женщинъ докторъ Шперкъ говоритъ слѣдующее: „Женщина, вообще, впечатлительнѣе мужчины, поэтому и чувство стыдливости у ней выражается сильнѣе... Я, по крайней мѣрѣ, изъ моихъ наблюденій вынесъ твердое убѣжденіе, что женщина нерѣдко мирится съ мыслью сдѣлаться продажной, но никогда не мирится съ мыслью подвергать себя публичному освидѣтельствованію; она часто считаетъ первое своею безысходною судьбой; второе — всегда поруганіемъ.

Тайная проституція, которая при настоящемъ порядкѣ вещей, у насъ, какъ и вездѣ, развита гораздо болѣе, чѣмъ явная, особенно способствуетъ развитію сифилиса, такъ какъ женщины, занимающіяся проституціей втайнѣ, болѣе подвержены случаямъ зараженія венерическими болѣзнями.

Мы заканчиваемъ эту главу, говоря съ полнымъ убѣжденіемъ, что близко, вѣроятно, то время, когда лучшее устройство общества дастъ возможность если не совершенно уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, сдержать публичный развратъ въ болѣе тѣсныхъ границахъ.

ГЛАВА IV.

Нравы и обычаи современныхъ проститутокъ.

У насъ, какъ и вездѣ, проституція дѣлится на явную и потаенную, т. е. на разрядную и на незаписанныхъ проститутокъ.

Контингентъ потаенныхъ проститутокъ чрезвычайно разнообразенъ по своему составу. Въ него входятъ служанки, модистки, одинокія и безпомощныя вдовы, оставленыя мужьями жены и дочери, прикащицы въ различныхъ магазинахъ (преимущественно иностранки), актрисы, содержанки и т. д.

Причины, заставляющія этихъ женщинъ скрывать свое ремесло, весьма различны. Многія изъ нихъ занимаются скрытно своимъ ремесломъ изъ чувства стыда, неразлучнаго для нихъ съ явкою въ полицію, періодическимъ медицинскимъ осмотромъ и желтымъ билетомъ. Многія не рѣшаются на записываніе изъ боязни потерять свое *реноме* у родственниковъ и знакомыхъ. Замужнія женщины, дочери строгихъ отцовъ, служанки необходимо принуждены проститутничать тайкомъ, если не хотятъ подвергнуться гнѣву и взысканіямъ людей, имѣющихъ надъ ними власть. Наконецъ главная причина потаенной проституціи та, что главный ея промыселъ состоитъ въ растлѣніи невинностей, за что законъ наказываетъ весьма строго. Посредниками въ добычѣ и продажѣ дѣвической невинности по большей части бываютъ сводни, изъ которыхъ нѣкоторыя обладаютъ значительнымъ состояніемъ и пользуются общественнымъ уваженіемъ. Нѣкогда въ Петербургѣ особенно славилась по этой части знаменитая *Трубочистиха*, носившая эту кличку потому, что скрывала свое ремесло подъ видомъ содержанія трубочистовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ сводней торгуютъ дѣвушками подъ предлогомъ доставленія имъ занятій или просто держатъ ихъ въ своихъ заведеніяхъ нарочно для того открытыхъ. Въ Москвѣ одна такая госпожа имѣла контору для доставленія гувернанокъ. Ихъ обыкновенно каждый день

собиралось нѣсколько; сюда же пріѣзжали знакомые этой благородной дамы развратники, подъ предлогомъ отысканія воспитательницы, и дѣлали по своему вкусу выборъ. Не мало бѣдныхъ дѣвушекъ попались въ разставленныя ловко сѣти.

И потаенную и разрядную проституціи можно раздѣлить на два вида: аристократическую и плебейскую. Кромѣ того разрядная проституція дѣлится на нѣсколько категорій: лучшій товаръ захватывается всемогущимъ капиталомъ, низшіе сорта остаются на долю бѣдности. У насъ аристократическая проституція состоитъ преимущественно изъ иностранокъ. Самый выкій и дорогой сортъ извѣстный подъ названіемъ камелій и весьма малочисленный доставляется изъ Франціи, затѣмъ слѣдуетъ Германія и Прибалтійскій край. Самый низшій классъ состоитъ почти единственно изъ русскихъ женщинъ.

Аристократическая потаенная проституція какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ разселилась повсюду, получила права гражданства на самыхъ лучшихъ улицахъ обѣихъ столицъ. Низшая ютится въ извѣстныхъ кварталахъ. Въ Петербургѣ напримѣръ самая грязная, оборванная, голодная, уродливая проституція ютилась прежде на Сѣнной въ извѣстномъ Малинникѣ, и въ столь же извѣстномъ домѣ князя Вяземскаго; въ Москвѣ она сосредоточилась на Дербеновкѣ, Драчевкѣ и Козихѣ.

На Дербеновкѣ, напр., цѣлая улица занята публичными домами самаго низшаго сорта, посѣщаемыми солдатами, мастеровыми, оборванцами и т. п. людомъ, за плату, не превышающую 50 коп. сер. за ночь. Здѣсь если вы пройдете вечеромъ зимой или лѣтомъ въ ясную погоду, или въ дождь, въ зимнюю вьюгу, вы непремѣнно встрѣтите у каждыхъ воротъ нѣсколько женщинъ, приглашающихъ васъ въ свои вонючіе, грязные вертепы, въ этихъ вертепахъ вы встрѣтите старыхъ, одряхлѣвшихъ, уродливыхъ женщинъ, до такой степени нарумяненныхъ и набѣленныхъ, что невольно удивитесь, какъ этотъ слой бѣлилъ и румянъ не обваливается какъ со стѣнъ штукатурка. Вы встрѣтите женщинъ съ хриплымъ, надтреснутымъ голосомъ, женщинъ, до того

истасканныхъ, изношенныхъ, что только безчувственно пьяный человѣкъ въ состояніи, какъ онѣ сами выражаются, *заниматься* съ ними. Здѣсь у васъ потребуютъ дамскаго угощенія: водки или пива, а если вы останетесь съ какою-либо изъ этихъ прелестницъ, то по утру она попроситъ у васъ гривенника на похмѣлье или помаду. Въ этихъ притонахъ почти всѣ проститутки съ жадностью пьютъ водку, иначе имъ и года не продолжить бы своего отвратительнаго ремесла, такъ какъ здѣсь проститутка иногда бываетъ вынуждена принять въ вечеръ человѣкъ десять мужчинъ. Можно также быть увѣреннымъ, что если у васъ есть нѣсколько денегъ, то васъ здѣсь обокрадутъ, если только вы не постоянный гость.

Проститутки, населяющія Дербеновку, состоятъ почти исключительно изъ русскихъ; онѣ прошли всѣ ступени порока. Многія изъ нихъ перешли сюда изъ заведеній болѣе высшей категоріи, въ которыхъ онѣ стали болѣе негодны, но большинство попадаетъ прямо за неимѣніемъ средствъ къ существованію. Онѣ всѣ или изъ простыхъ крестьянокъ или изъ солдатокъ. По большей части то прежде бывшія кухарки, прачки и т. п.

На самой Драчевкѣ собственно публичныхъ домовъ незначительное количество, и то около знаменитаго нѣкогда Крыма, но за то тамъ громадное количество кабаковъ и полпивныхъ, въ которыхъ и днемъ и вечеромъ толпятся въ самомъ жалкомъ рубищѣ, вѣчно голодныя и вѣчно пьяныя женщины, принадлежащія къ отребью общества и продающія себя за шкаликъ водки или за миску щей, продаваемыхъ тутъ же. Брачнымъ ложемъ служитъ обыкновенно гдѣ-нибудь въ подвалѣ рваная рогожка. Въ Петербургѣ то же самое можно встрѣтить на Сѣнной. Проституція эта почти всегда соединяется съ мошенничествомъ и дѣйствуетъ съ возмутительнымъ цинизмомъ. Для нѣкоторыхъ изъ этихъ, вполнѣ отверженныхъ обществомъ, созданій проституція служитъ только средствомъ для совершенія воровства. Онѣ почти никогда не моются и носятъ свою одежду до тѣхъ поръ, пока она не развалится отъ гнилости. Квартиры ихъ отвратительны до такой степени, что отвратительнѣе себѣ ничего представить невозможно. Когда существо-

валъ знаменитый *Адъ* (такъ назывался подвальный этажъ гостиницы Крымъ, выходящій и на Цвѣтной бульваръ и на Драчевку), то многія изъ этихъ, по истинѣ отвратительныхъ созданій и дневали и ночевали въ немъ, въ обществѣ воровъ и мошенниковъ, такъ какъ онъ не запирался ни днемъ, ни ночью. Ходить въ него одному было довольно опасно, потому что навѣрное можно было разсчитывать, что васъ ограбятъ, даже полиція была безсильна противъ коммуны воровъ грабителей, собиравшихся въ этомъ подвалѣ, послѣ какого-нибудь грабежа или воровства попьянствовать на добытыя деньги.

Знаменитый Соболевъ переулокъ, идущій съ Драчевки на Срѣтенку, сплошь, подобно Дербеновкѣ, состоитъ изъ публичныхъ домовъ, принадлежащихъ къ болѣе высшей категоріи. Впрочемъ и въ немъ публичные дома можно раздѣлить на нѣсколько разрядовъ по количеству платы, которая измѣняется отъ 1 р. до 3 р. за *время* (une passe) и отъ 2 до 7 за ночь. Самое аристократическое заведеніе этого переулка есть заведеніе Р., считающееся однимъ изъ первыхъ въ Москвѣ. Паркетные полы, очень хорошая и дорогая мебель, до безобразія роскошныя платья женщинъ, молодыхъ и красивыхъ,—все это, на самомъ дѣлѣ, представляетъ довольно шикарный видъ, но подъ этой красивой внѣшностью—та же грязь и тотъ же развратъ, какъ и въ самомъ грязномъ притонѣ проституціи. Кромѣ того заведеніе имѣетъ весьма дурную славу, хотя, несмотря на это, посѣщается многочисленной публикой. Здѣсь подаютъ одно только шампанское и портеръ, первое стоитъ 5, а послѣдній 3 р. сер.

Но кромѣ домовъ проституціи, разрядная проституція, особенно нѣсколько лѣтъ тому назадъ, находила себѣ пріютъ во многихъ трактирныхъ заведеніяхъ, изъ которыхъ особенно прославились Миланъ, Италія, Царицыно и др. Эти заведенія, въ которыхъ играла музыка и пѣли арфистки, совершенно утратили свое первоначальное и настоящее назначеніе, быть мѣстами, въ которыхъ продаются кушанья и питія, и стали обширными домами непотребства, въ самомъ тѣсномъ значеніи этого слова. Этому способствовало то обстоятель-

12*

ство, что большинство изъ нихъ было снабжено отдѣльными нумерами. Проститутки въ самыхъ залахъ заключали торгъ и отправлялись въ эти нумера или pour une passe, или на ночь. Все это въ соединеніи съ самымъ крупнымъ безобразіемъ во время танцевъ сильно оскорбляло общественное мнѣніе, и правительство нашло наконецъ вынужденнымъ уничтожить эти неоффиціальные дома распутства, что и было достигнуто запрещеніемъ въ нихъ музыки и пѣнія. Заведенія эти стали мало по малу сами собой закрываться, и въ настоящее время ихъ осталось весьма незначительное количество, да и самый развратъ въ заведеніяхъ, сохранившихъ характеръ проституціонныхъ домовъ, далеко не достигаетъ прежнихъ размѣровъ: это слабая копія въ миніатюрѣ.

Нельзя также пройти молчаніемъ знаменитую нѣкогда „Волчью долину"—трактиръ, находящійся у Большаго Каменнаго моста. Здѣсь въ нижнемъ этажѣ, состоящемъ, кромѣ двухъ большихъ залъ, изъ множества отдѣльныхъ коморокъ, по вечерамъ, въ былое время, собиралось нѣсколько десятковъ преимущественно бульварныхъ проститутокъ. Всѣ онѣ сидѣли обыкновенно въ самой большой залѣ въ ожиданіи покупателей. Въ старое время Волчья долина пользовалась очень громкой репутаціей и разгулявшіеся московскіе купчины задавали въ ней умопомрачительные кутежи, проживая по нѣсколько сотъ рублей въ вечеръ. Но время это давно прошло, и она теперь посѣщаема преимущественно мастеровыми и оборвышами проституціи, днемъ прогуливающимися по Александровскому саду и бульварамъ и продающими себя за самую низкую плату, никогда почти не превышающую 50 копѣекъ серебромъ и спускающуюся часто до нѣсколькихъ копѣекъ.

Наконецъ кромѣ этихъ какъ бы привеллигированныхъ мѣстъ, сотни и тысячи проститутокъ наполняютъ вечеромъ улицы, бульвары и площади Петербурга и Москвы, продавая себя первому встрѣчному. Это всего чаще потаенныя проститутки, избѣгающія надзора полиціи и медицинскаго осмотра, а потому самыя вредныя и опасныя для общественной нравственности и

здоровья. Это мрачное и ужасное, по выраженію г. Шашкова, море порока, глухо ревущее подъ ногами цивилизованнаго общества, разрушающее семью и увлекающее въ свои бездны тысячи жертвъ. Эту проституцію по справедливости можно назвать громадной фабрикой сифилиса.

Изъ всего, что мы сказали, совершенно ясно, что характеръ разрядной и потаенной проституціи у насъ точно такой же, какъ въ Западной Европѣ.

Въ экономическомъ отношеніи публичныя женщины также раздѣляются на два главныхъ класса: однѣ изъ нихъ живутъ самостоятельно (одиночки) и сами пользуются всею выручкою отъ своего промысла, другія же находятся въ зависимости отъ своихъ эксплуататоровъ (содержателей публичныхъ домовъ), относящихся къ нимъ какъ ко всякому другому товару. Положеніе этихъ послѣднихъ безъ сомнѣнія несравненно хуже, чѣмъ первыхъ, такъ какъ онѣ находятся совсѣмъ въ рукахъ содержательницъ публичныхъ домовъ.

Самостоятельныя проститутки, къ которымъ принадлежатъ всѣ живущія внѣ домовъ терпимости, весьма часто занимаются какимъ-нибудь ремесломъ, подспорьемъ которому служитъ развратъ. Днемъ онѣ портнихи, бѣлошвейки, цвѣточницы и т. п.; вечеромъ, тотъ товаръ, о которомъ сказано поэтомъ:

„И на лбу роковыя слова:
Продается съ публичнаго торга“!

Вечеромъ онѣ стараются пополнить свой скудный дневной заработокъ посредствомъ проституціи. Эти проститутки гораздо порядочнѣе и трудолюбивѣе женщинъ, живущихъ въ публичныхъ домахъ; изъ нихъ тѣ, которыя живутъ на мѣстахъ, конечно, гораздо обезпеченнѣе живущихъ на квартирахъ, послѣднія почти всегда находятся въ дому и почти всегда кончаютъ тѣмъ, что вступаютъ въ публичный домъ. Вообще для женщины необходимо множество благопріятныхъ условій, чтобъ стать самостоятельной. Основная причина проституціи— бѣдность, голодная, униженная, постоянно оскорбляемая и эксплуатируемая бѣдность, а потому большинство про-

ститутокъ должно попадать въ экономическое рабство эксплуататоровъ порока. Широкая система интригъ и козней,раскидываемая этими эксплуататорами для гибели несчастныхъ женщинъ, устроена весьма ловко и рѣдкой жертвѣ удается выпутаться изъ разставленныхъ сѣтей.

По всей Европѣ раскинута обширная и хорошо организованная система коммерціи разврата, съ многочисленными агентами, и множествомъ интригъ и хитростей, даже съ газетными объявленіями о куплѣ и продажѣ живаго тѣла. Многочисленныя сводни обоего пола распространены повсюду и существуютъ подъ самыми разнообразными формами, то въ грязныхъ лохмотьяхъ нищеты, то окруженныя всѣмъ блескомъ роскоши. Многія изъ нихъ принадлежатъ даже къ высшимъ классамъ. Для завлеченія въ развратъ молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ онѣ употребляютъ самые разнообразные способы. Г. Шашковъ въ своей прекрасной статьѣ о проституціи, помѣщенной въ „Дѣлѣ", разсказываетъ слѣдующій случай.

„Одна бѣдная дѣвушка, по выходѣ изъ Смольнаго института, долго жила на квартирѣ своего брата студента, терпя всевозможныя лишенія. Нѣсколько разъ объявляла она въ Полицейскихъ вѣдомостяхъ о своемъ желаніи заняться швейною работой. Въ одинъ прекрасный день, къ ней является какая то очень приличная пожилая дама и говоритъ, что ей нужно готовить приданое двумъ своимъ дочерямъ, предлагая ей у себя квартиру и шитье за выгодную плату. Институтка переѣхала, хозяйка взяла у нея для прописки въ полиціи институтскій атестатъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ другіе документы, сказавъ, что это необходимо. Когда швея-квартирантка пришла вечеромъ въ великолѣпное помѣщеніе хозяйки, то была познакомлена съ нѣсколькими племянницами. Въ гостяхъ было нѣсколько мущинъ. Институтка вскорѣ поняла, куда она попала. Къ ней навязался одинъ изъ посѣтителей, и ее взяли бы силой, если бы вовремя не пріѣхала въ этатъ публичный домъ компанія студентовъ и офицеровъ. Институтка обратилась къ нимъ за защитой. Содержательница начала увѣрять посѣтителей, что эта дѣвушка

продалась ей, задолжала много денегъ и отдала ей въ залогъ свои документы. Но посѣтители нагнали на содержательницу такого страха, что она принуждена была тотчасъ же освободить свою плѣнницу".

Разсказанный г. Шашковымъ случай вовсе не составляетъ какого-нибудь исключенія; подобные обманы нерѣдки, но чаще сводни и бандорши завлекаютъ въ свои сѣти невинныхъ дѣвушекъ, дѣйствуя обольщеніемъ роскоши, а разъ попавъ на эту дорогу несчастная жертва этого обольщенія не въ состояніи уже выбраться на честный путь и влачитъ свое жалкое существованіе, падая все ниже и ниже, пока, наконецъ, преждевременно отцвѣтшая и увядшая, не попадетъ въ самую бездну, гдѣ кишитъ кабачная проституція,—та отвратительно грязная, оборванная и вѣчно голодная проституція, существующая для плебейства.

Надо замѣтить, что содержательницамъ публичныхъ домовъ тѣмъ легче завлекать въ свои сѣти, что умственное и нравственное развитіе женщинъ вступающихъ въ проституцію крайне плохо. Онѣ по большей части не только лишены какого бы то ни было образованія, но очень часто даже не умѣютъ ни писать, ни читать. Всѣ онѣ по происхожденію принадлежатъ къ тому классу общества, для котораго образованіе составляетъ роскошь; всѣ онѣ вначалѣ были по большой части работницами въ магазинахъ или служанками, всѣ онѣ были обмануты и покинуты своими любовниками и намъ очень часто приходилось наблюдать тотъ странный фактъ, что онѣ рѣдко безъ озлобленія относятся къ своему прошлому и съ неудовольствіемъ отвѣчаютъ на разспросы о немъ, какъ будто даже оскорбляясь этими разспросами. По большей части онѣ равнодушно, а иногда даже съ отвращеніемъ относятся къ своему ремеслу и къ своимъ посѣтителямъ. Но вѣчно живущая въ человѣческомъ сердцѣ потребность „любви заставляетъ этихъ отверженныхъ обществомъ созданій искать ея удовлетворенія въ выборѣ постоянныхъ любовниковъ, къ которымъ онѣ привязываются со всею силою любящаго женскаго сердца, и которыхъ обыкновенно онѣ избираютъ или изъ студентовъ или изъ молодыхъ

приказчиковъ. Намъ случалось видѣть не одинъ примѣръ, что проститутки страшными физическими усиліями заработывали сумму, должную ими содержательницѣ заведенія, и сами выкупали себя, чтобъ жить трудами, вмѣстѣ съ своимъ бѣднякомъ-любовникомъ; но почти всегда случалось такъ, что послѣдній, проживъ все, что имѣла проститутка по выходѣ изъ заведенія, бросалъ ее для новой любовницы, и несчастная снова попадала въ тотъ омутъ, изъ котораго на минуту извлекала ее всепобѣждающая сила любви.

Вообще общество привыкло смотрѣть на проститутокъ, какъ на совершенно погибшихъ, отверженныхъ, до мозга костей пропитавшихся порокомъ женщинъ, совершенно не думая о томъ:

... сколько бурь сокрушительныхъ
„Надъ ея головой пронеслось,
„Сколько выплакать слезъ ей мучительныхъ,
„Сколько дней голодать привелось.
„Съ какой силой и волей упорною
„Съ гнетомъ жизни боролась потомъ,
„Чтобъ не стать на дорогу позорную
„И жить честно тяжелымъ трудомъ

Общество не хочетъ и знать, какъ и почему эта отверженная имъ женщина вступила на этотъ страшный путь, который приводитъ ее наконецъ въ самую глубь омута, въ которомъ погибаютъ послѣдніе проблески человѣческаго чувства и сознанія, заглушаемыя безпробуднымъ отчаяннымъ пьянствомъ и самымъ грубымъ, отвратительнымъ цинизмомъ. Общество не хочетъ сознать, что часто оно само виновно въ этомъ страшномъ паденіи, въ этой гибели человѣческаго существа, которому оно не умѣло или не могло подать вовремя помощь. Оно заклеймило печатью презрѣнія и ненависти эту женщину, которая пала вслѣдствіе неправильности и несовершенства соціальныхъ условій,—и считаетъ себя правымъ. Но такъ ли должно относиться къ падшей женщинѣ? Не слѣдуетъ ли, напротивъ, стараться всѣми силами вытащить ее изъ этого омута? Не слѣдуетъ ли устранить причины, способствующія

этому паденію? Правительственная власть въ этомъ случаѣ совершенно безсильна. Никакими карательными или репрессивными мѣрами не остановишь мутнаго потока публичнаго разврата, разрушающаго семейныя связи, съ каждымъ днемъ принимающаго все болѣе и болѣе громадные размѣры, и грозящаго потопить въ своихъ мутныхъ волнахъ все, чѣмъ гордится человѣчество: невинность, свѣжесть и непорочность чувствъ, честь и т. д. Да, наше надмѣнное презрѣнье, наше слишкомъ великолѣпное негодованіе и слишкомъ жестокое отвращеніе не могутъ быть оправданы тѣмъ, что, быть можетъ, самая глубокая крайность, самое безвыходное положеніе, голодъ и холодъ, а иногда невѣжество ввергнули женщину въ омутъ разврата. Паденіе никогда не совершается сразу, мгновенно, а происходитъ постепенно, по извѣстнымъ градаціямъ. И не должно, забывать, что,

„... порою изъ бездны паденія,
„Чтобы грѣшницы душу извлечь,
„Яркій свѣточъ любви и прощенія
„Стоитъ только предъ нею зажечь".

Да, любовь,—великая, всепрощающая любовь,—способна очистить отъ грязи каждаго, въ комъ еще не совсѣмъ умерло человѣческое чувство, а что въ проституткахъ не умираетъ потребность любви,—потребность раздѣляемой страсти,—доказывается тѣмъ, что у каждой изъ нихъ есть любовникъ, которому онѣ жертвуютъ всѣмъ.

Мы уже говорили, что въ рядахъ проститутокъ есть весьма незначительный процентъ женщинъ зажиточныхъ классовъ. Большинство состоитъ изъ дочерей совершенно разорившихся родителей, работницъ, почему-либо лишившихся занятій и т. п.,—т. е. изъ женщинъ, подверженныхъ всѣмъ страданіямъ нищеты. Однѣ изъ нихъ увлечены и обмануты любовниками, другіе увлекались подарками волочащейся молодежи и перспективой комфорта. Обманутыя въ своихъ надеждахъ, эти женщины и желали бы вернуться къ прежней жизни, но уже поздно. Не только общество, но даже самые

знакомые и родные считаютъ ихъ *обезчещенными* и бѣгутъ отъ нихъ, какъ отъ чумы. У насъ для женщинъ совсѣмъ иной кодексъ нравственности, чѣмъ для мужчинъ. За то, что въ мужчинѣ считается поступкомъ естественнымъ, извинительною шалостью,—за то безжалостное общественное мнѣніе коритъ павшую женщину, силою толкая ее въ развратъ, и ставя въ невозможность вернуться къ порядочной жизни. Павшая, но раскаявшаяся Магдалина съ тяжкими рыданіями валяется у насъ въ ногахъ, но мы не хотимъ слышать ея воплей, и вмѣсто того, чтобъ подать ей руку помощи, мы пинками толкаемъ ее въ ту бездну, изъ которой нѣтъ возврата. Развѣ это не безчеловѣчно? Но таковы наши соціальные порядки, такъ сложилось у насъ общественное мнѣніе, что

„... тебѣ состраданья не встрѣтить,
„Нищеты и несчастія дочь!
„Свѣтъ тебя предаетъ поруганью
„И охотно прощаетъ другой,
„Что торгуетъ собой по призванью,
„Безъ нужды, безъ борьбы роковой“.

А такихъ торговокъ не мало, но онѣ имѣютъ честь принадлежать къ зажиточнымъ классамъ, торговлю ведутъ контрабандой, въ полицейскія книги не записаны, и свѣтъ смотритъ сквозь пальцы на ихъ шалости. Мы не говоримъ объ этихъ упитанныхъ развратницахъ, увѣшанныхъ шелками и украшенныхъ золотомъ, роскошные будуары которыхъ посѣщаются десятками любовниковъ, наслаждающихся не за деньги, а pour amour; мы не говоримъ объ этихъ полуразвалившихся богатыхъ старушонкахъ, обезьянья похотливость которыхъ заставляетъ, ихъ содержать разныхъ постельныхъ гайдуковъ и франтовъ,—мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о женщинахъ высшаго и средняго классовъ, промышляющихъ развратомъ, по примѣру дочери царя Хеопса, которая торговала собой въ пользу своего папаши, совершенно разорившагося на постройку пирамиды. Такія женщины есть во всѣхъ большихъ городахъ Европы, и случается, что онѣ торгуютъ

собой даже съ вѣдома и согласія своихъ мужей. Бѣдная дѣвушка иногда продаетъ себя лишь для того, чтобъ получить кусокъ хлѣба и не умереть съ голода, а богатая красавица покупаетъ себѣ на свои ласки и прелести роскошные дома и виллы, кружева и бриліанты, блестящіе экипажи и тысячныхъ рысаковъ [1]). Это позорно! Этотъ міръ блестящаго разврата, этотъ demi monde, столько разъ описанный французскими писателями, въ тысячу разъ безнравственнѣе голодной проституціи. Онъ безнравственнѣе потому, что этихъ блистательныхъ, пользующихся довольствомъ женщинъ толкаетъ въ развратъ не необходимость, не голодъ и холодъ, а ненасытная жажда роскоши quand même. Эти одѣтыя въ шелкъ и брилліанты прелестницы полусвѣта отвратительнѣе потому, что торгуя собой ради блеска и роскоши, торгуя честью своихъ мужей,—онѣ клеймятъ презрѣніемъ своихъ родныхъ сестеръ по разврату, кокорыхъ толкнула въ него бѣдность, нищета и совершенная безпомощность; тогда какъ эти послѣднія имѣли бы большее право смотрѣть на нихъ презрительно и бросить имъ въ лицо такой укоръ и такое проклятіе, отъ котораго онѣ должны бы были затрепетать, еслибъ у нихъ оставалась хоть частичка чувства и сердца.

Привычки и образъ жизни разрядныхъ проститутокъ повсюду почти одинаковы. И въ Парижѣ и Петербургѣ, и въ Берлинѣ и въ Москвѣ ихъ нравы и обычаи не имѣютъ особенно рѣзкаго отличія. Онѣ всѣ вообще тщеславны и суетны, любятъ наряды, въ которыхъ стремятся подражать послѣдней модѣ высшаго общества; но эти наряды обыкновенно поражаютъ только безвкуснымъ великолѣпіемъ и съ перваго раза бросаются въ глаза, служа какъ бы вывѣской того ремесла, которое составляетъ ихъ неотъемлемую принадлежность. Мы просимъ читателя обратиться ко второй части этой книги, въ которой довольно подробно описаны образъ жизни и нравы парижскихъ проститутокъ, мало чѣмъ отличающіеся отъ нашихъ.

Съ своей стороны мы можемъ сказать, насколько

---

[1]) См. журналъ „Дѣло" 1869 май, ст. *Шашкова*.

замѣтили, изучая московскую проституцію, что проститутки вообще не питаютъ одна къ другой ни особенной привязанности, ни особенной вражды. Пьянство между женщинами публичныхъ домовъ высшей категоріи, которыя почти всѣ иностранки, развито въ гораздо меньшей степени, чѣмъ между проститутками низшихъ классовъ. Вообще, заѣзжія проститутки ведутъ себя гораздо сдержаннѣе русскихъ, и индиферентнѣе относятся къ своему ремеслу, какъ будто не видя въ немъ ничего постыднаго. По нашему мнѣнію, это зависитъ отъ народнаго характера. Мы всегда замѣчали, что русская женщина стремится во что бы то ни стало забыться, а русскій человѣкъ всегда тѣшитъ свое горе въ винѣ. Ее постоянно преслѣдуетъ чувство стыда и униженія и это-то чувство заставляетъ ее напиваться. Впрочемъ, надо замѣтить, что онѣ не очень любятъ вино, которое пьютъ по необходимости, такъ какъ содержательницы заведеній заставляютъ ихъ требовать отъ гостей угощенія, и предпочитаютъ простую водку и особенно сладкія наливки, которыя пьютъ съ удовольствіемъ. Вино хоть нѣсколько поддерживаетъ и здоровье и силы, разрушаемыя безсонными ночами и насильственной отдачей своего тѣла на поруганіе каждаго желающаго; оно также уменьшаетъ до нѣкоторой степени то отвращеніе, какое онѣ должны чувствовать при отправленіи своего ремесла.

Содержательницами домовъ терпимости по большей части бываютъ состарѣвшіяся эксъ-проститутки, успѣвшія накопить себѣ какимъ-нибудь образомъ деньжонокъ. Ремесло ихъ такъ выгодно, что многія пріобрѣтаютъ значительные капиталы, покупаютъ дома и т. д. Иногда содержательница есть только отвѣтственное передъ правительствомъ лицо, такъ какъ у насъ законъ запрещаетъ мужчинамъ открывать публичные дома, а на самомъ дѣлѣ хозяиномъ заведенія бываетъ какой-нибудь аферистъ, по большей части мужъ или любовникъ *мадамы*. Впрочемъ, у всѣхъ содержательницъ непремѣнно есть или мужъ, или любовникъ. Въ лучшихъ заведеніяхъ этого рода сама хозяйка рѣдко показывается въ залу, а всѣмъ заведеніемъ и пріемомъ посѣтителей завѣдуетъ *экономка*, на обязанности ко-

торой лежитъ также наблюденіе за *дѣвицами*. Содержательница или экономка вывозитъ иногда лучшихъ дѣвицъ въ театръ, или на гулянье, такъ какъ у насъ не запрещено проституткамъ показываться въ публичныхъ мѣстахъ.

Содержательница заведенія самымъ безсовѣстнымъ образомъ эксплуатируетъ проститутокъ. Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ каждая проститутка платитъ по 30 руб. серебр. въ мѣсяцъ за столъ и за эту громадную сумму ее кормятъ щами да кашей; впрочемъ, въ лучшихъ домахъ терпимости пища проститутокъ довольно порядочная. Содержательница заведенія сама покупаетъ проституткамъ и платье и бѣлье и обувь, и это доставляетъ ей едва ли не самый значительный доходъ, такъ какъ за платье въ 20 рублей, она беретъ 50—60 рублей серебр., за рубашку въ два цѣлковыхъ, лупитъ, какъ говорится, красненькую. У проститутки нѣтъ своихъ денегъ, кромѣ тѣхъ, которыя дарятъ ей посѣтители, но сумма этихъ подарковъ никогда не бываетъ значительна.

Разъ попавъ въ домъ терпимости, проститутка навсегда становится должницей; она какъ бы продается въ кабалу. Ей нѣтъ никакого выхода. Переходя къ другой хозяйкѣ, она не избавляется отъ долга, доходящаго иногда до очень почтенной цифры, ибо новая хозяйка выплачиваетъ долгъ прежней содержательницѣ. Эта вѣчная кабала проститутки можетъ окончиться только выкупомъ, что случается очень не часто. Жизнь проститутки—истинная каторга, это жизнь исполненная повсечаснаго униженія, постояннаго нравственнаго и физическаго насилія. Проститутка публичнаго дома не имѣетъ ни своей воли, ни своихъ желаній, она теряетъ всякую личную самостоятельность, перестаетъ быть личностью, и становится вещью, которая прежде всего принадлежитъ ея эксплуататорамъ. Что можетъ быть хуже этого положенія. Намъ скажутъ: она сама виновата. О гг. строгіе моралисты! вы забываете, что нищета можетъ довести до преступленія, что голодъ родной братъ убійству.

Бѣдныя и жалкія созданія, всѣми и всюду презираемыя и гонимыя, вы рѣдко когда слышите слово

участія, но могущественный, неудержимый потокъ времени, внося прогрессъ во всѣ сферы общества, неминуемо долженъ коснуться и васъ. Какъ скоро улучшится соціальное положеніе женщины,—проституція должна будетъ пойти и пойдетъ обратнымъ шагомъ, хотя всегда будетъ существовать, если только не переродится весь родъ человѣческій, и всегда будутъ существовать тѣ, у которыхъ:

„... на лбу роковыя слова:
„Продается съ публичнаго торга!“

Конецъ.